

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 2002 г.

ISSN 1994-0637

Вестник

ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

6/2024

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс 94096

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 6 (123) • 2024

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2024

Выход в свет: № 6 (123) • 2024 • Декабрь. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-66463 от 14.07.2016 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А. А. КАЛИТНИК

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОЙСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

 CYBERLENINKA

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

 Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

 EBSCO
Discovery Service

 BASE

 Google
Scholar

 OCOLC
WorldCat

 СОЦИОНЕТ

 ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

 OpenAIRE

 EBSCO
A-Z

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© Череповецкий государственный университет, 2024

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 6 (123) • 2024

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2024

Date of publication: № 6 (123) • 2024 • December. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications

5.9 Philology

5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

Registration certificate PI № FS77-66463 issued July 14, 2016, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)

E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: A. A. KALITNIK

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

OCOL
WorldCat

СОЦИОНЕТ

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-to-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Cherepovets State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Богданова О. В., Жилена Е. С.</i> Трансформация «пушкинского мифа» в постсоветской русской драматургии (пьеса О. Богаева «Кто убил месье Дантеса»)	7
<i>Воробьева Т. А.</i> Лингвокреативный потенциал семантических окказионализмов в художественном тексте	24
<i>Глазков А. В.</i> Моделирование когерентности текста с помощью ориентированного графа	34
<i>Долгова Е. В., Кудинова Т. А.</i> Манипулятивный потенциал метафор в медийном дискурсе	46
<i>Камышева О. С.</i> Метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в антиутопическом романе К. Воннегута «Механическое пианино».....	59
<i>Кодзова З. Н.</i> Фрейм «Здоровый образ жизни» и его языковая репрезентация в арабской паремиологической картине мира	71
<i>Кузьмина М. Д.</i> Эпистолярный сюжет как литературный: переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной 1830-х гг.	79
<i>Левшун Л. В.</i> Система поэтологических категорий в свете христианского богословия творчества	91
<i>Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В.</i> Когнитивная обработка термина в процессе транстерминологизации (на примере терминов искусственного интеллекта).....	103
<i>Соловьева Е. Е.</i> Художественный концепт «Письмо» в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина	114
<i>Терешкина Д. Б.</i> Новгородский и северный тексты русской литературы: к вопросу о взаимоотношении понятий	126
<i>Трубщица М. Ю.</i> Подвиг новомучеников и чудо в творческой истории рассказа «Куликово поле» И. С. Шмелева (к 150-летию со дня рождения И. С. Шмелева).....	137
<i>Ульянова М. А., Панина Т. И.</i> Неметафорическая метафора в интернет-дискурсе (на примере русского и английского спортивного интернет-блога)	145
<i>Чуева М. В.</i> О некоторых структурных аспектах итерации как средства номинации в русскоязычном субстандарте (в сопоставлении с английским)	153
<i>Шанькова А. А., Коваленко А. Г.</i> Феноменологический аспект в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»	165

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гольцова Н. В., Яковлева Е. В.</i> Прогнозирование делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы	174
<i>Зауторова Э. В.</i> Практико-ориентированный подход в обучении и представления курсантов ВПЭ ФСИН России об исправительном учреждении	185
<i>Лашкова Г. Н., Чистякова Н. Н.</i> Диагностика проявления буллинга у младших школьников	198
<i>Скворцова М. А., Смирнова И. А.</i> Сформированность статуса профессиональной идентичности у абитуриентов среднего профессионального образования: мотивы, ожидания, страхи	209
<i>Шлейникова Е. Е., Дементьева А. А., Макарова Т. Г., Могилёва И. И.</i> Обучение на языке-посреднике в медицинских вузах России: комплексный подход к формированию коммуникативной компетенции иностранных студентов (из опыта работы СПбГПУ)	218

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

<i>Королева А. Н.</i> «Историческая гостиная» как просветительская практика для обучающихся в общеобразовательной организации	229
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Ильина Е. Н., Крылова О. Н.</i> Грамматика нынче не в моде?: отчёт о работе XV всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (2–3 ноября 2024 года)	238
---	-----

Информация для авторов	242
------------------------------	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Bogdanova O. V., Zhilene E. S. The transformation of the “Pushkin myth” in post-Soviet Russian drama (O. Bogaev’s play “Who killed Monsieur D’Anthes”)	7
Vorob’eva T. A. Linguocreative potential of semantic occasionalisms in a literary text. <i>Cherepovets</i>	24
Glazkov A. V. Modelling text coherence using a directed graph	34
Dolgova E. V., Kudina T. A. Manipulative potential of metaphor in media discourse	46
Kamysheva O. S. Metaphors with the magnet-sphere “Music” in K. Vonnegut’s dystopian novel “Player Piano”	59
Kodzova Z. N. The “healthy lifestyle” frame and its linguistic representation in the Arabic paremiological image of the world	71
Kuzmina M. D. Epistolary plot as literary: correspondence between A. I. Herzen and N. A. Zakharyina in the 1830s.	79
Levshun L. V. The system of poetological categories in the light of the Christian theology of creativity	91
Musaeva A. S., Slozhenikina Yu. V. Cognitive processing of a term in transterminologisation (based on artificial intelligence terms)	103
Solov’eva E. E. The literary concept “Letter” in “The Belkin Tales” by A. S. Pushkin	114
Tereshkina D. B. Novgorod and Northern texts of Russian literature: on the question of the relationship of concepts	126
Trubitsina M. Yu. The feat of new martyrs and a miracle in the creative history of the narrative ‘Kulikovo Field’ by I. S. Shmelev (to the 150 th anniversary of I. S. Shmelev)	137
Ulyanova M. A., Panina T. I. Non-metaphorical metaphor in internet discourse (by the example of Russian and English sport internet blogs)	145
Chueva M. V. On structural aspects of iteration as a means of nomination in the Russian substandard (comparing to the English substandard)	153
Shankova A. A., Kovalenko A. G. The phenomenological aspect in the prose of E. G. Vodolazkin (by the example of the novel “Aviator”).	165

PEDAGOGY

Goltsova N. V., Yakovleva E. V. Forecasting delinquent behavior of adolescents in the activities of a social pedagogue at school	174
Zautorova E. V. Practice-oriented approach in teaching and ideas about the correctional institution among cadets of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation	185
Lashova G. N., Chistiakova N. N. Diagnosis of bullying in junior schoolchildren	198
Skvortsova M. A., Smirnova I. A. Development of the professional identity status among applicants of secondary vocational education: motives, expectations, fears	209
Shleinikova E. E., Dement’eva A. A., Makarova T. G., Mogileva I. I. Teaching in an intermediary language at medical universities of Russia: complex approach to foreign students’ communicative competence formation (from the practical experience of SPbSPMU)	218

PEDAGOGICAL EXPERIENCE

Koroleva A. N. “Historical Lounge” as a tool for educating students in a general educational institution.....	229
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Ilyina E. N. Is grammar out of fashion now?: report on the work of the XV All-Russian school-seminar of young lexicologists, lexicographers and linguogeographers (November 2–3, 2024)	238
For the authors attention	242

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 7–23.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 7–23.

Научная статья

УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-1>

EDN: GESALR

Трансформация «пушкинского мифа» в постсоветской русской драматургии (пьеса О. Богаева «Кто убил месье Дантеса»)

Ольга Владимировна Богданова^{1✉}, Екатерина Сергеевна Жилене²

¹Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,

¹Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия,

²Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

²Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия,

^{1✉}olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²ebibergan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7973-0579>

Аннотация. В статье рассматриваются различные пласты (композиционно-структурный, образно-персонажный, символично-мотивный и др.) пьесы современного отечественного драматурга Олега Богаева «Кто убил месье Дантеса». Показано, что в пьесе современного представителя «уральской школы» (Н. Коляда) «пушкинский миф» переживает трансформацию и из частной судьбы потомков А. С. Пушкина и Ж. Дантеса перерастает в размышление о судьбе человека вообще, о неоднозначности и многослойности человеческих чувств и эмоций. Установлено, что абсурдистские тенденции, к которым прибегает современный драматург, деформируют и разрушают «шаблоны» привычно устоявшегося восприятия в советской соцреалистической литературе истории дуэли Пушкина и Дантеса и позволяют спроецировать проблемы прошлого в настоящее, терзания героев позапрошлого века актуализировать в современности и придать им остроту и живость.

Ключевые слова: О. Богаев, «Кто убил месье Дантеса», реальность и миф, идейные и структурные антиномии, судьба «русской идеи»

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского.

Для цитирования: Богданова О. В., Жилене Е. С. Трансформация «пушкинского мифа» в постсоветской русской драматургии (пьеса О. Богаева «Кто убил месье Дантеса») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 7–23. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-1>

The transformation of the “Pushkin myth” in post-Soviet Russian drama
(O. Bogaev’s play “Who killed Monsieur D’Anthes”)

Olga V. Bogdanova^{1✉}, Ekaterina S. Zhilene²

¹A. I. Herzen Russian State Pedagogical University,

¹F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy,
St Petersburg, Russia,

²Saint Petersburg State Institute of Culture,

²F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy,
St Petersburg, Russia,

[✉]olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²ebibergan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7973-0579>

Abstract. The article examines various layers (compositional-structural, figurative-character, symbolic-motivic, etc.) of the play by the modern Russian playwright Oleg Bogaev “Who killed Monsieur D’Anthes”. It is shown that in the play of a modern representative of the “Ural school” (N. Kolyada), the Pushkin myth is undergoing a transformation and from the private fate of the descendants of A. S. Pushkin and G. D’Anthes develops into a reflection on the fate of man in general, on the ambiguity and multilayered nature of human feelings and emotions. It is established that absurdist tendencies, to which the modern playwright appeals, deform and destroy the ‘patterns’ of the habitually established perception of the duel story between Pushkin and D’Anthes in the Soviet socialist realist literature and allow projecting the problems of the past into the present, actualising the characters’ torments in the present and giving them sharpness and vividness.

Keywords: O. Bogaev, “Who killed Monsieur D’Anthes”, reality and myth, ideological and structural antinomies, the fate of the “Russian idea”

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

For citation: Bogdanova O. V., Zhilene E. S. The transformation of the “Pushkin myth” in post-Soviet Russian drama (O. Bogaev’s play “Who killed Monsieur D’Anthes”). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 7–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-1>

Введение

Всем известно, что юбилеи отечественных писателей-классиков проходят пышно и грандиозно, порождая к жизни новые издания, волну критической и художественной литературы. Очевидно, что в первую очередь это относится к А. С. Пушкину, названному еще два века назад «нашим все» (Ап. Григорьев). Пожалуй, самым крупным пушкинским юбилеем последнего времени можно считать 200-летие со дня рождения поэта, юбилейная дата, которая пробудила обновление живого интереса к личности и творчеству писателя, причем не только на юбилейный год, а более чем на десятилетие. Как помнят специалисты, еще и в начале 2000-х гг. продолжались мощные разыскания и публикационная активность в области научной пушкинистики.

Наряду с этим, в начале 2006 г. появился и ряд публикаций в «Московском комсомольце» (далее – «МК»), посвященных зарубежным встречам корреспондентов

газеты с потомками А. С. Пушкина и Ж.-Ш. Дантеса. Особенный и острый интерес читающей публики и самих корреспондентов вызвали встречи с праправнуком Дантеса, бароном Лотером де Геккерном, который поведал непростую историю своей семьи, рассказал о судьбе фамильного замка, показал эльзасскую усыпальницу Дантесов-Геккернов. В газетной публикации Лотер Дантес был поименован как «представитель благородной и знаменитой фамилии», а неизбежность встречи с ним преподнесена как потребность познания правды: по словам корреспондента, «для нас существовала лишь одна правда, впитываемая с молодых лет...»¹. Сокрушаясь и сочувствуя, корреспондент добавляла: «Расплачиваться за грехи прошлого пришлось, увы, его (Ж. Дантеса. – О. Б., Е. Ж.) потомкам...»².

Сама по себе статья малоподготовленной корреспондентки ничего не добавила к пониманию истории реальной дуэли Пушкина и Дантеса и мало что прибавила к образу противника Пушкина, разве что дважды или трижды в статье (в статьях) звучала фраза о том, что Дантес «никогда не раскаивался в том, что совершил»³. Однако поднятый вопрос о потомках «злейшего врага» «солнца русской поэзии» (именно такие обороты использовала корреспондент) заставили вдумчивых читателей остановиться и призадуматься. Не столько в опоре на статьи из «МК», сколько, оставаясь наедине с самими собой, попробовать немного порассуждать на эту очень русскую, очень пушкинскую тему – «гений и злодейство» – и попытаться найти (этико-эстетические, художественно-гипотетические) варианты ее развития (и, возможно, разрешения?) в последовавшее за дуэлью время.

Именно в этом направлении и была создана пьеса одного из самых известных современных драматургов «уральской драматургической школы» Олега Богаева – «Кто убил месье Дантеса» (1998).

Имя Олега Богаева уже включено в анналы современной русской драматургии, его имя регулярно включается в обзоры по современной отечественной драме⁴, однако сказать, что творчество писателя серьезно изучено, нельзя. К текстам богаевских пьес обращались немногие – прежде всего Е. Шлейникова⁵, С. Васильева¹,

¹ Сажнева Е. Проклятие рода Дантесов // Московский комсомолец. 21 апреля 2006 года. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/21/183444-proklyatie-roda-dantesov.html> (дата обращения: 10.01.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См., напр.: Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: в 2 кн. Москва: Эдиториал УРСС, 2001; Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 716 с.; Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. Москва: Флинта; Наука, 2005. 362 с.; Слюсаренко О. М. Образная система пьес Н. Коляды. Серия «Литературные направления и течения». Вып. 39. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 60 с.; Макаров А. В. Метатеатр под знаком Чехова (на материале пьес В. Леванова, О. Богаева, А. Марданя) // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2013. № 8. С. 162–168; и др.

⁵ Шлейникова Е. Е. Постмодерный интертекст в пьесах Олега Богаева. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 46 с.

Л. Кислова², А. Мещанский и Л. Савелова³. Можно назвать и имя польского исследователя М. Печински⁴. По драматургии Богаева в СПбГУ защищена кандидатская диссертация «Драматургия О. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков» (2008)⁵. Недостаточность научного интереса к пьесам уральского драматурга порождает актуальность анализа пьесы «Кто убил месье Дантеса».

Основная часть

1. Исторический претекст пьесы

В основе пьесы («комедии в двух действиях», как значится в заголовке) лежит мысль главного героя – полного тезки и (по сюжету) «прямого потомка» великого русского поэта – Александра Сергеевича Пушкина о том, что «каждый потомок русского классика в силу наследственных способностей причастен к литературе» (с. 242)⁶. Потому герой призывает «всех кровных наследников убитой поэзии <Лермонтова, Грибоедова, Мандельштама...> выйти из кабинетов и совершить акт личного возмездия» (с. 242). Именно так поступает он сам, вызывая на дуэль потомка кавалергарда – Жоржа Шарля Дантеса⁷.

В качестве одной из ведущих линий пьесы Богаева может быть признана и другая формулировка: в одной из реплик главного персонажа прозвучит таковая дефиниция главной проблемы пьесы – «роль личности в развитии современной цивилизации...» (с. 212). По мысли главного героя, «так случилось, что... вместе с русской идеей умерла... великая русская литература <...> Нужен исторический шаг и поступок. <...> он разбудит сердца нового поколения...» (с. 242).

Кажется, именно таковы интенции главного героя. Кажется, именно так поступит он сам, когда публично (перед телекамерой) заявляет: «Я – прямой потомок Александра Пушкина, через пять минут сделаю это...» (с. 242). Однако пьеса Богаева

¹ Васильева С. С. Пьесы Олега Богаева и проблемы современного драматургического языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 12. С. 63–74.

² Кислова Л. С. Функции комического в драматургии Олега Богаева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 7 (109). С. 175–179.

³ Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Аксиологическая значимость драматургии О. Богаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 2. С. 332–336. <https://doi.org/10.853/filnauki.2019.2.70>

⁴ Печински М. Образы литераторов-классиков в новейшей русской драматургии // Вестник Самарского университета. Серия: История. Педагогика. Филология. 2018. Т. 24, № 2. С. 93–100. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100>

⁵ Шлейникова Е. Е. Драматургия О. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2008. 18 с.

⁶ Здесь и далее цитаты даются по изд.: Богаев О. Кто убил месье Дантеса // Метель: Пьесы уральских авторов по мотивам произведений А. С. Пушкина. Екатеринбург, 1999. С. 205–252. (с указанием страниц в скобках).

⁷ Как сказано в одной из статей «МК», «после смерти Жоржа Дантеса всех старших мальков в их роду называли Жоржами» (см.: Гусиное перо Дантеса // Московский комсомолец. 24 апреля 2006 года. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/25/183290-gusinoe-pero-dantes.html> (дата обращения: 10.01.2024)).

написана сегодня, в период расцвета литературы постреалистической, и потому намерения героя и их реализация далеко не всегда совпадают, а еще точнее – не совпадают никогда, а наоборот – предполагают альтернативный ход развития действия. В сюжете пьесы выясняется, что главный герой – профессор Чикагского университета, филолог античности Пушкин, человек разочарованный в себе и в окружающем мире – намерен совершить самоубийство, только совершить его не своими руками, а рукой Дантеса, умереть во время инспирированной им дуэли, умереть наверняка, так как его собственный дуэльный пистолет не заряжен. Умереть герой должен картинно: Пушкин вновь должен погибнуть от руки Дантеса, тем самым как бы доказывая «живучесть <...> версии, согласно которой (исторический. – О. Б., Е. Ж.) Пушкин уже давно стремился покончить с собой и избрал руку “бедного Жоржа” как способ перехода в мир иной»¹, по версии Геккерн, столь давно и хорошо знакомой специалистам.

В современной критической литературе существует мнение о том, что пьеса Богаева написана в традиции пьес абсурдистских², более того – исследователь приводит доказательства того, что претекстом для «Кто убил...» послужила пьеса С. Беккета «В ожидании Годо». Анализ, предложенный Е. Е. Шлейниковой, в целом, не вызывает сомнения, но требует существенного уточнения: важно учитывать, что русская версия современной (в том числе и абсурдистской) литературы отличается тем, что в противовес ее западному формализованному варианту она развивается в русле традиционно русском, т. е. в лучших своих образцах остается литературой мыслемемкой, содержательной, философичной. При всех видимых внешних элементах абсурдистской поэтики в пьесе Богаева доминирует ее идейное наполнение, стремление с точки зрения сегодняшнего дня взглянуть на сопоставительную «связь времен».

2. Персонажная система пьесы

Действующими лицами пьесы О. Богаева «Кто убил месье Дантеса» оказываются Александр Сергеевич Пушкин и Жорж Шарль Дантес, два прямых потомка исторических Пушкина и Дантеса, два современных человека, каждому из которых по «50 лет» (так обозначено в «афишке» пьесы). Слово бы вслед за великими предшественниками – «земную жизнь пройдя до середины...» – герои оказываются перед сложными вопросами их сегодняшней жизни, но, как оказывается, той их (собственной) жизни, которая не может быть оторвана от жизни предков.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что открывает и закрывает пьесу одна и та же сцена-цитата: «– Убил я его? // – Нет, вы его ранили // Странно, я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет. Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем. Черная речка, 27 января

¹ Седова Г. М. «Я жить хочу...» А. С. Пушкин: Последние месяцы жизни. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 197.

² Шлейникова Е. Е. Постмодерный интертекст в пьесах Олега Богаева. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 30–42.

1837 года» (с. 206)¹. Само повторение цитаты, и ее смысл («снова начнем») задают кольцевую композицию пьесы, замыкая ее в структурную и смысловую рамку. Таким образом художником изначально задается идея повторяемости и неразрешимости конфликта: ситуации «гения и злодейства» суждено повторяться в лицах, в обстоятельствах, в эпохах. Другое дело, что современный художник смотрит на эти обстоятельства очень по-русски: он как бы ревизует саму ситуацию, пытается взглянуть на нее с другой стороны, изменить акценты, на художественном уровне постичь ту «другую» правду, которой не хватило наивной журналистке из «МК».

Элементы абсурда, увиденные Е. Е. Шлейниковой, обнаруживают себя уже в первой экспозиционной авторской ремарке, открывающей сцену первую. Так, с одной стороны, местом действия пьесы становится Париж, с другой стороны, обстановка, в которой оказываются герои Богаева вряд ли (для русского сознания в особенности) может быть связана с чем-то французским, скорее интуитивно включает в себя коннотации некоего знакомо русского локуса. Богаев помещает своих героев в некий старый разрушенный многоквартирный парижский дом: «Широкая мраморная лестница с избитыми ступенями, лифт давно замер между вторым и третьим этажом», «грязные ступени», «голые стены, решетка осыпавшегося потолка», «звонок вывалился из куска алебаstra и повис на двух черных проводах», «неуютная пустота», «мелкий мусор», «разобранный голый пол, гнилые ребра перекрытий» (с. 207) и др. – однако в таком образе французского интерьера, кажется, сокрыто больше русского, чем иностранного.

Эта странность на первых порах воспринимается как возможная «малоопытность» автора, как незнание зарубежных реалий. Однако по мере развития действия становится очевидным, что такова авторская установка – перемешать русское и французское, сместить историческое и настоящее, перепутать роли положительные и отрицательные. Современные относительность и абсурдизм вступают в действие, становясь знаком всеобщности, универсальности, внетерриториальности, т. е. способствуют созданию некоей вненациональной и вневременной среды, которая может прозываться как угодно (Франция или Россия, Париж или Петербург)², но главное – нести на себе печать приравненности «там» и «здесь», «тогда» и «теперь». Так, в пределах кольцеобразно замкнутой пьесы, Богаев сознательно моделирует такое сценическое пространство, в котором утрачивают свою значимость приметы време-

¹ Очевидна цитатная отсылка к реальным документам, свидетельствам очевидцев. См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1949. Т. XVI. 1949. 502 с.; Седова Г. М. «Я жить хочу...» А. С. Пушкин: последние месяцы жизни. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 204 с.; и др.

² В этом же ряду окажется и Америка, так как к определенному моменту пьесы выяснится, что Пушкин живет в Америке (с. 231). Может быть, даже Африка, так как в одном из эпизодов Дантес восклицает по поводу Пушкина: «А вы – не русский, вы – папуас какой-то...» (с. 247). Понятно, что последнее замечание нагружено еще и элементами «фодословной» историческоего Пушкина, аллюзийным упоминанием его ганнибаловских африканских корней, а отчасти указывает и на лицейское прозвище Пушкина – «обезьяна» («Вы в этой шляпе похожи на... макаку», с. 247).

ни, пространства, национальной принадлежности, социального статуса, имущественного ценза и др.¹ В этой связи даже обозначенный автором возраст персонажей – обоим по 50 лет – воспринимается как некая универсалия, некая условность, среднестатистическая координата.

Изначально положительный для русского сознания Пушкин, связанный с коннотациями исключительно позитивного плана, персонаж пьесы Богаева по имени Пушкин появляется в первой сцене «чертыхаясь» (с. 207, дважды только во вводной ремарке), а впоследствии в качестве его «фирменного» словечка автором будет закреплено за ним междометное «черт» (с. 209, 213, 215, 217 и др.). Сцены вторая, третья, седьмая и отчасти девятая открываются именно с этого (пост)пушкинского восклицания «О, черт!..» (с. 218, 229, 247, 253)².

В пьесе Богаева именно Пушкин выскажет самые резкие суждения о России: «Россию трудно терпеть больше недели. “Душа, доброта, сердечность” ... Одни разговоры... Бессилие умственных способностей – факт географический. Уверяю, барон, если бы мои предки остались в России, сидел бы перед вами маргинальный скот... В лучшем случае – беременный учитель...» (с. 231)³.

Наоборот, в первом же описании дома Дантеса будет дано упоминание «чугунных ангелов» (с. 207), подготавливающих встречу с этим почти блаженным, почти юродивым безобидным «сумасшедшим»⁴. Чуть позже, в той же первой сцене, Пушкин, раздраженный пером в волосах Дантеса, велит ему: «Да уберите вы это перо из головы!.. Ангел нашелся...» (с. 211).

Тот же «перевертыш» можно проследить и во внешнем облике персонажей. Если образ мифологизированного Пушкина связывается прежде всего с бедностью, с финансовыми ограничениями, с неоплаченными долгами, то богаевский Пушкин «как денди лондонский одет»: на нем «элегантное пальто, хорошая ткань, стекла очков в золотой оправе, шарф на шее завязан нарочито небрежно <...> трость <...> лакированные ботинки, в рукаве <...> драгоценный камень запонки», «с лица не сходит

¹ Неслучайно в финале пьесы по сцене будут проходить камердинер с современным портфелем, усатый слуга с кинокамерой и лакей с осветительным фонарем (с. 256).

² Хорошо известна пушкинская фраза из письма к жене: «...чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать <...>» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1949. Т. XVI. 1949. С. 117–118).

³ В данном случае Богаев «переадресовывает», отдает Пушкину известное высказывание Дантеса: «Дед был вполне доволен своей судьбой и впоследствии не раз говорил, что только вынужденному из-за дуэли отъезду из России он обязан своей блестящей карьерой, что, не будь этого несчастного поединка, его ждало бы незавидное будущее командира полка где-нибудь в русской провинции с большой семьей и недостаточными средствами». См.: Имя и отчество – это характер человека. URL: <http://www.biografi.com/index.php?name> (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ В первоначальном варианте пьесы Дантес действительно был пациентом клиники для душевнобольных, который периодически сбегал из лечебницы и поселялся в полуразрушенном опустевшем доме. В окончательном варианте пьесы сохранились только инвективы Пушкина в адрес Дантеса: «Барон, вы спятили?..» (с. 229), или «Вот идиот...» (с. 230), или «Нет, он точно сумасшедший!..» (с. 245).

ироничная улыбка» (с. 211). Всякий раз при каждом очередном появлении на сцене на героя будет новая дорогая шляпа (с. 218, 229 и др.). Плотнo набитый купюрами кошелек Пушкина несколько раз будет фигурировать на сцене.

Что же до барона Дантеса, то он, наоборот, у Богаева окружен страшной бедностью и убожеством: «...в вытянутом свитере, дыры в локтях, нелепые короткие брюки со вздутыми коленями и отвислыми карманами, на ногах стоптанные башмаки с проволокой вместо шнурков, на плече тряпичная сумка в бурых подтеках» (с. 211). По словам Пушкина, на Дантесе белье, которое он «лет двести» не менял (с. 217). Жизненное пространство Дантеса – «калорифер в смятом корпусе <...> столик на одной ножке, какие можно увидеть в летнем кафе», «болтается гамак», «смятая подушка, плед, грязное полотенце, таз, мыльница, кусок зеркала», «вокруг смятые пивные банки с окурками» (с. 208)¹.

Достаточно выделить хотя бы одну какую-то деталь из приведенного описания внешнего облика главных героев, чтобы понять, что автор намеренно переодевает их, путает их «стереотипные» амплуа, меняет плюс на минус. Абсурдность подобных подмен по сути своей безвекторна, деиерархична, случайна, но именно она абсолютизирует близость и родство человеческих судеб в современном мире, универсализирует ситуацию художественного вымысла Богаева. По словам его персонажа, «рождаются две собаки, а миски разные...» (с. 246). Богаева привлекает эта ситуация художественной случайности.

3. Философские акценты образной системы пьесы

Философическая компонента богаевских образов тоже оказывается распределенной у Богаева не традиционно. Если «вечными вопросами», как правило, мучались герои русской литературы, русские герои, то в данном случае дело обстоит иначе. Это Дантес у Богаева обретает черты философа-агностика, именно он иронично назван Пушкиным «Платоном»² (с. 213), именно он по-сократовски долго и внимательно наблюдает за падающими каплями дождя (с. 224). Что же касается «нового» Пушкина, то он, по пьесе, давно разочарован в мире, философские проблемы («счастье души, там... Поиск истины <...>», с. 213) его не интересуют. По его собственным словам, его «интересует конкретика, а не <...> душевные излияния» (с. 217).

Традиционные (априорные) представления о героях по имени Пушкин и Дантес намеренно деформируются драматургом. Искажаются на всех уровнях. Пример тому рассказ о смерти реального Жоржа Дантеса. Современный Пушкин надеется, что

¹ Замечание героя, означенного в пьесе как Кинорежиссер, о том, что вид Дантеса слишком «буквален» (с. 224), поддается осознанию только тогда, когда вспоминается фраза из «МК», где Лотер Дантес говорит о своих родственниках: «<...> доходов у них (Дантесов. – О. Б., Е. Ж.) не было <...> работать Дантесы не научились из-за семейной гордости <...> им было проще остаться нищими <...>» (см.: Сажнева Е. Проклятие рода Дантесов // Московский комсомолец. 21 апреля 2006 года). «Гордость» предков Дантеса будет упомянута и в тексте Богаева (с. 249).

² Платоновский субъективизм (идеализм) прозвучит в ответе Дантеса на замечание Пушкина: «<...> крыша протекает...», на что герой-философ ответит: «Галлюцинации. Вам кажется...» (с. 220).

после убийства великого русского поэта Дантес должен был умирать в муках, тяжело, мучаясь совестью, прося яд (с. 214), но ничего подобного не произошло. По словам его «литературного» сына, Дантес умер легко, без мук и без яда.

Однозначность утрачивают все образы (даже вещи) в пьесе Богаева. Эта неоднозначность подчеркивается автором на уровне слова – точнее, использования различных слов-обозначений для одного и того же предмета. Так, например, фотоснимки на стене в одном случае названы Богаевым дагерротипами (с. 216), в другом – фотографиями (с. 233). Приспособление, на котором Дантес готовит и подогревает, в одном случае назван примусом, в другом – плиткой (с. 218, 229), гамак в какой-то момент подменен раскладушкой (с. 208, 222, 233). Таков и напиток, который пьют герои, – один и тот же, из одного чайника, но, по ремарке автора, Дантес пьет кофе (с. 217), а Пушкин – чай (с. 218).

Описание одних и тех же предметов в различных сценах дается автором по-разному. В одном случае в описании рояля подчеркивается отсутствие на нем крышки (с. 207), в другом – герой поднимает ранее отсутствовавшую крышку рояля (с. 221, 234).

Даже время в пьесе Богаева сместилось: на стене в комнате Дантеса висит календарь, но он – «прошлогодний» (с. 216), что, кажется, вовсе не смущает его обладателя. Белью, которое носит Дантес, – «лет двести» (с. 217), на вешалке висит его пальто-крылатка «из прошлого века» (точнее – из позапрошлого; с. 208). Другими словами, можно говорить о том, что абсурдистское начало пьесы связано не столько с ее жанровыми особенностями, сколько со смысловыми интенциями – абсурдизация используется автором ради универсализации, форма служит выражению содержания. Неслучайно на замечание Пушкина о том, что Дантес может сменить дом и комнату, «снять другой угол», последний философски отвечает: «Что изменится?...» (с. 218).

Как и реальная дуэль Пушкина, сценическая дуэль у Богаева откладывается. Правда, всего на неделю (с. 233). Дуэль будет назначена на среду 27 января (с. 234). Цифровая символика пьесы связана с нарастанием драматизма изображаемой ситуации, с нагнетанием трагизма развязки. Замкнутая в роковой цифре 27 (день дуэли из цитаты в начале и в конце текста), пьеса Богаева словно бы приближается к этой дате. Неслучайно номер квартиры Дантеса – 26 (цифра, предшествующая 27). При съемках эпизода, предшествующего дуэли, звучит цифра 27 – «Эпизод 27. Пушкин на Эйфелевой башне» (с. 227). Даже в финале пьесы так или иначе эта цифра дает о себе знать: «Эпизод – сто двадцать семь...» (с. 251).

Любопытно, что условия дуэли герои обсуждают почти «постмодернистски»: по книге («мир – текст»), по «Онегину», хотя (как они сами признают) там «опущены существенные детали» (с. 218). Даже когда более подготовленный, чем Дантес, Пушкин уточняет эти опущенные детали, его слова даются автором в кавычках, тоже в виде цитаты.

4. Персонаж по имени Кто

Незаметно для читателя в число действующих лиц пьесы Богаевым введен и некий персонаж, который заявлен в названии, но который не поименован в «афишке»

среди действующих лиц – некий странный, почти невидимый, почти внесценический персонаж по имени Кто: «Кто – это он. У него такое странное имя... Кто. <...> Его зовут – Кто. <...> Это его настоящее имя» (с. 208, 209). Этот персонаж появится в пьесе только однажды – увиденный Пушкиным в четвертой сцене. С ним (невидимым зрителем) будет постоянно общаться Дантес. В финале пьесы он мелькнет на сцене в виде господина, одетого «по старинной моде», с бакенбардами и в цилиндре (с. 256). Еще не известный читателю, именно он откроет повествование: это с ним будет связан звук струны старого покосившегося рояля, именно его имя прозвучит в тексте первым – «Кто здесь? Кто здесь?!» (с. 207–208).

Герой по имени Кто ассоциативно связан с героем древнегреческих мифов – с героем по имени Никто. Как известно, именно под этим именем хитроумный Одиссей сумел избежать наказания со стороны одноглазого циклопа во время своего путешествия. Античные аллюзии будут устойчиво поддержаны Богаевым в тексте пьесы: на полу комнаты, в которой проживает Дантес, лежит «кусок старого живописного холста с изображением античного сюжета» (с. 208), профессор Чикагского университета Пушкин связан с античной литературой (в тексте пьесы он упоминает о своей статье, связанной с «проблемами перевода с античного...», с. 226) и др.

Однако у «безымянного» (на первый взгляд) персонажа на самом деле оказывается несколько имен. Второе названное имя героя – ХОЗЯИН (с. 208). Казалось бы, вполне обычный и соответствующий ситуации вопрос человека, появившегося в незнакомом доме, – «Мне нужен ХОЗЯИН... А где ХОЗЯИН?!» – обращает на себя внимание графической выделенностью. Казалось бы, нет необходимости специально выделять это слово, поскольку по его синтаксическому положению оно и так в сильной позиции, интонационное ударение падает именно на него. Однако в ходе знакомства с пьесой многозначность слова «хозяин» даст о себе знать. Оно будет означать не только человека – «хозяина дома», но обнаружит и название некоего духа, который «живет» в доме.

Этим значение слова «хозяин» не исчерпывается. Оно будет обозначать и хозяина вдохновения. Богаевский Пушкин произнесет перед телекамерой, снимающей документальный фильм о судьбе потомка Пушкина, довольно большой монолог, в котором он совершит «плавный переход от рассуждений о современной поэзии» к ситуации дуэли Пушкина и Дантеса и обозначит связь между современным состоянием литературы и смертью великого гения: «Рифмуя свои многозначительные образы и холодные мысли, мы обрекаем себя на жалкую роль музыкальной шарманки. Великий шарманщик умер... <...> И музыка была так прекрасна, что и поныне нам слышится дальнее эхо. Напрасно мы ждем хозяина. Некому вращать наше вдохновение...» (с. 225). Любопытно, что в данной пространной цитате Богаев соединил несколько константных мотивов пьесы. Это музыка, призрачность и эхо. Синонимичность этих мотивов становится основанием для нового поименования странного героя Кто. Последнее из имен – эхо – ни разу не написано Богаевым с большой буквы, однако связь персонажа Кто, Хозяина и Эхо совершенно очевидна. В пределах текста пьесы эти слова синонимичны, эти понятия тавтологичны.

Диалогическое построение пьесы с явно намеренными повторами последних слов отдельных фраз обращает на себя внимание. «Кто здесь?.. Кто здесь?!» (с. 207–208).

Этих повторов огромное множество в тексте Богаева. С одной стороны, повторы, кажется, утяжеляют и тормозят текст, но с другой – они незримо вводят в число действующих лиц персонажа по имени Кто. Как уже было отмечено, первая же фраза пьесы звучит в повторе. Вслед за ней человек, пришедший в странный дом, несколько раз повторяет фразу «Мне нужен хозяин...» (с. 208). Диалог обитателя странного дома и его гостя не только целиком строится на эффекте эха, но даже связан с его ритмико-рифмической оформленностью: «– Я забыл пальто... // – Что? // – Пальто... // – Что?.. // –Я забыл пальто...» (с. 209–210). Как эхо звучит и вопрос Дантеса: «Вы из России?..» – повторенный им три раза – и троекратный же ответ на него: «– Да. <...> Да. <...> Говорю, да» (с. 210). Практически все последующие диалоги в тексте строятся по сходному принципу: любой вопрос или фраза эхом отзываются в реплике разговаривающих. «– Как там в России? <...> Снег? // – Снег...» (с. 211). На вопрос Пушкина об имени обитателя странной квартиры тот отвечает: «Жорж Шарль Дантес...» (с. 215), и это имя эхом звучит три раза в пределах единой реплики на странице. Вопрос Дантеса о Париже тоже удостоивается ответа, троекратного эха: «Вам нравится Париж? // – Что значит нравится?.. Париж – это Париж» (с. 211).

Последняя фраза становится моделью для множества последующих ответов разговаривающих Пушкина и Дантеса, причем субъективной дифференции в подобного рода предложениях нет, их авторство нивелируется. Как в одном случае Пушкин может быть однозначен в оценке Парижа, так в другом случае он может быть столь же лаконичен в характеристике России: «Россия как Россия...» (с. 211). Дантес же с такой же обытовленной философичностью (собравшись «с мыслями», с. 213) произносит: «Жизнь – это жизнь» (с. 213). Стертость и трафаретность подобного рода фраз знаменательна для Богаева: он сознательно использует их для подчеркивания «общих мест», для обозначения константности и единства его (универсального, типического) художественного пространства.

Мотив музыки оказывается продолжением синонимического обозначения героя по имени Кто. Неслучайно первая фраза пьесы обращена к Кто и вызвана неизвестно каким образом возникшим звуком старого рояля: «Неожиданно зала взорвалась грохотом, треск, загудели струны <...> Рояль лежит на боку» (с. 207). Кто выбил из-под рояля державший его ящик? Кто. Только постепенно, в ходе развития пьесы это становится ясным и очевидным. Звук рояля, музыка, эхо станут физическим воплощением невидимого и неслышимого персонажа. Так в финале пьесы после выстрела Дантеса (ремарка – «Выстрел») в продолжение ремарки следует: «Загудел рояль» (с. 255).

В пределах художественного пространства пьесы Богаева именно Пушкин, реальный исторический Пушкин, связывается героями с музыкой, вдохновением, гениальным полетом фантазии. Тогда образ незримого Кто прочитывается в пьесе как *отзвук* гения Пушкина, как некое воплощение творческой совести, как некий маяк (фонарь). Неслучайно в этой связи характерологическое замечание Дантеса о Кто: «<...> ты всегда говоришь стихами...» (с. 255).

Двойная дуэль Пушкина и Дантеса (в начале действия Пушкин вызывает Дантеса на дуэль, к концу пьесы Дантес бросает свой вызов Пушкину) в рамках текста Богаева по сути окажется дуэлью не между ними, а каждого из них с Кто. Дуэль Дантеса

будет иметь место в пьесе, дуэль Пушкина останется за ее рамками, она еще впереди¹.

5. Единство и борьба противоположностей

Герои Богаева, Пушкин и Дантес, так внутренне похожи друг на друга, что дуэль между ними должна была бы выглядеть абсурдом, цирком², игрой³. Годы, отделяющие их от предков, стерли принципиальные различия между потомками – они думают и говорят в унисон. Неслучайно один из них произносит: «У меня такое чувство, что мы двести лет знакомы...» (с. 251)⁴. Недоговоренная фраза одного находит отклик в душе и продолжение в речи другого (важная в тексте Богаева – «дороге нет конца...»; с. 226, 228, 245). Это Пушкин подхватит (и дословно повторит) уже приводимое дантесовское «Что изменится?..», в разговоре о стихах произнесет: «Читать – не читать, что от этого изменится...» (с. 237). Наступает минута, когда они без видимой надобности навешают друг друга («Я в гости зашел», – говорит Пушкин, с. 235), встречаются с радостью («– Я рад вас видеть. // – Я тоже»; с. 234), как друзья «жмут друг другу руки» (с. 234), обмениваются подарками (с. 235). Только они двое видят Кто и знают о его присутствии в доме (с. 234).

Каждый из них по-своему неспокоен: «Оставьте меня в покое», – просит Дантес (с. 209), покоя просит и сердце Пушкина. Однако этот покой они могут обрести не в ходе дуэли друг с другом, а в ладе (сейчас «нелад») с самими собой. Образ Кто воплощает эту беспокойную совесть (каждого из них и одновременно обоих), внутренний непокой каждого земного человека, осознавшего, что в этом мире «все ложь...» (с. 212). Нелегкая дорога жизни в их понимании действительно оказывается бесконечной.

Неслучайно Пушкин бросает фразу о том, что ему «нужна дуэль с *сытым* человеком» (выделено нами. – О. Б., Е. Ж., с. 235). Подобно Дантесу, он оказывается «натурой крайне впечатлительной» (с. 239), он хочет обставить свою выдуманную кинематографическую дуэль так, «чтобы <...> не загрызла совесть» (с. 239).

В начале пьесы богаевскому Пушкину только кажется, что для того чтобы что-то изменилось в мире, чтобы был дан некий толчок, необходимо воспользоваться именем Жоржа Дантеса: «– Почему я?.. // – Вы – Жорж Дантес» (с. 240). Между тем, когда Дантес пытался попотчевать Пушкина русскими блинами, последний возмущенно отреагировал: «<...> я – нормальный американец с хорошей русской фамилией, но до гроба вынужден есть блины!.. Почему?» (с. 232). Таким образом, в каждом из персонажей первоначально сильное ощущение традиции, привычных коннотаций привычных понятий, но, разведенные по разные стороны барьера историей, поименованные как смертельные враги, оказавшись рядом, они находят друг в друге больше сходства, нежели различий.

¹ Пушкин уже шел с пистолетом на Кто в их первую встречу, но тот исчез (с. 234).

² Дантес: «Дуэль всегда похожа на цирк» (с. 230).

³ Пушкин: «Отнеситесь к этому как к детской игре» (с. 239).

⁴ Очевидно, что Богаев намеренно подменяет в поговорке «сто лет» на «двести», чтобы усилить акцент на годах, ближайших к событиям пьесы – 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина.

Как и в газетной публикации «МК», где рассказывается о сентиментальной натуре Лотера Дантеса и о том, что он пишет стихи (первый его сборник «Борьба и чувства» был посвящен смертельно раненному А. С. Пушкину¹), Богаев и своего Дантеса делает человеком чувствительным и ранимым. Тонкость душевной организации героя подчеркивается мотивом детскости, который сопутствует персонажу: это и детский костюм, который он приобретает и надевает на себя (с. 229–230), и его частые слезы (с. 213, 232), скоро сменяющиеся смехом (с. 232), и почти беспричинная обидчивость (с. 228), и наивность. Правда, и сам Пушкин в отдельных эпизодах выглядывает, «как школьник» (с. 217).

Богаев не «переписывает действительность» (с. 241), как намереваются его герои, а благодаря имени А. С. Пушкина задумывается о судьбе русской литературы, ее истории, о ее современном состоянии. Оказываясь филологом по образованию и поэтом по рождению, богаевский Пушкин так характеризует современную литературу: «Поэзия – посткультурный ящик. <...> Шорох таракана мы принимаем за пенье соловья. Но чаще – мертвая тишина <...>» (с. 225)². По его представлениям, «если раньше путь от чувства к слову был равен короткому шагу <...> то сегодня это расстояние от Москвы до Нью-Йорка» (с. 237).

Для литературоцентричной России разговор о литературе обязательно оказывается связанным с судьбой человека и отечества. Говоря о литературе, герой Богаева говорит о себе, о своей душе, о собственной душевной неудовлетворенности (пушкинские «английский сплин» иль «русская хандра»). Другое дело, что, по мысли (русского) Богаева, в эпоху хаотичной и безграничной постмодерности духовные переживания становятся приметой не только сугубо национальной, а все чаще – человеческого универсума, вселенной.

В жизни потомков исторических Пушкина и Дантеса (Геккернов-Дантесов – в первую очередь) главным «проклятием» стала роковая дуэль их предков. Почти через 200 лет после нее современные Пушкины и Дантесы не хотят подать друг другу руки. Если в том есть (или может быть) некое основание для реальных людей, волею судьбы и через два столетия оказавшихся вовлеченными в последствия этой трагической истории, то для русского драматурга Богаева «продолжение дуэли» становится поводом не для осознания ее «итогов», а знаком все того же – пушкинского – пути в литературном творчестве: пути не к разрешению проблем, а к постановке «вечных» и «проклятых» русских вопросов, все той же пушкинской «русской идеи». Богаеву удастся найти (или наметить) очень пушкинские возможные пути разрешения этих вечных человеческих конфликтов. Современный молодой драматург по-пушкински милосердно сводит конкретную историческую трагедию к вечной и вселенской борьбе добра и зла, не находя другого пути ее исчерпания, как только через христианское человеколюбие (в пьесе – «благотворительность», с. 250). Неслучайно

¹ См.: Сажнева Е. Проклятие рода Дантесов // Московский комсомолец. 21 апреля 2006 года. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/21/183444-proklyatie-roda-dantesov.html> (дата обращения: 10.01.2024).

² Очевидна отсылка к творчеству Дж. Кейджа с его знаменитой музыкальной композицией тишины «4.13».

в сцене «пиршества» героев на вопрос «с чего начать?» богаевский Пушкин по-библейски торжественно предлагает: «Начните с рыбы...» (с. 236).

Выводы

Таким образом, завершая разговор о пьесе современного драматурга Олега Богаева, можно сказать, что пушкинская тема, в большей или меньшей степени актуальная для современных писателей (и читателей), при обращении к ней неизменно эксплицирует высокие этико-эстетические и духовные пласты восприятия. «Пушкинский миф», традиционный или деструктурированный, побуждает художников к философским размышлениям о мире, о человеческой жизни, о личности и судьбе¹. Вечные пушкинские темы оказываются актуальными и своевременными, живыми и острыми². Казалось бы, «обнуляя» в тексте пьесы трагедию пушкинской дуэли XIX века, Богаев на самом деле через ее осмысление приближается к действительности современной, заставляет читателей взглянуть на миф Пушкина как на мифологизм всей человеческой истории с ее жизненными комедиями и трагедиями.

Список литературы / References

Богаев О. Кто убил месье Дантеса. *Метель. Пьесы уральских авторов по мотивам произведений А. С. Пушкина*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999, с. 205–252.

Bogaev O. *Who killed Monsieur D'Anthes. Blizzard. Plays by Ural authors based on the works of A. S. Pushkin*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1999, pp. 205–252. (In Russ.)

Богданова О. В. *Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XIX – начала XXI века)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 716 с.

Bogdanova O. V. *Postmodernism in the context of modern Russian literature (60–90s of XIX – beginning of XXI century)*. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. 716 p. (In Russ.)

Богданова О. В. *Пушкин – наше все... Литература постмодерна и Пушкин*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств, 2009. 237 с.

Bogdanova O. V. *Pushkin is our everything... Postmodern literature and Pushkin*. St Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv, 2009. 237 p. (In Russ.)

Васильева С. С. Пьесы Олега Богаева и проблемы современного драматургического языка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика*, 2013, № 12, с. 63–74.

Vasil'eva S. S. Oleg Bogaev pieces and the problems of modern dramaturgical language. *Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*, 2013, no. 12, pp. 63–74. (In Russ.)

¹ Богданова О. В. *Пушкин – наше все... Литература постмодерна и Пушкин*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств, 2009. 239 с.

² См.: Скоропанова И. С. *Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык*. Санкт-Петербург: Невский простор, 2001. 415 с.; Преодолевшие соцреализм. Авангард 1970-х–1980-х в борьбе с социалистическим реализмом. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 332 с.; и др.

Громова М. *Русская драматургия конца XX – начала XXI века*. Москва: Флинта; Наука, 2005. 362 с.

Gromova M. *Russian dramaturgy of the late XX – early XXI century*. Moscow: Flinta; Nauka, 2005. 362 p. (In Russ.)

Гусиное перо Дантеса. *Московский комсомолец*. 24 апреля 2006 года. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/25/183290-gusinoe-pero-dantes.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Goose quill of d'Anthes. *Moscow Komsomolets*. 24 April 2006. Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/25/183290-gusinoe-pero-dantes.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.)

Имя и отчество – это характер человека. URL: <http://www.biografi.com/index.php?name> (дата обращения: 10.01.2024).

Name and patronymic are the character of a person. Available at: <http://www.biografi.com/index.php?name> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.)

Кислова Л. С. Функции комического в драматургии Олега Богаева. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2011, № 7 (109), с. 175–179.

Kislova L. S. Functions of comic issues in the works by Oleg Bogaev. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 7 (109), pp. 175–179. (In Russ.)

Лейдерман Н., Липовецкий М. *Современная русская литература. 1950–1990-е годы*: в 2 кн. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.

Leiderman N., Lipovetskii M. *Modern Russian Literature. 1950–1990s*: in 2 vols. Moscow: Editorial URSS, 2001. (In Russ.)

Макаров А. В. Метатеатр под знаком Чехова (на материале пьес В. Леванова, О. Богаева, А. Марданя). *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта*, 2013, № 8, с. 162–168.

Makarov A. V. Metatheatre under the sign of Chekhov (based on plays by V. Levanov, O. Bogaev, A. Mardan). *Bulletin of I. Kant Baltic Federal University*, 2013, no. 8, pp. 162–168. (In Russ.)

Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Аксиологическая значимость драматургии О. Богаева. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2019, т. 12, вып. 2, с. 332–336. <https://doi.org/10.853/filnauki.2019.2.70>

Meshchanskii A. Yu., Savelova L. A. Axiological significance of O. Bogaev's dramaturgy. *Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, iss. 2, pp. 332–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.853/filnauki.2019.2.70>

Печински М. Образы литераторов-классиков в новейшей русской драматургии. *Вестник Самарского университета. Серия: История. Педагогика. Филология*, 2018, т. 24, № 2, с. 93–100. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100>

Pechinski M. Images of writers-classics in modern Russian drama. *Bulletin of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 93–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100>

Преодолевшие соцреализм. Авангард 1970-х–1980-х в борьбе с социалистическим реализмом. Санкт-Петербург: Алетеия, 2023. 332 с.

Overcoming Socialist Realism. The avant-garde of the 1970s–1980s in the struggle against socialist realism. St Petersburg: Aleteia, 2023. 332 p. (In Russ.)

Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1949. Т. XVI. 1949. 502 с.

Pushkin A. S. *Complete works*: in 16 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949. Vol. XVI. 1949. 502 p. (In Russ.)

Сажнева Е. Проклятие рода Дантесов. *Московский комсомолец*. 21 апреля 2006 года. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/21/183444-proklyatie-roda-dantesov.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Sazhneva E. The curse of the d'Anthes family. *Moscow Komsomolets*. 21 April 2006. Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/21/183444-proklyatie-roda-dantesov.html> (accessed: 10.01.2024). (In Russ.)

Седова Г. М. «Я жить хочу...» А. С. Пушкин: последние месяцы жизни. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 204 с.

Sedova G. M. “I want to live...” Alexander Pushkin: the last months of his life. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 204 p. (In Russ.)

Скоропанова И. С. *Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык*. Санкт-Петербург: Невский простор, 2001. 415 с.

Skoropanova I. S. *Russian postmodernist literature: new philosophy, new language*. St Petersburg: Nevskii prostor, 2001. 415 p. (In Russ.)

Слюсаренко О. М. *Образная система пьес Н. Коляды*. Серия «Литературные направления и течения», вып. 39. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 60 с.

Sliusarenko O. M. *The figurative system of N. Kolyada's plays*. Series “Literary trends and currents”, vol. 39. St Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 60 p. (In Russ.)

Шлейникова Е. Е. *Драматургия О. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2008. 18 с.

Shleinikova E. E. *Bogaev's dramaturgy in the context of the Russian drama of the turn of the XX–XXI centuries*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. St Petersburg, 2008. 18 p. (In Russ.)

Шлейникова Е. Е. *Постмодерный интертекст в пьесах Олега Богаева*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 46 с.

Shleinikova E. E. *Postmodern intertext in Oleg Bogaev's plays*. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 46 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ольга Владимировна Богданова – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 119186 Санкт-Петербург, Россия); Русская христианская гуманитарная академия имени

Ф. М. Достоевского (д. 15, Набережная реки Фонтанки, 191023 Санкт-Петербург, Россия); **Olga V. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, Naberezhnaia reki Moiki, 119186 St Petersburg, Russia); F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (15, Naberezhnaia reki Fontanki, 191023 St Petersburg, Russia).

Екатерина Сергеевна Жилене – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0005-7973-0579>, ebibergan@yandex.ru, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (д. 2, Набережная реки Невы, 191349 Санкт-Петербург, Россия); Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского (д. 15, Набережная реки Фонтанки, 191023 Санкт-Петербург, Россия); **Ekaterina S. Zhilene** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0005-7973-0579>, ebibergan@yandex.ru, Saint Petersburg State Institute of Culture (2, Naberezhnaia reki Nevy, 191349 St Petersburg, Russia); F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (15, Naberezhnaia reki Fontanki, 191023 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 10.01.2024; Approved after reviewing 22.04.2024; Accepted for publication 06.05.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 24–33.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 24–33.

Научная статья
УДК 81.373.612
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-2>
EDN: XGQYZD

Лингвокреативный потенциал семантических окказионализмов в художественном тексте

Татьяна Алексеевна Воробьева
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
tavorobeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2790-2107>

Аннотация. В статье проанализированы свойства и функции семантических окказионализмов в стихотворениях и прозаических миниатюрах Н. Т. Бушенева. Исследование показало, что к созданию семантических окказионализмов может привести актуализация внутренней формы слова, паронимическая аттракция, произвольная этимологизация, расширение и сужение узального значения, перенос по сходству и смежности, семантическое рассогласование.

Сочетание семантическими окказионализмами прагматической, игровой, номинативно-оценочной и поэтической функций рассматривается как их лингвокреативный потенциал. В образовании окказионализмов, игре со смыслами и языковой формой проявляется лингвокреативная способность языковой поэтической личности автора текстов.

Ключевые слова: семантический окказионализм, паронимическая аттракция, авторская метафора, семантическое рассогласование, функции семантических окказионализмов

Для цитирования: Воробьева Т. А. Лингвокреативный потенциал семантических окказионализмов в художественном тексте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 24–33. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-2>

Linguocreative potential of semantic occasionalisms in a literary text

Tat'iana A. Vorob'eva
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
tavorobeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2790-2107>

Abstract. As the title implies, the article discusses properties and functions of semantic occasionalisms in poems and prose miniatures written by N. Bushenev. The study has found that actualization of the internal form of the word, paronymic attraction, unmotivated etymologization, generalisation and specialisation of the usual meaning, transfer by similarity and contiguity, semantic mismatch can lead to the development of the semantic occasionalisms.

The purpose of this research was to show linguocreative potential of the semantic occasionalisms which combine poetic, pragmatic and nominative-evaluative functions. The author's linguistic and

creative ability is manifested in the formation of occasionalisms, play on meanings and linguistic forms.

Keywords: semantic occasionalism, paronymic attraction, author's metaphor, semantic mismatch, functions of semantic occasionalisms

For citation: Vorob'eva T. A. Linguocreative potential of semantic occasionalisms in a literary text. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 24–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-2>

Введение

Статья посвящена семантическим окказионализмам и их функциям в художественном тексте. Материалом исследования стали сборник стихотворений и прозаических миниатюр череповецкого поэта Н. Т. Бушенева «Вкус позднего меда»¹ и «Словообразовательный словарь поэтических окказионализмов Н. Т. Бушенева»², составленный на основе сборника.

В лингвистике художественного текста особое внимание уделяется исследованию свойств семантических окказионализмов, которые содержат уникальный авторский образ, раскрывающийся в контексте художественного произведения³. При этом в процессе актуализации образного значения большую роль играет узуальная языковая форма слова.

Актуальность работы определяется, с одной стороны, недостаточной изученностью способов семантической трансформации значений в художественном тексте, с другой – особым вниманием лингвистики к авторским образованиям, обладающим богатством содержания и образной новизной.

Основная часть

В сборнике Н. Т. Бушенева «Вкус позднего меда» встречаются окказиональные единицы разных типов (фонетические, лексические, грамматические, графические), особую группу составляют семантические окказионализмы. Это авторские слова, образованные путем изменения значения.

Семантические окказионализмы Н. Т. Бушенева представлены лексемами различных частей речи: существительными (*безмен, беспросвет, Гала-концерт, демон, искуситель, курзал, манипуляция, Нострадамус, прораб, светопреставление, утопия, шиншиллы, худсовет*), прилагательными (*технотронный*), глаголами (*огоршить, прессовать, прошивать*), причастиями (*отпетый, сбитое*). Их окказиональность обусловлена контекстом, в котором они употребляются.

Рассмотрим условия образования авторских значений в стихотворениях и прозаических миниатюрах Н. Т. Бушенева.

¹ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. 494 с.

² Словообразовательный словарь поэтических окказионализмов Н. Т. Бушенева / ответственный редактор Т. А. Воробьева; авторы-составители: Я. И. Аксенова и др. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2023. 42 с.

³ Попова Т. В. и др. Неология и неография современного русского языка. Москва: Флинта, 2022. 168 с.

Игра с формой слова, прием паронимической аттракции

Создавая семантические окказионализмы, играя с узуальными значениями, автор оригинально раскрывает внутреннюю форму слова, прибегая к приему паронимической аттракции. Паронимическая аттракция основана на контекстуально-ассоциативных связях близкозвучных слов. Например, на узуальное значение слова гала-концерт («грандиозный праздничный концерт»)¹ накладывается индивидуально-авторское значение («Галин концерт, концерт Гали, истерика, скандал»). Это приводит к сужению значения и появлению новых коннотаций (отрицательной оценки, иронии); при этом нарицательное существительное переходит в имя собственное: *Мучаешь страшно ты. (Видно, любя) / О, пощади, свою страсть поумерь ты! / Как, удивляюсь, хватает тебя / На ежедневные Гала-концерты?!..* («О, мое солнышко, свет мой, звезда...», 25 мая 1998)².

В слове *манипуляция* новое значение («бросание, пуляние чем-нибудь в кого-нибудь») также появляется благодаря игре с формой слова: *Чем-то Маня в меня пуляет, / И визжа, и зубами клацая / Ой, не нравится мне такая / Моей Мани манипуляция* («Кстати, о манипуляции», 2013)³. В данном случае индивидуально-авторское и узуальное («сложный прием, действие над чем-н. при работе руками, ручным способом» (книжн.))⁴ значения имеют общие семы: «действие, производимое руками». Меняется стилистическая коннотация слова (разг.).

Интересна трансформация значения имени собственного Нострадамус: *Напророчил много бедствий / Нострадамус этот нам / Неужели Нострадамус / Настрадался из-за дам? / Как француз, он был уверен, / что везде шерше ля фам* («Нострадамус и шерше ля фам», 2015)⁵. В стихотворении на узуальное содержание слова («французский врач и астролог, предсказатель грядущих событий европейской истории») накладывается индивидуально-авторское значение – «французский предсказатель, пострадавший от дам». Причина мрачных предсказаний астролога – проблемы в личной жизни. Наблюдается «расширение смыслового объема слова»⁶ и появление новых коннотаций (создание юмористического эффекта).

К семантическим окказионализмам относится аббревиатура ВТО («всемирная торговая организация»). Сближение аббревиатуры с вопросительной оценочной конструкцией «Вы того?» способствует возникновению оценочного созначения и усилению экспрессивных свойств слова, позволяет выразить ироническое отношение к вступлению в данную организацию: *Вот и вступили в ВТО, – / Товар – нам, им –*

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Москва: Астрель, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.11.2023).

² Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 104.

³ Там же. С. 308.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1987. С. 273.

⁵ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 263.

⁶ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

ресурсы / Сменили букву в ГТО – / звучит вопреку: «ВЫ ТОГО / Держаться стали курса?» («Вот и вступили в ВТО...», 2013)¹.

Сужение значения (конкретизация)

Из контекста стихотворения «Ой, ты, Вася, искуситель» становится ясно новое значение слова «искуситель»: *Ой, ты, Вася, искуситель! / Все мне губы искушал / Лучшие б спинку мне погладил, / Лучшие б пятки почесал* («Ой, ты, Вася, искуситель», 2015)². Наблюдается сужение значения: «искуситель» в данном контексте – это не соблазнитель, не тот, кто искушает кого-нибудь, а человек, совершающий конкретное действие – целует, в порыве страсти кусая губы возлюбленной.

Конкретизацию, сужение значения отметим и в семантическом окказионализме «прошляпить»: *Не прошляпили // Вышел папа из пикапа / У него слетела шляпа / (Ее сильным ветром сдуло) / Шляпа в речке утонула / Проглотила шляпу щука... / Быстро удочку, а ну-ка! / Эту щуку мы поймали / В ней мы шляпу отыскали / И теперь сидит в пикапе / Снова папа в модной шляпе* («Не прошляпили», 1986)³. «Прошляпить» в стихотворении – конкретное действие: «потерять шляпу», а не «пропустить кого-либо, что-либо, недоглядеть за кем-либо, чем-либо; допустить ошибку, оплошность»⁴.

О сужении значения слова «светопреставление» свидетельствуют сочетаемость с лексемой «временное» и текстовые маркеры «свет погас», «провода»: *Сломано грозой гнилое дерево / Деревя не жаль, да вот беда, / Свет погас. Что ж ты, гроза, наделала? / Ты зачем замкнула провода? / Мир пока не рухнул, тем не менее / Временное светопреставление / Только лишь в масштабе городка* («Светопреставление», 1971)⁵. Слово используется в значении «отключение электричества из-за аварии».

Авторская метафора

Для многих семантических окказионализмов характерна двуплановость, возникающая в результате приращений, преобразующих значение исходной узуальной лексемы⁶. Это приводит к созданию авторских метафор.

Примером является существительное *беспросвет* в значении «отсутствие солнца, просвета в небе»: *«Октябрь уж наступил. Уж рожа отряхает...» / И в небе беспросвет. И лужи у крыльца / «Октябрь уж нас тупил!» – его так злобно хает / Деляганувориш с оскалом подлеца* («Виват, учителя!», 2011)⁷. Это значение накладывается

¹ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 288.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 220.

⁴ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Москва: Астрель, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.11.2023).

⁵ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 156.

⁶ Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 84 с.

⁷ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 162.

на узуальное метафорическое, зафиксированное в словарях значение «безнадежное состояние, положение дел»¹. Взаимодействие узуального и окказионального значений создает коннотацию саркастичности и горечи, которой окрашен весь текст стихотворения «Виват, учителя!»: беспросвет в душе и природе.

Семантическая дуплановость характерна для глагола «прессовать»: *Расскажет, докажет, заинтересует, / Но (для оправданья названья?) прессует* («Кстати, о прессе», 2013)². Языковая игра с формой слов *прессует – пресс – пресса* связывает значения глагола «прессовать» («подвергать давлению под прессом с целью уплотнения, изменения формы, отделения жидкости; сжимать, уплотнять»³) и существительного «пресса» («совокупность массовой периодической печати (газет, журналов и других изданий)»)⁴, что приводит к возникновению авторской метафоры: прессовать – давить, душить, манипулировать (о современной прессе).

Часто автор сам указывает на новое значение слова, объясняя его в строках стихотворения: *Что за зверь такой – шиншилла? / – Да-а... Сует он в шины шило!* («Шиншилла»)⁵. Ср.: «Шиншилла – южноамериканский грызун, похожий на белку, с длинным пушистым хвостом и ценным серебристо-серым мехом»⁶. *Шиншилла* в стихотворении Н. Бушенева – человек, протыкающий колеса автомобиля. В основе данной авторской метафоры, созданной по модели «животное – человек», перенос по сходству: грызун с острыми зубами, способный прогрызать твердый материал – человек, шилом протыкающий колесо автомобиля (*сует в шины шило*).

В ремарке к стихотворению «Безе всего за тыщу» поэт от лица героини миниатюры дает пояснение новому значению слова «безмен» – «бизнесмен, занятый выпечкой и сбытом пирожного безе». В тексте обыгрываются значения слов *безе* – «пирожное» (*напеку, тыща, кондитер*) и *Бизе* – «французский композитор эпохи романтизма» (*Кармен, опера*), *опер* (*жарг.*) – «оперативник» и *опера* – «музыкальный жанр», что определяет новую семантику слова «безмен» («безе» + «мэн» – мужчина, продающий пирожное безе): *Безе всего за тыщу?! Нет, ку-ку! / Сама бесплатно дома напеку. Бизе?! Он не кондитер – не безмен? / Какого еще опера Кармен?..* («Безе всего за тыщу», 28 мая 2013)⁷. В данном случае семантическая связь

¹ Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 17.11.2023).

² Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 306.

³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Москва: Астрель, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.11.2023).

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999. Т. 3. П–Р. С. 384.

⁵ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 385.

⁶ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Москва: Астрель, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.11.2023).

⁷ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 330.

между узуальным лексическим значением слова («ручные рычажные или пружинные весы»¹) и окказиональным отсутствует.

Авторская этимологизация

В стихотворениях и миниатюрах Н. Бушенева мы встречаемся с авторской (произвольной) этимологизацией, когда новое значение слова выводится из другого значения. Чаще всего это игровая этимологизация; игра со значением – одно из средств создания юмористического или сатирического эффекта. Например: *Пришел к вам отдохнуть, а вы – дурить! / Ведь тут к у р з а л! / А вы: «Нельзя курить!»* («Пришел к вам отдохнуть...»)². Авторское значение «место для курения» появляется благодаря обыгрыванию компонентов сложносокращенного слова (*курзал – курительный зал*) и вступает в столкновение с узуальным значением слова «помещение для общественных собраний, концертов и т. п. на курортах».³

При определении значения слова «худсовет» также имеем дело с произвольной этимологизацией, которая приводит к семантической трансформации значения: *В Совете этом раздобревших нет, / и, значит, худсовет – худой совет* («Худсовет»)⁴. Худсовет в данном стихотворении не столько «художественный» совет, сколько небогатый, бедный. Контекстная антонимия подтверждает это значение: *В Совете этом раздобревших нет, / и, значит, худсовет – худой совет* (т. е. отощавший, похудевший). Посредством произвольной этимологии происходит наделение безобразного слова внутренней формой.

В прозаической миниатюре «Демон, монтер и прорабы» семантические окказионализмы помещены в заголовок: *Демон демонтировал, но монтера, чтобы качественно по-новому монтировать, так и не нашлось. А заявившие во весь голос о себе прорабы, как оказалось, способны только прорабатывать, но не строить* («Демон, монтер и прорабы»)⁵. Условий возникновения авторских значений в данном случае несколько: контекстная антонимия (*демон – монтер*), нулевая суффиксация, словообразовательная игра со значениями мотивирующих основ, отрицательно-оценочная стилистическая коннотация (*демон – «тот, кто демонтирует», монтер – «тот, кто монтирует», прораб – «тот, кто прорабатывает, но не строит»*).

Существительные *курзал* («курительный зал»), *худсовет* («худой совет»), *прораб* («тот, кто прорабатывает, но не строит») обладают номинативно-оценочной функцией, являются оригинальными прагматическими номинациями.

Полное перерождение значения

В стихотворениях Н. Т. Бушенева встречаются случаи полного семантического перерождения значения слова. Например, *котировка* в значении «брачный период

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999. Т. 1. А–Й. С. 73.

² Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 376.

³ Словарь русского языка: в 4-х т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999. Т. 2. К–О. С. 152.

⁴ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 388.

⁵ Там же. С. 396.

для котов и кошек, гормональный всплеск». Прояснить текстовое значение слова «котировка» помогают контекстные актуализаторы: *март, кот, кошечки, в любви сноровка...: У марта растет в любви сноровка / И у котов высокая котировка / Коты распелись, коты балдеют / Но ведь и кошечки хорошеют* («У марта растет в любви сноровка...», 2016)¹.

Семантическое перерождение наблюдаем и в значениях слов «огорошить», «технотронный», «утопия». Узуальное прилагательное *технотронный* («связанный с использованием технотроники») ² приобретает дополнительное значение «ненормальный, сумасшедший, буйный» и отрицательную коннотацию в контексте стихотворения: *Век технотронный / Он не тихо – буйно тронут / Ревут машины / Ржут шуты / Трудяги стонут* («Век технотронный...», 10 марта 2014)³. Существительное *утопия* («неосуществимая, несбыточная мечта; фантазия») ⁴ в стихотворении «Идешь по болоту – утопия...» семантически мотивировано значением слова «топь», а не «утопизм»: *Идешь по болоту – утопия, / а бросишься в омут – унырия* («Идешь по болоту – утопия...») ⁵. Окказиональное значение слова *утопия* – «топкое место, трясины». Глагол *огорошить* («сильно озадачить, поставить в тупик») ⁶ используется окказионально в значении «накормить горохом»: *Надо лошадь огорошить / – Нет, не надо ей гороха / Вот овса б ей дать неплохо / – Лучшие ржи! Чтоб ржала лошадь* («Надо лошадь огорошить», 2015)⁷.

Семантическая дефразеологизация, семантическое рассогласование

Среди семантических окказионализмов Н. Т. Бушенева есть ряд устойчивых словосочетаний, приобретающих в контексте стихотворений новые значения (*плут отпетый, сбитое тело*). Например, «плут отпетый» – это не только «неисправимый, безнадежный в каких-л. своих отрицательных качествах» ⁸, но и «переставший петь; тот, кто отпел»: *Весь оплеван, оклеветан / плут отпетый, / но прославлен вездесущий / плут поющий* («О плутах – отпетом и поющем», 2015)⁹. Использование антонимов (*отпетый – поющий*) позволяет увидеть смысловые приращения.

¹ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 340.

² Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. С. 1322.

³ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 169.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1987. С. 689.

⁵ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 379.

⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1987. С. 357.

⁷ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 223.

⁸ Словарь русского языка: в 4-х т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999. Т. 2. К–О. С. 699.

⁹ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 314.

Фразеологически связанное значение слова «сбитое» (тело) в узусе имеет значение «плотное, крепкое»¹; в стихотворении у связанного словосочетания «сбитое тело» появляется значение «сбитый человек; тот, кого сбили». Игра со значениями слова, перенос по смежности (тело – человек) и нестандартная сочетаемость приводит к появлению нового значения, созданию каламбура: *У него было сбитое тело, Но его тоже сбили. За дело – Ворвал он и врал оголтело* («У него было сбитое тело...», 2014)².

Однозначно сформулировать новое значение известным носителям языка слова сложно из-за размытости семантики, неизбежности субъективизма восприятия. Любой семантический окказионализм (в отличие, например, от грамматического) тесно связан с порождающим контекстом.

К трансформации значения часто приводит семантическое рассогласование – «наличие в пределах одной синтагмы элементов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений»³. Ср.: *тучи с севера свинцово приползут* («Дожди идут...», 2014)⁴. В значении наречия «свинцово» («цветом напоминая свинец») нейтрализуется сема «цвет», актуализируется сема «медленно, неотвратимо». Комбинация несовместимых элементов – действие + цвет – приводит к появлению новых сем в значении, отражает индивидуальное представление о действии – «приползут свинцово», т. е. «медленно, неотвратимо».

Выводы

Итак, к созданию семантических окказионализмов может привести актуализация внутренней формы слова, паронимическая аттракция, произвольная этимологизация, расширение и сужение узуального значения, перенос по сходству, смежности, экспрессивная коннотация, семантическое рассогласование.

Семантические окказионализмы с разными целями вводятся в текст и выполняют различные функции: прагматическую (установка на разрушение автоматизма восприятия), игровую (игра с формой и значением слова, нарушение законов лексической сочетаемости, установка на комический эффект), номинативно-оценочную (отношение автора к тому или иному явлению), стилистическую (создание каламбура, снижение стилистического фона, появление иронической / сатирической окраски), поэтическую (создание художественного образа, неодноплановое осмысление значения слова).

Сочетание семантическими окказионализмами разнообразных функций в художественном произведении рассматривается как их лингвокреативный потенциал. Семантические окказионализмы обладают богатством содержания и создают эффект образной новизны и свежего индивидуального мировосприятия автора.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999. Т. 4. С–Я. С. 33.

² Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 349.

³ Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва: Языки русской культуры, 1998. 763 с.

⁴ Бушенев Н. Т. Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры. Череповец: Полиграфист, 2016. С. 43.

Н. Т. Бушенев создает семантические окказионализмы, используя богатейшие ресурсы лексико-семантической системы русского языка; играет со смыслами и с языковой формой слов. В этом проявляется лингвокреативная способность языковой поэтической личности автора текстов.

Список литературы / References

Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1969. 607 p. (In Russ.)

Бабенко Н. Г. *Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ*. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 84 с.

Babenko N. G. *Occasional in a fiction text. Structural and semantic analysis*. Kaliningrad: Kaliningradskii gosudarstvennyi universitet, 1997. 84 p. (In Russ.)

Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Big explanatory dictionary of the Russian language; edited by S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)

Бушенев Н. Т. *Вкус позднего меда. Избранное: стихи, прозаические миниатюры*. Череповец: Полиграфист, 2016. 494 с.

Bushenev N. T. *Taste of late honey. Selected works: poems, prose miniatures*. Cherepovets: Poligrafist, 2016. 494 p. (In Russ.)

Гак В. Г. *Языковые преобразования*. Москва: Языки русской культуры, 1998. 763 с.

Gak V. G. *Language transformations*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. 763 p. (In Russ.)

Ефремова Т. Ф. *Современный толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель, 2006. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 17.11.2023).

Efremova T. F. *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel', 2006. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed: 17.11.2023). (In Russ.)

Коваленко К. В. Окказионализмы словаря прозы А. И. Солженицына в аспекте структурно-семантической типологии. *Известия Российского государственного университета имени А. И. Герцена*, 2008, № 82-1, с. 166–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-slovary-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii> (дата обращения: 17.11.2023). EDN: JVWOHL

Kovalenko K. V. Occasionalisms of A. I. Solzhenitsyn's prose dictionary in the aspect of structural-semantic typology. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 82-1, pp. 166–172. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-slovary-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii> (accessed: 17.11.2023). (In Russ.) EDN: JVWOHL

Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1987. 749 с.

Ozhegov S. I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russkii iazyk, 1987. 749 p. (In Russ.)

Попова Т. В. и др. *Неология и неография современного русского языка*. Москва: Флинта, 2022. 168 с.

Popova T. V. et al. *Neology and neography of the modern Russian language*. Moscow: Flinta, 2022. 168 p. (In Russ.)

Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1999.

Dictionary of the Russian language: in 4 vol.; edited by A. P. Evgenieva. Moscow: Russkii iazyk, 1999. (In Russ.)

Словообразовательный словарь поэтических окказионализмов Н. Т. Бушенева / ответственный редактор Т. А. Воробьева; авторы-составители: Я. И. Аксенова и др. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2023. 42 с.

Word-forming dictionary of poetic occasionalisms by N. T. Bushenev; editor-in-chief T. A. Vorobyeva; contributing authors: Ya. I. Akse nova et al. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2023. 42 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Татьяна Алексеевна Воробьева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0008-2790-2107>, tavorobeva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Tat'iana A. Vorob'eva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0008-2790-2107>, tavorobeva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 26.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024; Approved after reviewing 12.03.2024; Accepted for publication 26.03.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 34–45.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 34–45.

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-3>

EDN: YEVYEU

Моделирование когерентности текста с помощью ориентированного графа

Алексей Владимирович Глазков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва, Россия,
alexy.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Аннотация. В статье рассматривается проблема формализации когерентных отношений в тексте. Семантические и прагматические связи между предложениями предлагается визуализировать с помощью инструментов теории графов. Выбрана модель ориентированного графа, вершины которого соответствуют предложениям текста. Предложен алгоритм анализа когерентности в парах предложений, позволяющий выявить систему путей в графе, соответствующих когерентным текстуальным группам. Для больших текстов разметка может производиться с помощью матрицы смежности графа.

Ключевые слова: когерентность, текстуальность, текст, лингвистика текста, прагматика, ситуация, граф

Для цитирования: Глазков А. В. Моделирование когерентности текста с помощью ориентированного графа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 34–45. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-3>

Modelling text coherence using a directed graph

Alexey V. Glazkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
alexy.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Abstract. The article considers the problem of formalizing semantic relations in the text. Semantic and pragmatic relations between sentences are proposed to be visualised using graph theory tools. The model of a directed graph is chosen, the vertices of which correspond to the sentences of the text. An algorithm for analysing coherence in pairs of sentences is proposed to detect a system of paths in the graph corresponding to coherent textual groups. Marking of large texts can be realized applying the graph adjacency matrix.

Keywords: coherence, textuality, text, text linguistics, pragmatic, situation, graph

For citation: Glazkov A. V. Modelling text coherence using a directed graph. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 34–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-3>

Введение

Моделирование как метод уместно применять в отношении объектов, не имеющих четко выраженной структуры. Если говорить о базовых категориях текстуальности (к которым мы относим порядок, т. е. линейное расположение предложений, когезию и когерентность)¹, то очевидно, что наименее четкая структура прослеживается у когерентности, которую вообще часто причисляют к свойствам текста², а свойство не требует строгой формализации. Если когерентность рассмотреть не в виде данности, по умолчанию присущей тексту, а категории, выделяемой для обозначения особого типа отношений между предложениями текста, то потребность формального описания возникает сама собой. Проблема усугубляется еще и тем, что не все категории текстуальности поддержаны какими-то специфическими средствами выражения, какие есть у грамматических структур. Все языковые средства, позволяющие соединяться элементам текста, имеют данную функцию в качестве вторичной, первичная же реализуется на уровне предложения, сочетания слов. Причем эта вторичная функция описывается в терминах когезии, а поэтому для описания когерентности оказывается необходимым применение методов, создающих специфические способы выражения – таких, как моделирование. В настоящей работе предпринята попытка моделирования системы когерентности текста с использованием элементов теории графов.

Применение теории графов в лингвистике – не новое явление. В синтаксической теории Н. Хомского³ для моделирования структуры предложения использовано дерево – «связный граф без циклов»⁴. Синтаксическое дерево дает возможность визуализировать синтаксические отношения и связи в предложении. Э. Карни указывает на две возможности, представляемые использованием дерева в анализе предложения: 1) обозначить составляющие предложения и показать систему их зависимостей; 2) выразить систему отношений между элементами, связь у которых не выражена, имплицитна (например, при анафорических отношениях)⁵. Кроме этого, в таких языках, как русский, синтаксическое дерево позволяет оценить характер порядка слов в предложении и показать пути перехода от инвертированного порядка к нормальному⁶. Далее мы обоснуем специфику использования инструментов теории графов для моделирования когерентной системы и составим необходимый алгоритм.

¹ См. подробнее нашу статью: Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница: сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва: Филинь, 2020. С. 17–30.

² Напр., в работе: Казаченко О. В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27): в 2 ч. Ч. 2. С. 88.

³ Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков. Москва: Едиториал УРСС, 2003. С. 12–13.

⁴ Карпов Д. В. Теория графов. Москва: МЦНМО, 2022. С. 25.

⁵ Carnie A. Syntax. A Generative Introduction. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. P. 117.

⁶ Глазков А. В., Санаи А. Р. Синтаксическое дерево как инструмент определения характера порядка слов в преподавании русского языка как иностранного // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 8. С. 1201–1209.

Основная часть

Дадим необходимые для настоящего исследования определения.

Будем понимать под текстуальной группой (далее – ТГ) любое множество предложений, к которому прикладываются категории текстуальности. Поскольку, как мы сказали, у текста нет специфических формальных показателей, все категории текстуальности являются категориями-вопросами (например, имеются ли между предложениями когезивные или когерентные отношения). Тем самым текстуальная группа – это такое множество предложений, для которого решается вопрос, является ли она текстом. В своем классическом труде «Введение в лингвистику текста» Р. Богранд и В. Дресслер¹ указали, что отсутствие хотя бы одной категории текстуальности не позволит некое высказывание считать текстом, но при этом отделили когезию и когерентность от других категорий, назвав их текстоориентированными (*text-zentrierte*) в отличие от субъектоориентированных (*verwender-zentrierte*)² и придав им особый статус во всей системе текстуальности. Мы выделяем базовые категории текстуальности (порядка, когезии, когерентности), способные установить, существует ли у множества предложений возможность объединения их в текст, и поэтому ставим вопрос о количестве когерентных текстуальных групп в тексте.

Когерентность определим как категорию текстуальности, с помощью которой решается вопрос о консистентности (непротиворечивости) текстуальной группы. ТГ объявляется когерентной, если выражаемые в предложениях значения консистентны. Когерентность предложений может устанавливаться интуитивно. Нами предложены формальные основания для установления когерентности ТГ: наличие ситуации более высокого порядка, объединяющие представленные в предложениях ситуации³; наличие между предложениями семантической лакуны, однозначно заполняемой невыраженным компонентом значения (нами предложен термин *прагматическое дополнение*)⁴. Покажем это на тривиальном примере.

(1) /1/ Анна открыла холодильник. /2/ Он был пуст.

Семантическая лакуна возникает из-за того, что не сообщается тривиальная информация о том, что в холодильнике хранится еда. Прагматическое дополнение этой лакуны можем выразить так: ‘Анна удивилась отсутствию еды в холодильнике’. Это дополнение вполне удовлетворяет условию консистентности, и поэтому текстуальная группа когерентна.

Пусть T – это упорядоченное множество всех предложений текста. Обозначим через T множество всех подмножеств этого множества. В это множество, очевидно, войдут все текстуальные группы. Исключим по умолчанию из T пустое множество и

¹ Beaugrande R.-A., Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. S. 3.

² Там же. S. 8.

³ Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 13–24. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-13-24>

⁴ Глазков А. В. Пирамида когерентности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 39–50. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4> EDN: BDFQ

множества, состоящие из одного элемента, равные одному предложению. Тогда это множество будет состоять только из ТГ. Поскольку T – упорядоченное множество, будем считать ТГ типа (Π_k, Π_n) и (Π_n, Π_k) одной текстуальной группой. Тем самым мы получили множество T всех ТГ, состоящих минимум из двух предложений, максимум равных всему тексту, где предложения расположены в установленном в этом тексте порядке¹. Назовем такой принцип, приложенный к тексту, *принципом произвольности выделения текстуальных групп*. Действительно, мы можем выделить любую произвольную ТГ из текста, лишь бы были выполнены указанные условия.

Что дает для анализа текста принцип произвольности?

Во-первых, в нашем подходе когерентность рассматривается не как конститутивное свойство текста, а как категория, требующая установления. Изначально неизвестно, какие группы когерентны, а какие нет, в какой степени когерентны и т. д. Невозможно рассматривать когерентность только контактных или только удаленных предложений, так как когерентные отношения могут быть установлены на любом расстоянии в тексте. Таким образом, мы утверждаем, что анализу когерентности могут быть подвержены любые комбинации предложений на любом расстоянии.

Во-вторых, применение этого принципа должно позволить выделить ТГ с более выраженной когерентностью и сформировать когерентные кластеры, среди которых можно выделить сверхфразовые единства.

В-третьих, такой подход позволяет обнаружить в тексте группы, которые не задумывались автором и представляют собой случайные комбинации предложений. Это может позволить подвести формальную базу под возможность разного понимания и разных интерпретаций текста, хотя, конечно, выделение случайных когерентных ТГ не будет достаточным условием для разного понимания и их количество не будет коррелировать с количеством интерпретаций, так как в предлагаемую модель не включены внешние контексты, подсчитать количество которых не представляется возможным.

Изображение системы когерентности в виде графа полностью базируется на принципе произвольности выбора текстуальных групп. Он позволяет понять, почему в качестве графа мы не выбрали дерево, как это сделано при моделировании предложения.

Дерево имеет висячие вершины (для которых также используется термин *лист*), соответствующие входящим в предложение словам. В нашей модели вершинам соответствуют предложения, что могло бы позволить использовать дерево. Все остальные мотивы использования дерева в синтаксисе не актуальны для анализа текстуальных отношений. Во-первых, каждая вершина дерева может быть соединена с любой другой так, чтобы не образовывался цикл, т. е. попасть из одной вершины в другую можно одним-единственным путем. В тексте одно предложение может быть семантически и грамматически связано более чем с одним другим так, что может

¹ Количество таких текстуальных групп в тексте можно вычислить по формуле для текста из n предложений $T = 2^n - (n + 1)$. Здесь 2^n – это мощность множества, включающего в себя все возможные подмножества, в том числе подмножества, состоящие из одного элемента, и пустое множество, а $(n + 1)$ – это количество таких множеств из одного элемента и пустое множество.

существовать несколько путей из одной вершины в другую. Во-вторых, дерево позволяет выделить какую-то вершину, взять ее за точку отсчета, благодаря чему дерево станет иерархической структурой. Для предложения это будет означать, что выделяется некоторая группа, вершинный элемент которой не имеет закрытой пассивной валентности. В русском языке в таком случае говорят о центральном положении глагола¹ (глагольной вершинности). В тексте невозможно выделить одну доминирующую вершину, чтобы все связи исходили строго от нее. В-третьих, в предложении можно найти любую составляющую, грамматические и семантические характеристики вершины которой будут актуальны для всех элементов этой составляющей, размещенных иерархически ниже ее. В тексте характеристики одного предложения совершенно необязательно будут актуальными для других, тем более что грамматическую зависимость в тексте установить не удастся. Собственно говоря, это лишний раз подтверждает истинность противопоставления структуры и текстуры (текстуальности), описанных М. А. К. Халлидеем и Р. Хасан².

Моделирование текста требует графа иной структуры. Вершинами графа мы предлагаем обозначить отдельные предложения. Принцип произвольности позволит при анализе рассмотреть все возможные связи каждого предложения, поэтому есть смысл ввести некоторые ограничения. Во-первых, учтем порядок следования предложений. Это условие возможно выполнить только в ориентированном графе – такой его разновидности, где отношения между вершинами имеют направленность. Тогда если мы имеем предложения 1 и 2, то будем рассматривать отношения $1 \rightarrow 2$, а не $1 \leftarrow 2$. Во-вторых, при наличии в предложении контекстно чувствительных элементов (например, эндофорических местоимений), мы не будем принимать во внимание их наполнение³. Это значит, что, имея в предложении такое местоимение, мы допустим возможность поиска его антецедента в любом предложении. Приведем тривиальный пример.

(2) /1/ Анна пришла в платье. /2/ Ольга пришла в джинсах. /3/ Она всегда так одевается.

Указанный выше принцип произвольности выделения текстуальных групп позволяет обнаружить в том числе группы $1 \rightarrow 2$ и $1 \rightarrow 3$. Очевидно, в каждом случае передается свой смысл, обусловленный разным наполнением местоимения *она*. Тогда граф данного примера будет иметь следующий вид (см. рис. 1).

По построению видно, что существуют два пути между крайними точками в графе (соответственно, две ТГ): $1 \rightarrow 2 \rightarrow 3$ или $1 \rightarrow 3$. Каждая из полученных ТГ будет когерентной, так как каждой из них соответствует свой подграф. Если бы мы в качестве условия построения графа выделили изначальное наполнение местоимений (например, имели бы в виду, что антецедентом местоимения *она* является существительное *Ольга*), то получили бы только один путь $1 \rightarrow 2 \rightarrow 3$. Это означало бы, что ко-

¹ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 88–90.

² Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. P. 6.

³ Под наполнением в прагматике понимается выражение контекстно чувствительным местоимением того значения, которое в него заложено по авторской интенции (см.: Recanati F. Truth-conditional pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 14).

герентность предложений /1/ и /3/ обеспечивается наличием предложения /2/. Иллюстрировать сказанное легко посредством замены местоимения на существительное.

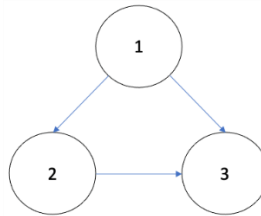

Рис. 1. Граф примера (1)

(3) /1/ Анна пришла в платье. /2/ Ольга пришла в джинсах. /3/ Ольга всегда так одевается.

Возьмем для анализа небольшой по объему текст.

(4) /1/ Костромские поэты обрели новое творческое пристанище. /2/ Правда, попасть в строение не так просто. /3/ На странице соцсети участника «Клуба поэтов» расписано, что нужно сделать, чтобы калитка в белом заборе перед домом открылась. /4/ На самом деле все прозаично, главное – ничего не перепутать. /5/ Входящему нужно «постучать во второе или третье окно с правой стороны». /6/ Есть еще вариант – позвонить бессменному руководителю «Клуба поэтов» Галине Божковой по телефону. /7/ И тогда – о чудо – все двери откроются!

В данном тексте, руководствуясь принципом произвольности, можно выделить 120 ТГ. Оптимизация анализа может быть проведена с помощью рассмотрения текста как ориентированного графа.

Покажем сначала, как будет выглядеть полный граф для текста из 7 предложений. (см. рис. 2).

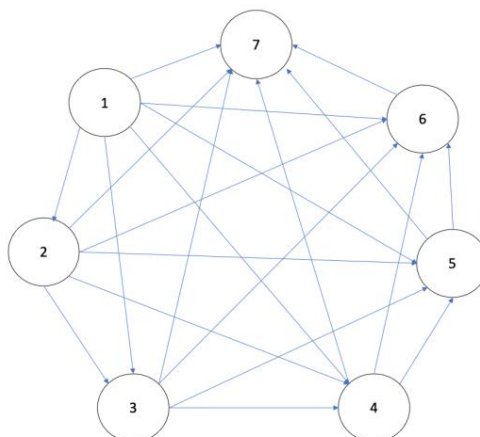

Рис. 2. Полный граф для текста из 7 предложений

На рис. 2 видно, что каждое предложение входит в пары с 6-ю другими предложениями текста (каждые две вершины графа непосредственно связаны между собой одной стрелкой)¹. Для анализа когерентности достаточно иметь пару предложений, поэтому мы предлагаем построить оптимальный алгоритм на анализе пар, начиная с контактных предложений, а затем увеличивая в парах расстояния между предложениями.

Пусть в тексте имеется n предложений. Тогда на первом шаге будем сравнивать 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4 предложения, и так до n -го. Далее 1 и 3, 2 и 4 и т. д. Если в каждой паре начальное предложение имеет номер k , то следующие можно обозначать номерами $k+1$, $k+2$ и т. д. Когерентные пары будем соединять стрелками, некогерентные – нет.

1. Проверка на когерентность пар предложений в группах (Π_k, Π_{k+1}) .

Простой анализ покажет, что все контактные предложения в выбранном тексте когерентны. Опустим его и построим граф для данного шага анализа (см. рис. 3).

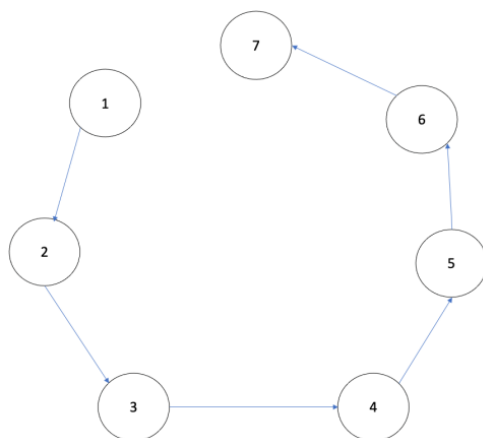

Рис. 3. Граф текста (3) на первом шаге анализа

2. Проверка на когерентность пар предложений в группах (Π_k, Π_{k+2}) .

/1/ – /3/. Пара когерентна. Прагматическое дополнение: ‘Существует проблема в том, как попасть в здание’. Это прагматическое дополнение и есть релевантный ответ, так как других дополнений просто невозможно предположить.

/2/ – /4/. Сложность этой пары в том, что предложения содержат исключительно оценочную информацию, к тому же предложение /2/ требует левого контекста, а конструкция *главное ничего не перепутать* в предложении /4/ тоже требует контекста, который отсутствует в предложении /2/. Все это приводит к очень большому количеству вариантов прагматических дополнений, а пара должна квалифицироваться как некогерентная.

¹ Вершинами ориентированного графа называются связанные между собой точки. Направленные отрезки, соединяющие вершины, называются ребрами, или (для ориентированного графа) стрелками (см.: Карпов Д. В. Теория графов. Москва: МЦНМО, 2022. С. 22).

/3/ – /5/. Предложение /3/ имеет требование правого контекста, которое содержится в предложении /5/, поэтому пара когерентна.

/4/ – /6/. Эта пара некогерентна, так как предложение /6/ требует левого контекста – предложения, в котором содержится информация об основном варианте входа, но в предложении /4/ ее нет.

/5/ – /7/. Предложение /7/ по своим грамматическим свойствам представляет собой парцелированную конструкцию, которая вполне может быть присоединена как к предложению /6/, так и к предложению /5/, так что пара оказывается когерентной.

Добавим к графу соответствующие стрелки (см. рис. 4).

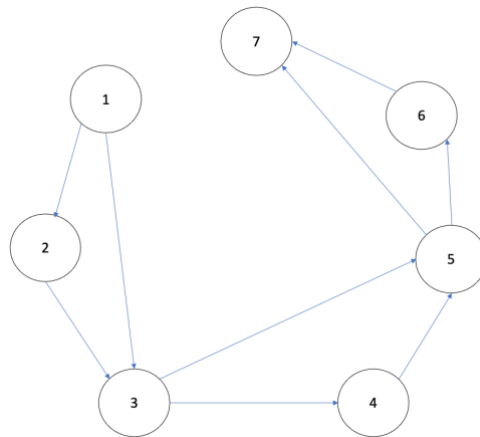

Рис. 4. Граф текста (3) на втором шаге анализа

3. Проверка на когерентность пар предложений в группах (Π_k, Π_{k+3}).

/1/ – /4/. Предложение /4/, содержащее противопоставление по отношению к левому контексту, не находит его в предложении /1/, поэтому пара не когерентна.

/2/ – /5/. Хотя предложение /2/ требует левого контекста, оно вполне сочетается с предложением /5/. Прагматическое дополнение: ‘Постучать в окно по какой-то причине непросто’. Пара когерентна.

/3/ – /6/. Пара когерентна, прагматическое дополнение: ‘Звонок указанному человеку – не та информация, которая размещена в социальной сети’.

/4/ – /7/. Эта пара тоже может быть признана когерентной, несмотря на жесткое требование левого контекста у предложения /4/. В таком случае текст должен содержать информацию о том, что попасть в здание несложно, но информация о том, как туда попадают, отсутствует. Это и есть прагматическое дополнение.

Добавим стрелки на схему графа (см. рис. 5).

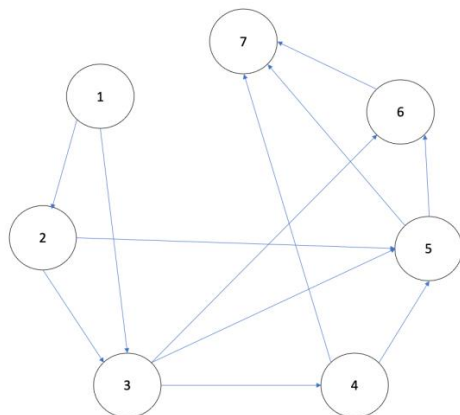

Рис. 5. Граф текста (3) на третьем шаге анализа

4. Проверка на когерентность пар предложений в группах (Π_k, Π_{k+4}) и пар в группах (Π_k, Π_{k+5}) покажет, что все предложения в этих группах будут некогерентны. Это очевидно, кроме результата для пары /1/ – /5/. Она вполне могла быть когерентна, если бы в предложении /1/ было слово *строение*, как в предложении /2/, а не *пристанище*, которое может обозначать как отдельную постройку, так и, например, комнату в каком-то большом здании. Если верно последнее, то когерентность пары сомнительна.

Следовательно, граф на рис. 5 отражает все когерентные отношения в тексте с учетом порядка предложений. Любые два предложения, соединенные стрелкой, когерентны. Однако анализ с помощью графа этим не ограничивается. Одной из характеристик графа являются выделяемые в нем пути прохождения вершин, стрелки в которых не повторяются. В нашем случае каждый путь – это когерентная текстуальная группа. Таких групп окажется 14: ТГ1: /1, 2, 5, 7/; ТГ2: /1, 3, 5, 7/; ТГ3: /1, 3, 6, 7/; ТГ4: /1, 2, 3, 5, 7/, ТГ5: /1–3, 6, 7/; ТГ6: /1, 2, 5–7/; ТГ7: /1, 3, 4, 5, 7/; ТГ8: /1, 3, 5–7/; ТГ9: /1–5, 7/; ТГ10: /1–3, 5–7/; ТГ11: /1, 3–7/; ТГ12: /1–7/, а также группы, не содержащие начальные и конечные предложения типа ТГ13: /3, 5, 6/ или ТГ14: /3, 5/. Легко убедиться, что все указанные группы когерентны и замкнуты, т. е. они не требуют включения в свой состав дополнительных предложений. Отсюда мы делаем вывод, что анализ когерентных отношений в парах дает возможность сформировать множество когерентных ТГ во всем тексте. Заметим, что число возможных путей изначально равнялось 120, наш метод сократил его на порядок.

Предложенный способ формализации когерентных отношений не противоречит методикам вычленения макропропозиций Т. ван Дейка¹. Однако существует важное отличие. Покажем его на примере выделенной ТГ1.

(5) /1/ *Костромские поэты обрели новое творческое пристанище.* /2/ *Правда, попасть в строение не так просто.* /5/ *Входящему нужно постучать во второе или третье окно с правой стороны* /7/ *И тогда – о чудо – все двери откроются!*

¹ Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. С. 42.

Заметим, что изначальный смысл текста здесь изменен. Пропала информация о возможности звонка по телефону, представляющаяся существенной. Однако важно то, что подобное прочтение вполне возможно, если, например, читатель невнимателен. Предложенный метод, поскольку авторская интенция не включена в систему анализа, позволяет обнаружить любые, в том числе маловероятные и противоречащие основному тексту, варианты прочтения.

Составление графа когерентности посредством выделения когерентных отношений в парах упрощает анализ текстуальности, но на больших текстах рисование графов представляет собой трудоемкую задачу. В этом случае удобно воспользоваться матрицей смежности, в которой отмечены отношения между вершинами графа: 0 означает отсутствие связей, 1 означает их наличие. Если в графе (1, 2) стоит единица, а в графе (2, 1) стоит ноль, это означает направленность связей от предложения /1/ к предложению /2/. Для ориентированного графа когерентности текста заполняется только область выше главной диагонали, ниже главной диагонали ставятся нули.

Для построения графа по заданной матрице можно воспользоваться онлайн-сервисами. Ниже приведен граф текста (3), построенный по матрице из таблицы (см. рис. 6).

Таблица

Матрица смежности для текста (3)

	1	2	3	4	5	6	7
1	0	1	1	0	0	0	0
2	0	0	1	0	1	0	0
3	0	0	0	1	1	1	0
4	0	0	0	0	1	0	0
5	0	0	0	0	0	1	1
6	0	0	0	0	0	0	1
7	0	0	0	0	0	0	0

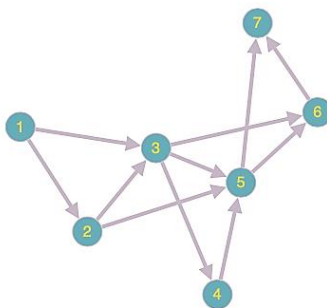

Рис. 6. Граф когерентности текста (3)¹

¹ Для построения был использован онлайн-сервис <https://graphonline.ru>

Упорядоченное изображение графа позволяет сразу увидеть, что, например, вполне допускается исключение предложения /2/, а удаление предложения /3/ повлечет за собой удаление предложения /4/.

Выводы

В приведенном исследовании был разработан алгоритм анализа когерентных отношений в тексте путем выделения внутри текста когерентных ТГ. Использование инструментов теории графов позволило оптимизировать процедуру анализа. Когерентность устанавливается во всех возможных упорядоченных парах предложений, где номер первого элемента меньше номера последнего. Выделение когерентных групп позволяет как выделить наиболее существенные элементы текста (что вполне отвечает процедуре выделения макропропозиций Т. ван Дейка), так и обнаружить потенциальные, не отвечающие авторской интенции ТГ, искажающие основной текст.

Анализ проиллюстрирован на примере одного текста в целях экспликации алгоритма. Проведение анализа на большем массиве и на текстах большего объема способно показать другие достоинства предложенного метода.

Список литературы / References

Ван Дейк Т. *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.
Van Deijk T. *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress, 1989. 310 p. (In Russ.)

Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста. *Граница: сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований*. Москва: Филинь, 2020, с. 17–30.

Glazkov A. V. On boundaries between the notions of linearity, cohesion, and coherence. *Frontier. Collection of scientific works of the project NOT ONLY: Theory and practice of humanitarian research*. Moscow: Filin", 2020, pp. 17–30. (In Russ.)

Глазков А. В. Пирамида когерентности. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2023, № 4 (115), с. 39–50. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4> EDN: BDFFQ

Glazkov A. V. The pyramid of coherence. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 39–50 (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4> EDN: BDFFQ

Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 2022, № 1, с. 13–24. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-13-24>

Glazkov A. V. Situationality as a basis of text coherence. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 13–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-1-13-24>

Глазков А. В., Санаи А. Р. Синтаксическое дерево как инструмент определения характера порядка слов в преподавании русского языка как иностранного. *Инновации. Наука. Образование*, 2021, № 8, с. 1201–1209.

Glazkov A. V., Sanai A. R. Syntactic tree as a tool for determining the nature of word order in teaching Russian as a foreign language. *Innovations. Science. Education*, 2021, no. 8, pp. 1201–1209. (In Russ.)

Казаченко О. В. Когерентность и когезия текста. *Альманах современной науки и образования*, 2009, № 8 (27): в 2 ч, ч. 2, с. 88–90.

Kazachenko O. V. Coherence and cohesion of text. *Almanac of Modern Science and Education*, 2009, no. 8 (27): in 2 parts, part 2, pp. 88–90. (In Russ.)

Карпов Д. В. *Теория графов*. Москва: МЦНМО, 2022. 555 с.

Karpov D. V. *Graph theory*. Moscow: MTsNMO, 2022. 555 p. (In Russ.)

Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 796 с.

Testeleets Ia. G. *Introduction to general syntax*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2001. 796 p. (In Russ.)

Хомский Н., Миллер Дж. *Введение в формальный анализ естественных языков*. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 64 с.

Chomsky N., Miller G. *Introduction to the formal analysis of natural languages*. Moscow: Editorial URSS, 2003. 64 p. (In Russ.)

Beaugrande R.-A., Dressler W. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 290 s.

Carnie A. *Syntax. A Generative Introduction*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. 526 p.

Halliday M. A. K, Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976. 375 p.

Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 324 p.

Сведения об авторе

Алексей Владимирович Глазков – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, alexey.glazkow@gmail.com, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (82, пр-т Вернадского, 119571 Москва, Россия); **Alexey V. Glazkov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, alexey.glazkow@gmail.com, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, pr. Vernadskogo, 119571 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2024; принята к публикации 18.07.2024.

The article was submitted 16.11.2023; Approved after reviewing 04.07.2024; Accepted for publication 18.07.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 46–58.
Cherovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 46–58.

Научная статья
УДК 808.2-01
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-4>
EDN: YPGJYA

Манипулятивный потенциал метафор в медийном дискурсе

Елена Викторовна Долгова¹✉, Татьяна Анатольевна Кудинова²
^{1,2} Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
Орел, Россия,
¹elenadolg76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1602-4635>
²t.kudinova77@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению манипулятивного потенциала языкового воздействия на примере когнитивных метафор в рамках освещения глобальных военных конфликтов. Авторы уточняют определения «консциентальная война», «манипуляция», акцентируют внимание на манипулятивном эффекте, который достигается не только с помощью функционала языковых средств, но и рядом прагматических составляющих, в рамках которых зарождается, трактуется и функционирует медийный дискурс. В ходе анализа общего медиатекста электронных зарубежных изданий были выявлены концептуальные модели метафор, представляющие исходные области для военной метафоризации.

Ключевые слова: медийный дискурс, консциентальная война, манипулятивное воздействие, когнитивная метафора, концептуальная сфера, военный конфликт

Для цитирования: Долгова Е. В., Кудинова Т. А. Манипулятивный потенциал метафор в медийном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 46–58. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-4>

Manipulative potential of metaphor in media discourse

Elena V. Dolgova¹✉, Tatyana A. Kudinova²
^{1,2} Russian Federation Security Guard Service Federal Academy,
Orel, Russia,
¹elenadolg76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1602-4635>
²t.kudinova77@mail.ru

Abstract. The article considers the manipulative potential of linguistic influence using the example of cognitive metaphors in the framework of covering global military conflicts. The authors clarify the definition of “conscientious war”, “manipulation”, focus on the manipulative effect, which is achieved not only by the functionality of linguistic means, but also by a number of pragmatic components within which media discourse is generated, interpreted and functions. Based on the analysis of the general media text of electronic foreign publications, the authors have identified conceptual models of metaphors, representing the source areas for military metaphorization.

Keywords: media discourse, conscientious war, manipulative influence, cognitive metaphor, conceptual sphere, military conflict

For citation: Dolgova E. V., Kudinova T. A. Manipulative potential of metaphor in media discourse. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 46–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-4>

Введение

На данный момент понятие *информационная война* является основной и уже привычной составляющей медийного дискурса. Потребитель медийного контента является объектом целенаправленных информационных атак, которые обладают разрушительной энергией и оказывают значительное влияние на индивидуальное сознание, тем самым формируя общественное мнение.

Тематическое развёртывание информационных атак охватывает широкий спектр человеческой деятельности, в частности экономику, культуру, международные отношения и др. Однако следует отметить, что зачастую дискурс информационной войны наиболее актуален в сфере международных отношений, военных конфликтов, политики.

Для манипулятивного воздействия, применяемого в современном медийном дискурсе, наряду с такими понятиями, как информационная война, кибер-война, прокси-война, когнитивная война, наиболее приемлемо, на наш взгляд, использовать термин *консциентальная война*, которая объединяет смыслы вышеуказанных формулировок и привносит дополнительное значение разрушения сознания нации в целом. По мнению В. К. Потехина, консциентальная война – война психологическая по форме, цивилизационная по содержанию и информационная по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются сознание и ценностные установки населения противника¹. Противоборство такого рода подразумевает овладение сознанием противника и его изменение. Для поражения необходимо внедрить в сознание противника собственные ментальные установки, что, в свою очередь, приводит к сдвигу ценностных ориентиров и заканчивается поражением либо на поле боя, либо за столом переговоров. В связи с активизацией военных конфликтов и глобальной милитаризацией транслируемый массив информационного контента нельзя недооценивать, несмотря на кажущуюся примитивизацию информационно-коммуникативной среды, так называемой экранной культуры.

Ввиду мощного информационного воздействия, оказываемого на получателя информации, очевидно, что медийный дискурс следует отнести к важнейшему консциентальному оружию, применяемому для формирования новой реальности, отличающейся уникальностью объекта военных действий, которым становится сознание. Наряду с реализацией институциональных интенций тексты медийного дискурса большей частью не описывают, а побуждают и убеждают адресата, что свидетельствует о высоком манипулятивном потенциале информационно-аналитических материалов современного медийного дискурса.

¹ Потехин В. К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? Москва: [б. и.], 1997. С. 69–87.

Основная часть

Целью данной статьи является рассмотрение манипулятивного потенциала языкового воздействия на примере когнитивных метафор в рамках освещения глобальных военных конфликтов. Эмпирический материал представлен информационно-аналитическими материалами англоязычного медийного дискурса, в частности “Politico.com”, “The Guardian”, “The Washington Post”, “Aljazeera”. В качестве методов исследования были привлечены метод дискурсивного анализа, описательный метод, метод прагматической интерпретации и т. д.

Новый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой приводит следующие дефиниции *манипуляции*: 1. Показ фокусов, основанных на ловкости рук (в цирковом искусстве). Ловкая проделка; обман, махинация. 2. Сложный прием, сложное действие, осуществляемые при выполнении какой-либо ручной работы. II 1. Вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. 2. Скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору одностороннее преимущество. 3. Система способов и приемов идеологического и психологического воздействия на массовое сознание людей с помощью СМИ с целью внушения им каких-либо идей. 4. Использование кого-либо или чего-либо в своих – обычно неблагоприятных – целях¹. Большинство из вышеприведенных определений подразумевает воздействие с целью достижения определенной завуалированной цели.

Привлечение внимания к лингвистической составляющей проблемы воздействия и, как следствие, управления сознанием и поведением индивида было отмечено в трудах Ю. И. Левина, которого можно отнести к основоположникам отечественной теории речевой манипуляции. В своем труде «О семиотике искажения истины» он описал речевые приемы и средства, обеспечивающие определенные эффекты воздействия².

Вслед за В. Е. Чернявской под речевой манипуляцией мы понимаем речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата³.

Специфика речевого и языкового воздействия, в частности использование стилистических приемов для создания манипулятивного эффекта, находится в центре внимания ученых-лингвистов^{4,1,2}.

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000. URL: http://slovonline.ru/slovar_efremova (дата обращения: 26.12.2023).

² Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и авторского перевода. Москва: ВИНТИ, 1971–1974. Вып. 4. 1974. С. 108–117.

³ Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Москва: Флинта; Наука, 2006. 136 с.

⁴ Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Вариант речевого поведения. Москва: Наука, 1993. 170 с.

Достижение манипулятивного эффекта в медийном дискурсе происходит не только за счет функционала языковых средств, но и с помощью ряда прагматических составляющих, в рамках которых зарождается, трактуется и функционирует медийный дискурс, что, в свою очередь, дает возможность определить прототипическую ситуацию взаимодействия коммуникантов, выявить присущий им набор средств реализации их прагматических интенций в ходе информационного противоборства. Повторяемость коммуникативной ситуации в условиях информационного противоборства обусловлена сформированной концептосферой участников общения, что обеспечивает стабильную реализацию коммуникативных намерений автора – его манипулятивных интенций.

Под коммуникативной ситуацией в данной статье мы будем понимать структурно иерархический конструкт системно развернутых элементов, одновременно обусловленных и обуславливающих функционирование и развитие медийного дискурса.

На наш взгляд, медийный дискурс достигает максимального уровня манипулятивного воздействия при освещении военных мировых конфликтов в различных средствах массовой информации. Сегодня реципиент регулярно становится мишенью для массированных информационных атак, обладающих целым спектром разрушительной энергии, объектом которой является как массовое, так и индивидуальное сознание.

Объектами манипулятивного воздействия становятся разнообразные аспекты человеческой деятельности. Однако наиболее очевидно манипулятивный потенциал медийного дискурса раскрывается в таком тематическом развертывании, как освещение международных событий, в частности глобальных и локальных военных конфликтов.

Поскольку в большей степени целью коммуникативных процессов в рамках дискурса информационной войны является убеждение адресата и воздействие на него, имеет смысл подчеркнуть высокий манипулятивный потенциал информационно-аналитических и военно-политических статей, рассматриваемых на примере электронных интернет-изданий и международных агентств.

Следует отметить, что авторы публикаций демонстрируют определенную силу убеждения, которая зачастую может достигать наивысшей точки своего проявления, поскольку получатели информации, предоставленной манипулятором, могут полностью изменить свое поведение, точку зрения и т. д., которые будут соответствовать интересам манипулятора и полностью противоречить их собственным. Несомненно, воздействующий потенциал медийного дискурса может иметь негативные вербальные и невербальные проявления и последствия. Однако представляется достаточно сложным установить причинно-следственные связи, поскольку даже сами реципиенты порой не всегда замечают высокий манипулятивный потенциал текста.

¹ Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Москва: Институт языкознания РАН; Волгоград: Издательство ВФ МУПК, 2003. 656 с.

² Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за языковой практикой масс-медиа. Москва: Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.

Такая трактовка сути процесса манипуляции позволяет предположить, что в рамках манипулятивного поля непосредственно искусное владение словом имеет первоочередное значение в процессе завуалированного внедрения в сознание получателя информации определенных целей, стереотипов, взглядов, отношений, которые не совпадают с имеющимися у него на данный момент или вовсе противоречат им.

К одному из часто встречающихся манипулятивных приемов можно отнести манипулятивное воздействие, основанное на явлении резонанса, когда так называемая встраиваемая информация, цель которой изменить взгляды, мнения отдельного человека, а впоследствии и конкретного общества в целом, маскируется под уже существующие стереотипы, принятые в отдельной социальной общности. Картина мира реципиента корректируется в заданном направлении с помощью искажения целей, правил, фактов.

Например: *Yet the fact such men still call the shots speaks volumes about the violent state of world as 2024 dawns. Both have led their countries into disastrous military cul-de-sacs. Netanyahu vows to wholly eradicate Hamas: an unattainable aim. Putin thinks sovereign Ukraine can be annexed by force. Chasing these illusions, they kill tens of thousands of civilians with assumed impunity. Both are war criminals. Both predict, and hope to hide behind, war without end¹.*

Тем не менее, тот факт, что такие люди по-прежнему задают тон, красноречиво говорит о жестоком состоянии мира на заре 2024 года. И тот, и другой завели свои страны в катастрофические военные тупики. Нетаньяху клянется полностью искоренить ХАМАС, что является недостижимой целью. Путин считает, что суверенную Украину можно аннексировать силой. В погоне за этими иллюзиями они безнаказанно убивают десятки тысяч мирных жителей. Оба являются военными преступниками. Они надеются спрятаться за бесконечной войной [здесь и далее перевод наш. – Е. Д., Т. К.].

Отрывок из статьи, опубликованной в известном международном издании “The Guardian”, демонстрирует безапелляционное, однозначное мнение автора по поводу военных конфликтов в Газе и на Украине. Обличительный, эмоциональный фон практически не дает возможности читателю сформировать свою точку зрения, ему уже предоставлены причинно-следственные связи и дальнейшее развитие ситуации. Безусловно, во времена кризиса, например военных конфликтов, доступ к информации значительно ограничен и, в определенной степени, информация отбирается и регламентируется. В связи с этим получатели информации вынуждены полагаться только на тот информационный контент, который им предложен.

Это, несомненно, снижает способность реципиентов полностью понять ситуацию, поскольку они воспринимают ее только через призму медиаматериалов, находящихся в их распоряжении. Это предоставляет возможность манипулировать населением в целом, создавая «реальность» в соответствии со своими потребностями и интересами.

¹ From Gaza to Ukraine, brute force threatens to triumph in 2024. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/06/from-gaza-to-ukraine-brute-force-threatens-to-triumph-in-2024> (дата обращения: 15.01.2024).

Военные конфликты на Ближнем Востоке, война на Украине получили широкое освещение в англоязычном медиадискурсе. Такие международные медиаорганизации, как “The Guardian”, “BBC News”, “Politico”, британские и американские издания “The New York Times”, “The Washington Post” и т. д., опубликовали множество статей о вышеупомянутых конфликтах, охватывающих широкий круг тем, начиная с политики, дипломатии, международных отношений и заканчивая военной стратегией и тактикой.

К одному из явно выраженных аспектов освещения военных конфликтов следует отнести использование когнитивных метафор для формирования и интерпретации мнений, взглядов, точек зрения.

Когнитивная лингвистика утверждает, что язык – это не только средство общения, но и отражение того, как мы думаем и воспринимаем мир вокруг нас. Метафоры являются важной частью этого процесса, поскольку они позволяют нам понять сложные или абстрактные концепции с точки зрения более конкретного или знакомого опыта. Метафора – когнитивное образование, представляющее собой концептуальную сферу, идею или образ, основу которого представляет определенный набор метафорических выражений. Таким образом, мы идентифицируем метафору в тексте как образное выражение, средство экспрессии, имеющее глубинную когнитивную структуру в ментальном пространстве¹.

В контексте войн на Украине и на Ближнем Востоке когнитивные метафоры могут формировать наше понимание и отношение к конфликту, а также оказывать влияние на отношение реципиента к противоборствующим сторонам.

Например, Дж. Лакофф проанализировал метафорическую систему языка, утверждая, что метафоры, связанные с войной, использовались для создания моральной основы военных действий и оправдания применения силы².

Помимо анализа использования когнитивных метафор в медийном дискурсе, некоторые ученые исследовали, каким образом эти метафоры могут формировать общественное мнение и отношение к войне. Например, С. Салем проанализировала использование метафор «мы» и «они» в статьях британских газет о кризисе сирийских беженцев и обнаружила, что такие метафоры часто использовались для представления беженцев как угрозы национальной безопасности и оправдания применения силы³.

Роль когнитивной метафоры при описании военных конфликтов нельзя недооценивать, поскольку именно предложенные авторами концептуальные сферы позволяют реципиенту сформировать свои мысли, мнения и переживания по отношению к военным конфликтам.

¹ Долгова Е. В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. 2018. № 1. С. 19–30.

² Lakoff G. Metaphors and war: The metaphor system used to justify the war in the Gulf // Putz M. Thirty years of linguistic evolution. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 463–481.

³ Salem S. E., Mansour N. M., Hassan I. H., Debian R. A. Investigating the Role of Conceptual Metaphor in the Representation of the Syrian Human Crisis in British Newspaper Articles: A Cognitive Approach. Journal of Language and Literature. 2022. Vol. 22 (1). P. 1–14. <https://doi.org/10.24971/joll.v22i1.2355>

В последнее время военные конфликты на Украине и на Ближнем Востоке привлекли значительное внимание средств массовой информации, а формулировки, используемые для описания, часто обусловлены политической напряженностью и эмоциональной интенсивностью. Таким образом, анализ метафор, связанных с войной, в этом контексте дает ценное понимание сложного взаимодействия между языком, мышлением и идеологией в современном медийном дискурсе.

В зависимости от концептуальных сфер, лежащих в основе когнитивного отображения, можно выделить следующие концептуальные группы метафор: война – спорт, война – игра, война – преступление, война – механизм, война – живой организм, война – болезнь, война – природа / стихийное бедствие, война – искусство, война – дорога, война – инструмент гастрономической деятельности.

Преимущественно целевые области включают в себя как сам военный конфликт, так и его основных действующих лиц, эффект, который он производит в глобальном масштабе, и реакцию на него мирового сообщества.

Используя эти метафоры, медийный дискурс предлагает яркую и доступную презентацию российско-украинского и палестино-израильского конфликтов, подчеркивает негативные аспекты войны, одновременно обеспечивая основу для концептуализации конфликта таким образом, чтобы это было понятно широкой аудитории.

Наиболее задействованной концептуальной сферой, репродуцирующей понятие «война» при освещении военных конфликтов, является «война – спорт», которую, на наш взгляд, можно отнести к разряду стертых метафор, широко применяемых для описания стратегического и конкурентного характера войны. Отметим, что в академических кругах ведутся дискуссии по поводу обоснованности и полезности этой метафоры. К одному из критических замечаний следует отнести мнение относительно чрезмерного упрощения сложных и зачастую разрушительных последствий войны.

Например: 1) *...the footage of Hamas assault **teams** (cnopm) moving through the streets in communities such as Sderot, blowing the gates off a kibbutz and firing on passing cars and pedestrians.... While it is known from **previous rounds of fighting** (cnopm) in Gaza that Hamas has worked to develop independent and redundant military communication networks, including their own battlefield rebroadcast systems, this suggests two things*¹. 2) *This is a **24/7 technology race**, (cnopm) Ukrainian Deputy Prime Minister Mykhailo Fedorov said in an interview at his office in Kyiv, the capital*².

Эта метафора рассматривает конфликт как соревновательное событие с участием двух противоборствующих сторон, конечная цель которых – выйти победителем или потерпеть поражение. Зачастую метафора «война – спорт» преуменьшает реальные масштабы и последствия военного конфликта, репрезентируя его как некое соревно-

¹ Hamas's murderous attack will be remembered as Israeli intelligence failure for the ages. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/oct/07/hamas-stealth-attack-will-be-remembered-as-israeli-intelligence-failure-for-the-ages> (дата обращения: 20.01.2024).

² The war in Ukraine is spurring a revolution in drone warfare using AI. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/07/26/drones-ai-ukraine-war-innovation/> (дата обращения: 10.01.2024).

вание, состязание, которое несколько снижает цену человеческих жизней и разрушений. Следует отметить, что некоторые ученые полагают, что эта метафора увековечивает негативные гендерные стереотипы, поскольку предполагает, что насилие и агрессия присущи мужественности и конкуренции.

Примечательные примеры отображения военных конфликтов с помощью концептосферы «игра» находим в материалах такого издания, как “The Guardian”. Например: 1) *Hezbollah has become much more of an institutional key player in a Lebanese political system that is very fragile*¹. 2) *The militants also believe attacks in the*. 3) *Red Sea can make them a more significant global player, synonymous with Yemen as a whole despite the presence of an internationally recognised government in the south of the country*².

Отметим, что «игра» как сфера-источник для отражения концепта «война» стала применяться в отношении воинствующих, зачастую бесконтрольных, сил, в частности йеменских хуситов, которые блокируют торговые суда в Красном море, а также ливанского шиитского военизированного движения «Хезболла», которые авторы публикаций в международном издании называют глобальными, ключевыми игроками.

Посредством игровой метафоры авторы транслируют представление о том, что данные формирования обладают значительным влиянием и не ограничены в своих действиях в регулировании военного конфликта и готовы принять смелые и агрессивные меры, даже с риском спровоцировать конфронтацию с Западом.

В качестве примера концептуальной теории метафор метафорическое понимание войны как живого организма встречается довольно часто и предполагает использование в качестве источника функций и свойств живого организма для концептуализации и описания различных аспектов ведения войны. Например: *it had “allowed Russia to breathe a little” – это дало России возможность перевести дух; in the face of the serious humanitarian crisis – перед лицом серьезного гуманитарного кризиса; growing international pressure – растущее международное давление; we are painfully aware – мы с болью осознаем; artillery thumped and whistled around them – вокруг них грохотала артиллерия и свистели артиллерийские снаряды; suffering heavy battle-field losses – неся тяжелые потери на поле боя; fundamental steps forward to the peace – основные шаги на пути к миру; “degradation” of military quality – деградация качества военной продукции; terminal debility – неизлечимое бессилие. Характерной особенностью издания “The Washington Post” является использование метафорических сравнений, реализующих концепт «живой организм»: *just like eyes of the war – как глаза войны (об использовании беспилотников в ходе военных действий); as artillery sounded in the background – как будто на заднем плане зазвучала артиллерия.**

¹ Israel, Gaza, Lebanon, Iran ... how far could war in the Middle East spread? URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/07/israel-gaza-lebanon-iran-how-far-could-war-in-the-middle-east-spread> (дата обращения: 25.01.2024).

² Israel-Gaza war: will the Red Sea crisis lead to a wider Middle East conflict? URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/02/israel-gaza-war-risk-wider-conflict-us-iran-houthi-ships-red-sea> (дата обращения: 29.01.2024).

На наш взгляд, метафора «война – живой организм» является наглядным примером использования конкретных и знакомых образов для осознания более сложных, многоплановых понятий. Ориентируясь на исходную область «живой организм», медийный дискурс создает более яркую и доступную картину войны, помогая реципиенту понять ее различные аспекты и факторы, которые способствуют либо принятию, либо отрицанию.

Еще одна метафора «война – природа / стихийное бедствие» – пример того, как концептуальная теория метафоры может быть использована для формирования представлений о войне. В этой метафоре понятие война концептуализируется в терминах природы или стихийных бедствий. Медийный дискурс задействует метафоры, связанные с природными стихиями «вода», «огонь»: *the dam would eventually break – плотина в конечном итоге прорвется; heinous wave of attacks – чудовищная волна нападений; a fresh wave of missile attacks – новая волна ракетных ударов; a fresh barrage of strikes – новый шквал ударов; inflaming tensions – разжигание напряженности.*

Частое задействование природной метафоры «волна», с одной стороны, обусловлено ее универсальностью в силу того, что она в своей основе представляет собой явление, понятное широкому кругу лиц, и реализующее основное значение слова «море» – «огромное количество воды» и одно из его состояний – волна, волнение. Волна – деформация водной поверхности в форме колебательного движения или последовательного подъема и падения этой поверхности, вызываемая давлением ветра на поверхность воды, подводными землетрясениями или оползнями, а также гравитационным взаимодействием Солнца и Луны¹.

Использование метафорического значения в контексте военных действий подчеркивает большое и неконтролируемое количество падающих снарядов и ракет, что вызывает значительные разрушения и человеческие жертвы. Посредством природных метафор авторы привлекают внимание к масштабу и интенсивности военных действий, что, в свою очередь, предполагает, что противоречия сторон выходят на новый уровень. Такие метафоры подчеркивают разрушительный и неуправляемый характер конфликта, представляющего собой необузданную силу природы, с которой порой нелегко совладать.

Для отражения концепта «война» в современном общественном сознании медийный дискурс англоязычных медиа также привлекает метафоры, связанные с искусством. Например: *the nightmare scenario – кошмарный сценарий; an overwhelming chorus in western society – ошелмляющий хор западного общества; on the world stage – на мировой (сцене) арене.* Метафоры, заимствованные из искусства, добавляют нюансов к отображению военных конфликтов, подчеркивая, что война – сложная и трагическая композиция, в которой различные элементы смешиваются вместе, создавая разрушительную силу. Реализуя концепт «искусство» посредством метафорического сравнения, эти выражения также передают эмоциональную глубину и сложность конфликта, подчеркивая влияние на жизнь и эмоции людей: *a kind of*

¹ Словарь по географии. URL: https://geography_ru.academic.ru/1123/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 16.12.2023).

simmering background music that occasionally touched relatives or friends – своего рода кипящая фоновая музыка, которая иногда касалась родственников или друзей.

Выводы

Привлечение языковых средств, в частности когнитивных метафор, для современных медиарепрезентаций военных конфликтов имеет глубокие последствия для понимания и восприятия описываемых событий и формирования отношения к ним. Часто задействованные метафоры, изображающие конфликт как игру или битву, могут способствовать формированию упрощенного понимания войны как бинарного состязания между двумя противоборствующими сторонами, игнорируя многогранные политические и исторические факторы, лежащие в основе конфликта.

Преобладание метафор, связанных со стихийными бедствиями, в дискурсе информационной войны может способствовать возникновению чувства фатализма и неизбежности среди англоязычной читательской аудитории. Такие метафоры предполагают, что конфликт представляет собой силу природы, неконтролируемую и устойчивую к действиям человека. В результате получатели информации могут почувствовать отсутствие вовлеченности и, как следствие, апатию. С другой стороны, использование метафор, подчеркивающих активную позицию и ответственность политических лидеров и лиц, принимающих решения, может способствовать эффективному урегулированию конфликта.

Связанные с искусством метафоры добавляют нюансов, предполагая, что конфликт представляет собой сложный, хаотичный процесс. Использование данных метафор помогает медийному дискурсу формировать общественное мнение в вопросе восприятия войны и привлечь внимание, тем самым подчеркнув важность изучения использования метафор в медиаматериалах о военных конфликтах.

Информационную войну можно назвать «самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая – на его разум»¹.

В связи со сказанным выше, мы полагаем, что цель дискурса информационной войны заключается в достижении информационного превосходства, которое позволяет коммуникантам посредством управления текстами создавать в сознании получателей информации определенную картину мира, что соответственно вносит коррективы в их речевую и, в дальнейшем, неречевую деятельность.

Критически исследуя когнитивные метафоры, используемые в медиадискурсе, можно получить более глубокое осознание того, как язык формирует понимание конфликта, задает тон для создания определенных смыслов, общественного мнения, изменения информационного сознания.

¹ Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. Москва: Алгоритм, 2015. С. 6.

Список литературы / References

Винокур Т. Г. *Говорящий и слушающий. Вариант речевого поведения*. Москва: Наука, 1993. 170 с.

Vinokur T. G. *Speaker and hearer: Variants of speech behaviour*. Moscow: Nauka, 1993. 170 p. (In Russ.)

Долгова Е. В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе. *Филология и человек*, 2018, № 1, с. 19–30.

Dolgova E. V. Military metaphors in media discourse. *Philology & Human*, 2018, no. 1, pp. 19–30. (In Russ.)

Желтухина М. Р. *Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва: Институт языкознания РАН; Волгоград: Издательство ВФ МУПК, 2003. 656 с.

Zheltukhina M. R. *Tropological suggestiveness of mass-media discourse: on the problem of speech impact of tropes in the language of mass media*. Moscow: Institut iazykoznaniiia RAN; Volgograd: Izdatel'stvo VF MUPK, 2003. 656 p. (In Russ.)

Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т.* Москва: Русский язык, 2000. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (дата обращения: 26.12.2023).

Efremova T. F. *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2 vols.* Moscow: Russkii iazyk, 2000. Available at: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (accessed: 26.12.2023). (In Russ.)

Костомаров В. Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за языковой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.

Kostomarov V. G. *Linguistic taste of the epoch. From observations on the speech practice of mass media*. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 247 p. (In Russ.)

Левин Ю. И. О семиотике искажения истины. *Информационные вопросы семиотики, лингвистики и авторского перевода*. Москва: ВИНТИ, 1971–1974, вып. 4, 1974, с. 108–117.

Levin Yu. I. On semiotics of truth distortion. *Information issues of semiotics, linguistics and author's translation*. Moscow: VINITI, 1971–1974, iss. 4, 1974, pp. 108–117. (In Russ.)

Потехин В. К. *Современные войны и национальная безопасность России. Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?* Москва: [б. и.], 1997, с. 69–87.

Potekhin V. K. *Modern wars and Russia's national security. Who will own the conscience weapons in the XXI century?* Moscow, 1997, pp. 69–87. (In Russ.)

Почепцов Г. Г. *Информационные войны. Новый инструмент политики*. Москва: Алгоритм, 2015. 254 с.

Pochepstov G. G. *Information wars. A new policy tool*. Moscow: Algoritm, 2015. 254 p. (In Russ.)

Словарь по географии. URL: https://geography_ru.academic.ru/1123/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 16.12.2023).

Geography dictionary. Available at: https://geography_ru.academic.ru/1123/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B0 (accessed: 16.12.2023). (In Russ.)

Чернявская В. Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*. Москва: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Cherniavskaia V. E. *Power discourse and discourse power: problems of speech influence*. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 136 p. (In Russ.)

Lakoff G. Metaphors and war: The metaphor system used to justify the war in the Gulf. Putz. M. *Thirty years of linguistic evolution*. Amsterdam: John Benjamins, 1992, pp. 463–481.

Salem S. E., Mansour N. M., Hassan I. H., Debian R. A. Investigating the Role of Conceptual Metaphor in the Representation of the Syrian Human Crisis in British Newspaper Articles: A Cognitive Approach. *Journal of Language and Literature*, 2022, vol. 22 (1), pp. 1–14. <https://doi.org/10.24071/joil.v22i1.2355>

From Gaza to Ukraine, brute force threatens to triumph in 2024. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/06/from-gaza-to-ukraine-brute-force-threatens-to-triumph-in-2024> (accessed: 15.01.2024).

Hamas's murderous attack will be remembered as Israeli intelligence failure for the ages. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/oct/07/hamas-stealth-attack-will-be-remembered-as-israeli-intelligence-failure-for-the-ages> (accessed: 20.01.2024).

Israel, Gaza, Lebanon, Iran ... how far could war in the Middle East spread? Available at: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/07/israel-gaza-lebanon-iran-how-far-could-war-in-the-middle-east-spread> (accessed: 25.01.2024).

Israel-Gaza war: will the Red Sea crisis lead to a wider Middle East conflict? Available at: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/02/israel-gaza-war-risk-wider-conflict-us-iran-houthi-ships-red-sea> (accessed: 29.01.2024).

The war in Ukraine is spurring a revolution in drone warfare using AI. Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/07/26/drones-ai-ukraine-war-innovation/> (accessed: 10.01.2024).

Сведения об авторах

Елена Викторовна Долгова – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0000-0002-1602-4635>, elenadolg76@mail.ru, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (35, ул. Приборостроительная, 302015 Орел, Россия); **Elena V. Dolgova** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1602-4635>, elenadolg76@mail.ru, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (35, ul. Priborostroitelnaya, 302015 Oryol, Russia).

Татьяна Анатольевна Кудинова – кандидат филологических наук; t.kudinova77@mail.ru, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (35, ул. Приборостроительная, 302015 Орел, Россия); **Tatyana A. Kudinova** – Candidate of Philological Sciences, t.kudinova77@mail.ru, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (35, ul. Priborostroitelnaya, 302015 Oryol, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 02.05.2024.

The article was submitted 03.04.2024; Approved after reviewing 17.04.2024; Accepted for publication 02.05.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 59–70.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 59–70.

Научная статья
УДК 81'44
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-5>
EDN: ONNIDM

**Метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в антиутопическом романе К. Воннегута
«Механическое пианино»**

Ольга Сергеевна Камышева

Шадринский государственный педагогический университет,
Шадринск, Россия,
olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

Аннотация. Цель данной статьи – исследовать метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в романе К. Воннегута «Механическое пианино». В результате исследования были выделены три фрейма: «Механическое пианино», «Игра на музыкальных инструментах» и «Звучание музыки». При этом метафоры фрейма «Звучание музыки» проявили наибольшую частотность. Музыкальное искусство характеризуется преимущественно посредством антропоморфных метафор. Согласно полученным данным, метафоры со сферой-магнитом «Музыка» функционируют как стертые, так и как оригинальные. В отдельных случаях встречаются двухслойные и развернутые оригинальные метафоры. Оригинальные и стертые метафоры часто являются синестетическими, что позволяет наиболее точно с помощью слов передать музыкальные характеристики и впечатления главного героя.

Ключевые слова: музыкальная метафора, ментальная сфера «Музыка», сфера-магнит, фрейм, слот

Для цитирования: Камышева О. С. Метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в антиутопическом романе К. Воннегута «Механическое пианино» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 59–70. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-5>

Metaphors with the magnet-sphere “Music” in K. Vonnegut's dystopian novel “Player Piano”

Olga S. Kamysheva

Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia,

olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

Abstract. The purpose of this article is to explore the metaphors with the magnet-sphere “Music” in K. Vonnegut's novel “Player Piano”. As a result of the study, three frames were identified: “Player Piano”, “Playing musical instruments” and “The sound of music”. At the same time, the metaphors of the “Sound of music” frame showed the greatest frequency. Musical art is characterized primarily through anthropomorphic metaphors. As for the structure of metaphors with the “Music” magnet-sphere, according to the data obtained, the studied metaphors function as both dead and original. In

© Камышева О. С., 2024

some cases, there are two-layered and expanded original metaphors. Both original and dead metaphors are often synthetic, which makes it possible to convey the musical characteristics and impressions of the main character most accurately with the help of words.

Keywords: musical metaphor, mental sphere “Music”, magnet-sphere, sphere-source, frame, slot

For citation: Kamysheva O. S. Metaphors with the magnet-sphere “Music” in K. Vonnegut’s dystopian novel “Player Piano”. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 59–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-5>

Введение

К. Воннегут – известный американский писатель-фантаст. Его творчество относят, как правило, к постмодернизму. За свою жизнь он написал четырнадцать романов и более пятидесяти рассказов. В своих произведениях писатель, разочаровавшийся в развитии человечества, критикует капитализм и технический прогресс. Художественные произведения К. Воннегута особенно актуальны сейчас, когда в современном мире машины постепенно заменяют труд человека и человечество начинает отказываться от истинных ценностей.

Несмотря на повышенный общественный интерес к творчеству К. Воннегута, в настоящее время научные исследования, посвященные изучению языковых и стилистических особенностей его творчества, только начинают появляться. Большинство таких работ выполнены в рамках теории языка и литературоведения (Е. В. Абраменко¹, Е. В. Антропова², В. Е. Беляева, Г. В. Стрельцова³, В. В. Дмитрук⁴, Н. Ю. Филистова⁵). В данном исследовании впервые изучается язык романа К. Воннегута с точки зрения одного из перспективных направлений современного языкознания – когнитивной лингвистики. При этом в качестве материала исследования выступает музыкальная метафора, что позволяет неординарно подойти к раскрытию основной сюжетной линии одного из самых известных произведений К. Воннегута «Механическое пианино» и понять замысел автора.

Цель данной статьи – исследовать метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в романе К. Воннегута «Механическое пианино».

¹ Абраменко Е. В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: [б. и.], 2022. 191 с.

² Антропова Е. В. Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844), С. 60–71. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_60

³ Беляева В. Е., Стрельцова Г. В. Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 77–86. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-1-77-86>

⁴ Дмитрук В. В. Творчество К. Воннегута: социально-критические тенденции, жанр, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Киев: [б. и.], 1984. 202 с.

⁵ Филистова Н. Ю. Лингвистические особенности категории времени (на материале романа К. Воннегута “Slaughterhouse-Five”) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 377–379. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00797> EDN: GOKFLW

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) выбрать из романа К. Воннегута «Механическое пианино» метафоры со сферой-магнитом «Музыка»;
- 2) классифицировать данные метафоры согласно фреймо-слотовой концепции;
- 3) проанализировать метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в различных контекстах романа;
- 4) выявить наиболее частотные метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в романе, акцентируя внимание на их коннотативной окраске;
- 5) охарактеризовать основные сферы-источники данных метафор, отметив их количественные данные;
- 6) описать сферы-магниты музыкальных метафор, выделив из них наиболее продуктивные;
- 7) определить специфику структуры исследуемых метафор, объяснив особенности их употребления.

Когнитивная лингвистика – одно из основных направлений современного языкознания, которое получило широкое развитие в конце XX века. Когнитивная лингвистика полностью изменила взгляды ученых на многие языковые явления и процессы. Язык стал изучаться через призму концептуальной картины мира, что позволяет, как полагают лингвисты, понять сознание и внутренний мир человека.

На сегодняшний день в зарубежной и отечественной лингвистике наиболее изучена когнитивная сущность метафоры. При этом метафора рассматривается не столько как стилистический прием, сколько как способ познания. Первоначально исследования концептуальной метафоры проводились на материале стертых метафор¹. В настоящее время когнитивные механизмы метафоры изучаются в различных видах художественного дискурса, и такие исследования, на наш взгляд, представляют наибольший интерес, поскольку каждый писатель или поэт обладает своей неповторимой и оригинальной концептуальной картиной мира. В этом случае метафора может послужить своего рода ключом, который приоткрывает «дверь» авторской картины мира.

В когнитивной лингвистике метафора часто представлена с помощью модели «X – Y», где X – это сфера-магнит, а Y – сфера-источник. В отечественном языкознании была разработана фреймо-слотовая методика исследования метафорических моделей, что позволило в рамках каждой сферы выделить основные фреймы и более мелкие их составляющие – слоты². Использование такой методики помогает исследователю провести более детальный, подробный анализ языкового материала, и, следовательно, получить более точные результаты.

В данной работе теории концептуальной метафоры и метафорического моделирования применяются на материале романа К. Воннегута «Механическое пианино»³.

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва. Едиториал УРСС, 2004. 252 с.

² Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

³ Vonnegut K. *Player Piano*. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. 341 p.

Главный герой романа – Пол Протеус, способный потомственный инженер. Его отец был причастен к промышленной революции, которая произошла, согласно сюжету романа, после Третьей мировой войны. В результате произошедших перемен общество было поделено на два класса. К первому классу относятся выдающиеся инженеры и ученые, которые создали автоматизированные заводы. Такие заводы функционируют самостоятельно, не требуя человеческого труда. Инженеры и ученые составляют элиту общества, пользуясь своими привилегиями. Второй класс – люди, которые оказались не востребованы в новом обществе. Им предлагается только работа в качестве социальных работников или военных. Несмотря на то, что Пол Протеус живет в очень хороших условиях и в окружении понимающих его коллег и друзей, он постепенно начинает задумываться о несправедливости современного общества. В конце романа главный герой организует восстание, пытаясь изменить ситуацию.

В романе К. Воннегута «Механическое пианино» читатель воспринимает описываемые события через мировоззрение Пола Протеуса. Полагаем, что музыкальные метафоры позволяют лучше понять его внутренний мир.

Основная часть

Пол Протеус обращает внимание на звучание окружающей его музыки: военных маршей, рэгтаймов, известных песен и музыки из рекламы. Он слушает музыку в живом исполнении и из разных устройств (радио, радиолы, телевизора и механического пианино). При внимательном прочтении романа было обнаружено 26 метафор со сферой-магнитом «Музыка». Анализируемый материал позволил выделить следующие фреймы: «Механическое пианино», «Игра на музыкальных инструментах» и «Звучание музыки». Рассмотрим их подробно.

Фрейм «Механическое пианино»

Механическое пианино – это инструмент, который может играть музыку без участия человека. Клавиши пианино двигаются в соответствии с рисунками на вращающемся барабане.

Понятие «механическое пианино» фигурирует в названии романа. Находясь в сильной позиции текста, «механическое пианино» воспринимается как метафора общества, в котором основную роль играют не люди, а машины.

Звучание реального механического пианино также описывается в романе.

Слот «Клавиши»

Один из инженеров опускает монетку, и устройство начинает играть. Клавиши инструмента подобно человеку прыгают и бегают, вызывая восторг у коллег Пола. Ср.:

*“I played this song in your honor, Doctor,” shouted Rudy above the racket. “Wait till it's over.” Rudy acted as though the antique instrument were the newest of all wonders, and he excitedly pointed out identifiable musical patterns in the **bobbing keys** – trills,*

*spectacular runs up the keyboard, and the slow, methodical rise and fall of keys in the bass. "See – see them two go up and down, Doctor! Just the way the feller hit 'em. Look at 'em go!"*¹.

Слот «Звучание механического пианино»

Пол Протеус, обладая музыкальных слухом, оценивает механическое пианино иначе. Музыка рэгтайма в исполнении искусственного пианино воспринимается им то как жужжание насекомого, то как «разбитый» перезвон, метафорический образ тем самым наделяется негативным эмотивным потенциалом. Ср.:

*"Music," said Rudy grandly. "Let's have music!" He reached over Paul's shoulder and popped a nickel into the player piano. Paul stepped away from the box. Machinery whirred importantly for a few seconds...*².

*... then the piano started clanging away at "Alexander's Ragtime Band" liked cracked carillons*³.

Таким образом, механическое пианино, в отличие от других устройств, вызывает у Пола Протеуса лишь антипатию и отвращение.

Фрейм «Игра на музыкальных инструментах»

Пол Протеус часто обращает внимание на игру музыкантов.

Слот «Игра военных на барабанах»

На улице главный герой встречает военных, т. е., как правило, «ненужных» людей. Они машинально «бьют в барабаны». В данном случае находит место стертая музыкальная метафора агрессивных действий. Ср.:

*Private First Class Hacketts was in the middle of the First Squad of the Second Platoon of B Company of the First Battalion of the 427th Regiment of the 107th Infantry Division of the Ninth Corps of the Twelfth Army, and he stayed right there, and put his left foot down every time the drummer hit the bass drum*⁴.

*The host, bearing their hero aloft like another banner beside the Stars and Stripes, followed the Indians toward the bridge across the Iroquois, cheering, skirling, smashing, dynamiting, and beating drums*⁵.

От такой «агрессивной игры» музыкальный инструмент образно испытывает дрожь. Ср.:

*"Oh, there's some tricks," said Alf. "Watch the bass drum quiver instead of what the guy's doing with the traps"*¹.

¹ Vonnegut K. Player Piano. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. P. 32.

² Там же. P. 31.

³ Там же.

⁴ Там же. P. 64.

⁵ Там же. P. 323.

Слот «Игра музыкантов в оркестре»

На концерте главному герою кажется, что оркестранты проявляют агрессию, «набрасываясь» с силой слона на мелодию, как будто они участвуют в военных действиях. Данная метафора является оригинальной, включающей несколько метафорических составляющих. Ср.:

The band at the far end of the hall, amplified to the din of an elephant charge, smashed and hewed at the tune as though in a holy war against silence. It was impossible even to be cordial to oneself in the midst of the uproar².

Слот «Игра на фортепиано»

Подобная оригинальная метафора обнаруживается при описании страстной игры друга и соратника Пола, Финнерти: он как будто бьет по клавишам хлыстом. Ср.:

Paul shuffled over to the piano and laid his hand on Finnerty's shoulder. "Let's go home."

Finnerty continued to lash at the keys. "Staying!" he shouted above the music. "Go home!"³.

Таким образом, игра на разных музыкальных инструментах воспринимается главным героем как агрессия музыкантов, тем самым, вероятно, вызывая у него и читателей неприятные чувства.

Фрейм «Звучание музыки»

Главный герой описывает звучание военных оркестров, популярных мелодий и органной музыки.

Слот «Звуки военных оркестров»

Военные оркестры медных инструментов довольно громко исполняют патриотические песни. Полагаем, что метафоры взрыва реализуют динамику *fortissimo*, надевая метафорический образ отрицательной коннотацией, поскольку звуки взрыва довольно неприятны для человеческого восприятия. Ср.:

"Here come some more!" called the man with the thick glasses from the door. From far off came the sound of marching, and the thump of a bass drum. The noise came closer, a whistle blew, and a brass band exploded with music⁴.

The band exploded into "The Stars and Stripes Forever," and Kroner was half led from the tree by other oldsters who had known Bassett well⁵.

¹ Vonnegut K. *Player Piano*. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. P. 98.

² Там же. P. 196.

³ Там же. P. 105.

⁴ Там же. P. 86.

⁵ Там же. P. 201.

*The band **blasted out** the fight song of the Blue Team¹.*

Также марширующие играют на рожке и волынках, тембры которых ассоциируются с пронзительным звучанием человеческих голосов – криками и стонами. Считаем, что такие метафоры также обладают негативной оценочной коннотацией. Ср.:

*An automobile had just come from the north side of the river, and its driver honked irritably at the marchers, who blocked his way. The horn and the bagpipes **squalled at one another** until the last rank of marchers had turned down the side street².*

*Bagpipes and drums **howled** from the street below³.*

Слот «Звучание популярных мелодий»

Пол Протеус часто слушает популярные мелодии в салоне, из громкоговорителя, с экрана телевизора или по радио. При этом находят место самые разнообразные оригинальные метафоры. Большинство из них функционируют как синестетические (звуковой метафорический образ передается посредством других чувственных характеристик: зрительных, тактильных, вкусовых и обонятельных). Предполагаем, что такие метафоры делают музыкальный образ объемным и наглядным, а также передают важные музыкальные свойства.

Так, визуальные метафоры текущей жидкости репрезентируют медленный темп мелодий. Ср.:

*Paul frowned at the screen for a moment, tried to jiggle as the saxophonist jiggled, and to fit a song to the rhythm. Suddenly his mind clicked, and **the tune was flowing** in his imagination as surely as though the sound had been turned on⁴.*

*The shouts and songs that **floated** over the greensward from the saloon, Paul noted, had a piping quality⁵.*

Старая песня «Звездная пыль» в исполнении оркестра, вероятно, знакома Полу. Он пытается уловить мелодию, цепляясь за ее метафорическую нить. Ср.:

*Paul decided to buckle down and get his money back. He looked hard at the screen, and took his time. The whole orchestra was in view now, and, once he thought he'd picked up **the thread of a melody**, he looked from musician to musician for confirmation. "An old, old one," he said. "Stardust."⁶*

Разнообразные яркие популярные мелодии, которые сменяют друг друга, рассматриваются главным героем как калейдоскоп. Данная метафора является двухслойной, поскольку «калейдоскоп» образно становится радостным. Предполагаем, что таким образом фокусируется внимание на мажорном ладе музыки. Ср.:

¹ Vonnegut K. Player Piano. The USA: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. P. 197.

² Там же. P. 88.

³ Там же. P. 317.

⁴ Там же. P. 97.

⁵ Там же. P. 225.

⁶ Там же. P. 98.

*After the anthem came a cheery kaleidoscope of “Pack Up Your Troubles,” “I Want a Girl,” “Take Me Out to the Ball Game,” “Working on the Railroad.”*¹

Музыкальный образ может быть передан посредством обонятельного. Главному герою кажется, что песня “Mood Indigo” наполняет воздух. Ср.:

*The bartender twisted the volume knob, and “Mood Indigo” filled the air*².

Песня “Summer Loves” передается через одновременно зрительные, вкусовые и обонятельные характеристики: музыкальное звучание напоминает Полу Протеусу сладкий медовый пирог, который растекся в воздухе. Ср.:

“Summer Loves,” said Paul, looking at the television screen judiciously.

“What’s that?”

“The band – they’re playing ‘Summer Loves.’” He whistled a few bars.

“How can you tell, with the volume off?”

“Go ahead, turn it up.”

*Apathetically, she turned the knob, and “Summer Loves,” as sweet and indigestible as honey cake, oozed into the air*³.

Оригинальная метафора обнаруживается в следующем контексте: динамика *piano* и спокойный характер песни «Спокойной ночи, милая» – это одновременно бормотание и шепот. Метафора осложняется тем, что песня дополнительно ассоциируется с призраком. Ср.:

*WHEN THE SPIRIT OF THE MEADOWS churned up to the dock at the Mainland, the public address system, turned low, was murmuring “Good Night, Sweetheart,” a sweet wraith of music, a whisper above the voice in the pines, the lapping of the great blue water, the whirl of the eagle wing*⁴.

В романе можно встретить стертые метафоры, передающие звучание музыки.

Внезапно затихшая мелодия – это смерть. Ср.:

*The song died in a clatter in the loudspeaker, a cough, and then a command...*⁵.

Попурри из известных песен постепенно затихает, напоминая увядание. Ср.:

*The band, wearing summer tuxedos, struck up a medley of Meadows favorites. The music faded*⁶.

Слот «Звучание органной музыки»

Пол Протеус очень редко обращается к классической музыке. Вероятно, в обществе потребления классика звучит не часто и не особо ценится.

Величественный, неторопливый темп органной музыки, которая странным образом проникает в рекламу стирального порошка, воспринимается как движение чело-

¹ Vonnegut K. *Player Piano*. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. P. 189.

² Там же. P. 98.

³ Там же. P. 114.

⁴ Там же. P. 246.

⁵ Там же. P. 187.

⁶ Там же. P. 211.

века. Полагаем, что музыкальная метафора здесь используется иронически, показывая несуразность смешивания массовой культуры и истинного искусства. Ср.:

*In came the organ music, the announcer, and the washless, rinseless wash power, and Paul turned down the volume*¹.

Таким образом, в романе К. Воннегута «Механическое пианино» звучание военных оркестров сравнивается со взрывами, криками и стонами, указывая на негативное отношение к нему главного героя. В военных оркестрах участвуют «ненужные» несчастные люди, которым в новом обществе с трудом находится место. Сухая и чрезмерно громкая музыка в их исполнении раздражает Пола. Противоположное отношение у главного героя возникает к старым популярным хитам, как отголоску прежней счастливой жизни, которой были присущи человечность и лирика. Для характеристики такой музыки используются преимущественно яркие оригинальные метафоры, большая часть которых является синестетическими. Такие метафоры передают музыкальные характеристики: лад, темп, динамику и характер. Метафора органной музыки встречается в единственном контексте. Можно предположить, что для настоящей классической музыки в совершенном обществе машин нет места.

Выводы

Подводя итоги, представим количественные данные исследуемых метафор (см. табл. 1).

Таблица 1

Метафоры со сферой-магнитом «Музыка» в романе К. Воннегута «Механическое пианино». Фреймы и слоты

Фреймы, слоты	Количество метафор	В процентах от общего числа метафор %
Фрейм «Механическое пианино»	5	19,2
Слот «Клавиши»	3	11,5
Слот «Звучание механического пианино»	2	7,8
Фрейм «Игра на музыкальных инструментах»	5	19,2
Слот «Игра военных на барабанах»	3	11,5
Слот «Игра музыкантов в оркестре»	1	3,8
Слот «Игра на фортепиано»	1	3,8
Фрейм «Звучание музыки»	16	61,5
Слот «Звучание военных оркестров»	5	19,2
Слот «Звучание популярных мелодий»	10	38,5
Слот «Звучание органной музыки»	1	3,8
Всего	26	100

Согласно табл. 1, в романе К. Воннегута «Механическое пианино» среди метафор со сферой-магнитом «Музыка» метафоры фрейма «Звучание музыки» наиболее ча-

¹ Vonnegut K. Player Piano. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. P. 261.

стотны. При этом здесь доминируют метафоры звучания популярных мелодий. Именно старые хиты вызывают особый отклик в душе главного героя. Современная музыка механического пианино и военных тяготит и даже раздражает его. Такие метафоры обладают отрицательной коннотативной окраской (см. табл. 2).

Таблица 2

**Метафоры со сферой-магнитом «Музыка»
в романе К. Воннегута «Механическое пианино». Сферы-источники**

Сферы-источники	Составляющие сферы-источника	Количество метафор	В процентах от общего числа метафор %
Человек	<i>Движение, агрессивные действия, физиологические процессы, голос</i>	13	50
Природа	<i>Звуки насекомых, повадки животных, процесс увядания, жидкость, воздух, природное вещество</i>	7	27
Неодушевленный предмет или вещество	<i>Взрывчатое вещество, колокола, нить, калейдоскоп</i>	6	23
Всего		26	100

Согласно результатам табл. 2, музыкальное искусство характеризуется в романе К. Воннегута «Механическое пианино» преимущественно посредством антропоморфных метафор, т. е. по образу и подобию человека. Предполагаем, что это обусловлено антропоморфным видением мира как главным героем, так и самим писателем. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Метафоры со сферой-магнитом «Музыка»
в романе К. Воннегута «Механическое пианино». Структура метафор**

Структура метафор	Количество метафор	В процентах от общего числа метафор %
Оригинальные		
Простые	11	42,2
Развернутые	2	7,8
Двухслойные	3	11,5
Общее количество оригинальных метафор	16	61,5
Стертые		
Простые	10	38,5
Всего	26	100

Что касается структуры метафор со сферой-магнитом «Музыка», то, согласно полученным данным, такие метафоры функционируют как стертые, так и как оригинальные. При этом оригинальные простые метафоры несколько доминируют. В отдельных случаях встречаются двухслойные и развернутые оригинальные метафоры. Как оригинальные, так и стертые метафоры часто являются синестетическими, что позволяет наиболее точно передать с помощью слов музыкальные характеристики и впечатления главного героя.

Список литературы / References

Абраменко Е. В. *Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута: дис. ... канд. филол. наук.* Майкоп: [б. и.], 2022. 191 с.

Abramenko E. V. *Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut: Cand. thesis in Philological Sciences.* Maikop, 2022. 191 p. (In Russ.)

Антропова Е. В. Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии (на материале русского и английского языков). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2021, вып. 2 (844), с. 60–71. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_60

Antropova E. V. Genre features of nomination in dystopias (an analysis of Russian and English texts). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, iss. 2 (844), pp. 60–71. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_60

Беляева В. Е., Стрельцова Г. В. Творчество К. Воннегута как отражение личной травмы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 2023, № 1, с. 77–86. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-1-77-86>

Beliaeva V. E., Strel'tsova G. V. K. Vonnegut and his works as a reflection of personal trauma. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series. Russian Studies in Philology*, 2023, no. 1, pp. 77–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-1-77-86>

Дмитрук В. В. *Творчество К. Воннегута: социально-критические тенденции, жанр, поэтика: дис. ... канд. филол. наук.* Киев: [б. и.], 1984. 202 с.

Dmitruk V. V. *K. Vonnegut's creativity: social-critical tendencies, genre, poetics: Cand. thesis in Philological Sciences.* Kiev, 1984. 202 p. (In Russ.)

Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем.* Москва. Едиториал УРСС, 2004. 252 с.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* Moscow. Editorial URSS, 2004. 252 p. (In Russ.)

Чудинов А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации.* Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

Chudinov A. P. *Metaphorical mosaic in modern political communication.* Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003. 248 p. (In Russ.)

Филистова Н. Ю. Лингвистические особенности категории времени (на материале романа К. Воннегута “Slaughterhouse-Five”). *Мир науки, культуры, образования*, 2020, № 4 (83), с. 377–379. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00797> EDN: GOKFLW

Filistova N. Iu. Linguistic peculiarities of the category of time (on the basis of K. Vonnegut’s novel “Slaughterhouse-Five”). *The world of science, culture and education*, 2020, no. 4 (83), pp. 377–379. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00797> EDN: GOKFLW

Vonnegut K. *Player Piano*. New York: Dial Press Trade Paperbacks, 2006. 341 p.

Сведения об авторе

Ольга Сергеевна Камышева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Шадринский государственный педагогический университет (д. 3, ул. К. Либкнехта, 641871 Шадринск, Россия); **Olga S. Kamysheva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Shadrinsk State Pedagogical University (3, ul. K. Libknekhta, 641871 Shadrinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 09.03.2024; Approved after reviewing 29.03.2024; Accepted for publication 12.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 71–78.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 71–78.

Научная статья
УДК 811.411.21
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-6>
EDN: QPTUDC

Фрейм «Здоровый образ жизни» и его языковая репрезентация в арабской паремиологической картине мира

Зуриет Нурбиевна Кодзова

Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия,

zuriet_kodzova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2261-3775>

Аннотация. В статье приводится комплексный содержательный анализ арабских паремиологических единиц, репрезентирующих фрейм «Здоровый образ жизни». Исследование базируется на материале 200 пословиц на арабском языке. В результате были выявлены универсальные и уникальные стереотипные представления о ценности здорового образа жизни в арабской лингвокультуре, объективируемые в пословицах арабского языка. Доминирующей идеей, выраженной в пословицах, является признание ведения здорового образа жизни главной ценностью человека.

Ключевые слова: фрейм «Здоровый образ жизни», арабская лингвокультура, паремии, пословицы, паремиологическая картина мира

Для цитирования: Кодзова З. Н. Фрейм «Здоровый образ жизни» и его языковая репрезентация в арабской паремиологической картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 71–78. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-6>

The “healthy lifestyle” frame and its linguistic representation in the Arabic paremiological image of the world

Zuriet N. Kodzova

Adyge State University,
Maykop, Russia,

zuriet_kodzova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2261-3775>

Abstract. The article provides a comprehensive content analysis of Arabic paremiological units representing the *Healthy lifestyle* frame. The study is based on 200 proverbs in the Arabic language. As a result, universal and unique stereotypical ideas about the value of a healthy lifestyle in Arabic linguistic culture objectified in Arabic proverbs were identified. The dominant idea expressed in proverbs is the recognition of maintaining a healthy lifestyle as the main human value.

Keywords: frame “Healthy lifestyle”, Arabic linguoculture, paremiological units, proverbs, paremiological image of the world

© Кодзова З. Н., 2024

For citation: Kodzova Z. N. The “healthy lifestyle” frame and its linguistic representation in the Arabic paremiological image of the world. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 71–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-6>

Введение

Выбор темы исследования обусловлен тем, что паремиологическая картина мира является объектом лингвистических исследований многих современных ученых, изучение которой детерминировано не только с позиции развития лингвистики в целом, но и обособленных направлений, в частности лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Приверженность лингвистов общей антропоцентрической тенденции изучения языковых явлений, характеризующих все области жизнедеятельности человека, также определяет особую значимость в изучении паремий, связанных со здоровым образом жизни, поскольку тема здоровья как одна из основных витальных ценностей человечества на протяжении многих веков приобрела еще большее значение в современных условиях в связи с приоритетным направлением деятельности различных государственных структур по сохранению здоровья нации в современной социопарадигме.

Целью исследования является выявление семантических и лингвокультурных компонентов, входящих во фрейм «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي), объективируемый в пословицах арабского языка, которые рефлексировать определенную модель, именуемую в философско-лингвистической литературе картиной мира того или иного этноса, и представляют собой конвенциональный способ репрезентации стереотипов народа.

В целях проведения системного анализа фрейма «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) в арабской паремиологической картине мира в статье применяются следующие методы исследования: метод концептуального анализа, метод контекстуального анализа, описательный метод.

Материал исследования составили арабские пословицы, изъятые методом специальной выборки из следующих паремиологических сборников на арабском языке:

أمثال العرب للضبي،
موسوعة الحكم والأمثال: فصحي-عامية،
المفضل الضبي أمثال العرب،
موسوعة روائع الأقوال من خلال الحكم والأمثال.

Научная новизна работы заключается в том, что изучение вербализации фрейма «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) путем контекстного анализа паремий арабского языка ранее не проводилось.

Также в рамках когнитивной семантики фрейм «Здоровый образ жизни» впервые исследуется в арабской лингвокультуре, а именно выявляются и описываются универсальные и уникальные стереотипные представления о ценности здорового образа жизни в арабской паремиологической картине мира.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что оно расширяет представления о специфике когнитивно-семантического представления фрейма «Здоровый образ жизни» в арабской лингвокультуре.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты работы могут быть использованы в преподавании вузовских курсов когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лексикологии арабского языка.

Основная часть

В настоящее время интерес к изучению лингвистами паремий, их сравнение и сопоставление в различных языках не теряет своей актуальности. Паремии представляют собой уникальное ценнейшее лингвистическое наследие, включающее в себя амплифицированные знания о национально-культурной самобытности, менталитете, мироощущении того или иного этноса и его отношении к разнообразным бытовым реалиям. Паремии являются лингвистическими трансляторами некой экстралингвистической информации определенного народа. Языковая картина мира любой лингвокультуры не была бы представлена эксплицитно без паремий, которые в полной мере способны обеспечить нам общие и специфичные знания об обыденной жизни и культуре народа.

Как полагают И. М. Балова и М. Ч. Кремшокалова, «паремии представляют собой общемировоззренческие тексты, характеризующие культуру народа, способные при помощи ограниченного числа средств репрезентировать особенности национального мировосприятия носителей языка»¹. Л. Б. Савенкова считает, что паремии выступают в роли «своеобразного хранилища сведений о народной жизни, некоего зеркала, отражающего не только быт, но и историю верования, обычаи, обряды народа»². Таким образом, паремии, будучи инкорпорированными в языковой системе определенного народа, призваны передавать огромный опыт, аккумулированный на протяжении многих тысячелетий носителями этого языкового сообщества и культуры.

Обладея конвенциональной способностью транслировать определенные установки и смыслы в конкретных коммуникативных ситуациях, паремии могут выступать в качестве средств репрезентации коммуникативно-прагматических фреймов. Фреймы имеют четкую структуру, позволяющую изложить информацию в логически упорядоченной форме. Американский ученый, специалист в области искусственного интеллекта, Марвин Минский указывает, что «фрейм является структурой данных для представления стереотипной информации»³. Исследование фрейма «Здоровый образ жизни» в паремиологической картине мира позволяет маркировать имманентные особенности определенной культуры.

При изучении вопроса об использовании фреймового анализа паремиологических единиц целесообразно уточнить структуру данного когнитивного феномена. Основными характеристиками композиционного состава фреймов, как отмечает Ж. В. Никонова, являются следующие: «...первое свойство фреймов связывается с их способностью к взаимопроникновению; второе касается возможности фокусировки внимания человека на любой части фрейма; третье свойство вводит фрейм непо-

¹ Балова И. М., Кремшокалова М. Ч. Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур // Философские науки. 2011. № 1. С. 120.

² Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. С. 8.

³ Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. С. 7.

средственно в динамику мыслительных процессов; четвертое свойство фреймов связывается с их динамичной сущностью как открытых структур знания, дающих представление о типовых объектах и событиях; пятое свойство фреймов касается формального представления их структуры. Вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предлагаемой ситуации»¹. Таким образом, фреймовый анализ позволяет выявить особенности языковой репрезентации фрейма в паремиологических единицах, являющейся содержательным ядром, включающим все возможные виды вербализации значения интенционального рисунка².

В данной работе пословицы о здоровом образе жизни анализируются как элементы паремиологического пространства – «своеобразного “поля”, в котором обнаруживается не только переплетение семантических связей и отношений отдельных единиц и их рядов, но и выявляется значительный фонд общих для этого пространства элементов. Это сложная многоуровневая категория, одновременно являющаяся эстетической, мировоззренческой, смысловой, ценностной»³. Фрейм «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) объективируется в пословицах через экспликацию стереотипных критериев оценки по отношению к здоровью. Интерес автора к паремиям с данной семантикой обусловлен важностью представления народа о здоровом образе жизни как одной из витальных человеческих и общественных ценностей.

Под пословицами мы понимаем клишированные в языке мини-высказывания, носящие завершенный и осмысленный характер, легко репродуцируемые в речи, обладающие дифференцированным способом выражения интенций, включающих в себя назидание, предписание, предостережение, совет, запрет и проч. Анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, указывает на то, что преобладающее большинство пословиц о здоровом образе жизни в арабском языке можно группировать по тематико-содержательному критерию.

1. В ходе проведенного анализа паремий, содержащих лексемы *здоровье*, *здоровый*, было обнаружено, что при вербализации фрейма «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) ведущим является тематический репрезентант **богатство** или **высокая ценность здоровья в жизни**, что неудивительно, поскольку здоровье представляет собой универсальное, общечеловеческое достояние как для общества в целом, так и для жизни отдельного человека. В данной группе значимость здорового образа жизни выражается преимущественно посредством таких стилистических приемов, как сравнение и метафора:

¹ Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород: [б. и.], 2009. С. 10.

² Шаймарданова М. Р., Зорина А. В. Репрезентация коммуникативно-прагматического фрейма ум – intellect в английской и русской паремиологических картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 1, вып. 7. С. 303. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.60>

³ Салимова Д. А. Здоровье в зеркале народной мудрости: на примере русских и английских пословиц и поговорок // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. Вып. 9. С. 30.

الصحة هي الثروة الحقيقية وليس قطعة من الذهب والفضة لذلك يجب المحافظة عليها.¹
(Здоровье – это настоящая богатство, а не кусок золота и серебра, поэтому его необходимо беречь)

الصحة ثروة الإنسان العاقل

(Здоровье – богатство здравомыслящего человека)

الصحة أفضل من المال

(Здоровье дороже денег)

الصحة أعظم نعمة

(Здоровье – величайшее благо)

الصحة ثروة الإنسان العاقل

(Здоровье – богатство разумного человека)

كل الشيء مع العافية طيب

(Если есть здоровье, все хорошо)

من يملك الصحة يملك الأمل ومن يملك الأمل يملك كل شيء

(У кого есть здоровье, у того есть надежда, а у кого есть надежда, у того есть все)

من فقد الصحة، فقد الراحة

(Кто теряет здоровье, тот теряет спокойствие)

الصحة أجمل ثوب ترتديه

(Здоровье – самое красивое платье, которое мы носим)

أعطني الصحة وخذ ثروتي

(Дай мне здоровье и заberi мое богатство)

2. В арабском языке, как и во многих других языках, подчеркивается **необходимость принятия превентивных мер как способа предотвращения (а не лечения) болезней:**

الوقاية خير من العلاج.

(Профилактика лучше, чем лечение)

درهم وقاية خير من قنطار علاج.

(досл. Один дирхам на профилактику лучше, чем кантар на лечение)

Данная пословица вызывает затруднения при переводе, поскольку содержит слово «кантар», означающее меру веса, использовавшуюся в странах Ближнего Востока, и которая в настоящее время практически вышла из употребления. Эта мера веса в Египте равнялась приблизительно 45 кг, соответственно смысл пословицы заключался в том, что лучше потратить один дирхам (распространенная денежная единица в различных арабских странах) на покупку того, что поможет предупредить заболевание, нежели быть вынужденным употреблять огромное количество лекарств с целью излечения от болезни.

الصحة تاج على رؤوس الأصحاء، لا يراه إلا المرضى

(Здоровье – это венец на голове здоровых людей, который видят только больные)

نم باكرأ، واستيقظ باكرأ تجد الصحة والمال، والحكمة

¹ Здесь и далее все материалы приведены из личного архива автора.

(досл. Ложись спать рано и вставай рано, и на утро приобретешь здоровье, деньги и мудрость)

إذا كان الدواء مر فالداء أمر

(досл. Если лекарство горькое, то болезнь еще горче)

الإنسان طبيب نفسه

(Каждый человек сам себе врач)

Особый интерес представляет вышеуказанная пословица в связи с неоднозначностью ее смысла в русском языке. В арабском языке эта пословица носит исключительно положительную коннотацию, т. е. смысл ее заключается в том, что каждый человек должен самостоятельно прилагать максимум усилий для сохранения своего здоровья, соблюдая при этом правила личной гигиены, придерживаясь сбалансированного рационального питания, активного образа жизни и т. д.

الصدقة كالصحة لا تعرف قيمتها إلا إذا خسرتها

(Дружба как здоровье: ты не узнаешь ее цену, пока не потеряешь ее)

3. Некоторые пословицы напоминают, что здоровье человека во многом зависит от **соблюдения личной гигиены**:

إن النظافة هي ثلثا الصحة

(Чистота – две трети здоровья)

حافظ على صحتك، ولو بماء عينيك

(досл. Следите за сохранением своего здоровья, даже если для этого у вас есть только слезная вода)

Данная пословица представляет особые трудности для перевода на русский язык, однако смысл ее заключается в том, что человеку необходимо стремиться к соблюдению гигиены, даже если он ограничен в окружающих его условиях и средствах для достижения этой цели.

الماء غلب البلاء

(Вода победила недуг)

4. Уделяется огромное внимание **взаимосвязи физического и психического здоровья человека**:

العقل السليم في الجسم السليم

(Здоровый разум в здоровом теле)

بيت المريح من أعظم مصادر السعادة، ويأتي مباشرة بعد الصحة الجيدة وراحة البال

(Уютный дом – один из величайших источников счастья, и он приходит сразу после хорошего здоровья и душевного спокойствия)

5. Существует ряд пословиц, содержащих назидательные рекомендации по поводу **здорового питания**, причем это касается не только здоровых пищевых привычек, но и наблюдается акцентирование на необходимость соблюдать умеренность во время приема пищи:

قم عن الطاولة جوعاناً

(Вставай из-за стола голодным)

فليكن طعامك أفضل دواء لك

(Пусть ваша еда будет вашим лучшим лекарством)

إن صحة الجسم في قلة الطعام، وصحة القلب في قلة الذنوب والأثام وصحة النفس في قلة الكلام

(Здоровье тела заключается в небольшом количестве пищи, здоровье сердца – в отсутствии вины и грехов, здоровье души – в небольшом количестве слов)

6. В арабском языке встречаются пословицы, подчеркивающие немаловажную роль в **сохранении здоровья желудка** как главного органа пищеварительной системы человека:

(Желудок человека – его абсолютный враг)

بطن الإنسان عدوه بالتامام

(Желудок – дом болезней)

المعدة بيت الداء

7. Наряду с правильным и умеренным питанием подчеркивается роль **физической активности** в функционировании здорового организма:

(В движении – благодать)

في الحركة بركة

8. Огромное значение придается здоровому образу жизни в **сохранении молодости** человека:

(Хорошее здоровье позволяет человеку всегда чувствовать себя молодым, независимо от того, сколько ему лет)

الصحة الجيدة تجعل الإنسان يشعر دائماً بالشباب مهما تقدم سنه

(Радость жизни в здоровье и молодости)

لذة العيش صحة وشباب

(досл. Берегите свое здоровье, ведь оно, как мягкая подушка, на которой вы будете лежать в старости)

حافظ على صحتك جيداً فهي الوسادة الناعمة التي تستند إليها أيام الشيخوخة

(досл. Комфортная жизнь предотвращает появление морщин на лице)

إن الحياة الرغدة تمنع من ظهور التجاعيد على الوجه

(Молодой человек – это тот, у кого хорошее здоровье)

الشباب هو من يمتنع بصحة جيدة

Выводы

Подытоживая все вышесказанное в плане смысловой наполненности паремий, можно констатировать, что в арабском языке представлена значительная часть пословиц, свидетельствующих о значимости здорового образа жизни для людей. Большинство пословиц носят нравственно-поучительный характер, поскольку больше включают рекомендации, советы, чтобы не заболеть. Таким образом, в вербализирующем фрейме «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) приоритетные позиции занимают такие когнитивные признаки здоровья, как ценность, богатство, чистота и личная гигиена, здоровое питание, физическое и психическое здоровье, правильное питание, сохранение молодости. Проведенный анализ репрезентации фрейма «Здоровый образ жизни» (نمط الحياة الصحي) в паремиях арабского языка показал его довольно обширную языковую реализацию, что свидетельствует о значимости здоровья для носителей этой этнокультуры.

Список литературы / References

Балова И. М., Кремшюкалова М. Ч. Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур. *Философские науки*, 2011, № 1, с. 108–124.

Balova I. M., Kremshokalova M. Ch. Proverbs as a form of a synthesis of the semantic worlds of Russian and Caucasian cultures. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2011, no. 1, pp. 108–124. (In Russ.)

Минский М. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

Minskii M. *Frames for representation of knowledge*. Moscow: Energiia, 1979. 151 p. (In Russ.)

Никонова Ж. В. *Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Нижний Новгород: [б. и.], 2009. 41 с.

Nikonova Zh. V. *Frame analysis of speech acts (based on the modern German language): Abstract Dr thesis in Philological Sciences*. Nizhnii Novgorod, 2009. 41 p. (In Russ.)

Савенкова Л. Б. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. 239 с.

Savenkova L. B. *Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2002. 239 p. (In Russ.)

Салимова Д. А. Здоровье в зеркале народной мудрости: на примере русских и английских пословиц и поговорок. *Многоязычие в образовательном пространстве*, 2017, вып. 9, с. 28–32.

Salimova D. A. Health in the mirror of folk wisdom: analysis of Russian and English proverbs and sayings. *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 2017, iss. 9, pp. 28–32. (In Russ.)

Шаймарданова М. Р., Зорина А. В. Репрезентация коммуникативно-прагматического фрейма ум – intellect в английской и русской паремиологических картинах мира. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2020, т. 13, вып. 7, с. 301–306. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.60>

Shaimardanova M. R., Zorina A. V. Representation of communicative-pragmatic frame "Intellect" in the English and Russian paremiological worldviews. *Philology. Theory & Practice*. Tambov: Gramota, 2020, vol. 13, iss. 7, pp. 301–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.60>

Сведения об авторе

Зуриет Нурбиевна Кодзова – старший преподаватель; <https://orcid.org/0009-0002-2261-3775>, zuriet_kodzova@mail.ru, Адыгейский государственный университет (д. 208, ул. Первомайская, 385000 Майкоп, Россия); **Zuriet N. Kodzova** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0009-0002-2261-3775>, zuriet_kodzova@mail.ru, Adygea State University (208, ul. Pervomaiskaya, 385000 Maykop, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 09.02.2024; Approved after reviewing 29.03.2024; Accepted for publication 12.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 79–90.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 79–90.

Научная статья

УДК 82-6

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-7>

EDN: UIKGUY

**Эпистолярный сюжет как литературный:
переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной 1830-х гг.**

Марина Дмитриевна Кузьмина

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия,

mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Аннотация. Переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной 1830-х гг. представляет собой не только эмпирический, но и литературный текст – романтический роман в письмах. Его сюжет вершинный, или фрагментарный. «Соавторы» «романа» тяготеют к литературной «рутинной» – скрупулезным прослеживанием фабулы. Их освобождали от этого родственные связи, факт знакомства друг с другом с детства и сама форма переписки. Сюжетообразующими мотивами эпистолярного «романа» стали романтические мотивы-топосы. Корреспонденты свободно отдавали предпочтение отдельным из них, наиболее актуальным в их ситуации. Благодаря автобиографической подоснове и эпистолярной форме репрезентации – эти мотивы трактовались своеобразно.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Н. А. Захарьина, переписка 1830-х гг., эпистолярный роман, сюжет, романтизм, романтические мотивы-топосы

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Эпистолярный сюжет как литературный: переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной 1830-х гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 79–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-7>

**Epistolary plot as literary:
correspondence between A. I. Herzen and N. A. Zakharyina in the 1830s**

Marina D. Kuzmina

St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University,

St Petersburg, Russia,

mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Abstract. Correspondence of A. I. Herzen with N. A. Zakharyina in the 1830s is not only an empirical, but also a literary text – a romantic novel in letters. Its plot is peak, or fragmentary. The “co-authors” of the “novel” are burdened by the literary “routine” – the scrupulous tracing of the plot. They were freed from this by family ties, the fact of knowing each other since childhood, and

© Кузьмина М. Д., 2024

the very form of correspondence. The plot-forming motives of the epistolary “novel” were romantic *topoi* motives. Correspondents freely gave preference to individual ones that were most relevant to their situation. Thanks to the autobiographical basis and the epistolary form of representation, these motives were interpreted in a unique way.

Keywords: A. I. Herzen, N. A. Zakharyina, correspondence of the 1830s, epistolary novel, plot, romanticism, romantic *topoi* motives

For citation: Kuzmina M. D. Epistolary plot as literary: correspondence between A. I. Herzen and N. A. Zakharyina in the 1830s. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 79–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-7>

Введение

Переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной 1830-х гг., продолжавшаяся почти целое десятилетие, пришлась на период расцвета романтизма в России. Оба ее участника находились под его большим влиянием, что уже само по себе их сближало. Переписка превратилась в своего рода тайнопись двух родственных душ, недоступную «толпе». Не в последнюю очередь под влиянием эстетики романтизма роли участников эпистолярного диалога в ходе его развертывания менялись. Выступая сначала в амплу двоюродной сестры (отсюда сама возможность и естественность общения) и затем друга, Захарьина немногим позже предстает в глазах Герцена в амплу «прекрасной дамы», «вечно женственного начала», неотъемлемого в романтической культуре, которая, по точной формулировке И. Л. Савкиной, «непрерывно предполагала и требовала присутствия женщины»¹. Оба в ходе переписки обнаруживают не только личные дарования, ценимые романтиками, но и литературные, соответствующие романтическим представлениям о творческой личности. Переписка по мере ее развертывания трансформировалась из семейной в любовную и из эмпирической – в произведение в форме писем. Сами ее участники осмысливают ее в категориях литературных жанров – как роман в письмах, наподобие, а точнее, много лучше сентиментального произведения Руссо², поэму, песню – и всякий раз, что принципиально для романтизма, развивавшего представления о жизнетворчестве, не делают различий между литературой, перепиской и жизнью.

Вопрос о литературной ценности переписки Герцена с Захарьиной поставила еще Л. Я. Гинзбург. Не пытаясь найти в ней жанровой доминанты, исследовательница

¹ Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. С. 314.

² Герцен замечает в одном из писем к Захарьиной: «Я никогда не читал некогда знаменитого романа “La nouvelle Héloïse [*фр.* Новая Элоиза]”; на днях я нашел его здесь и принялся перечитывать; он весь в письмах, – и я расхохотался. Руссо был великий человек, но он, должно быть, понятия не имел о любви. Эти письма и наши письма, тут все расстояние между пресмыкающейся по земле травой и пальмой, которая всеми листьями смотрит на небо. Как у них любовь чувственна, материальна, как виден мужчина и женщина, и нигде существо высшее...» (Герцен А. И. Письмо к Н. А. Захарьиной от 27 февраля 1837 г. // Герцен А. И. Сочинения: В 7 т. Санкт-Петербург: Ф. Павленко, 1905. Т. 7. Переписка с Н. А. Захарьиной. С. 235. – далее переписка Герцена с Захарьиной цитируется в тексте статьи по этому изданию с указанием в круглых скобках номера страницы).

говорила об этой переписке – вслед за ее авторами – как о песне и поэме. Она полагала, что сюжет эпистолярного общения выстраивал, главным образом, Герцен, и уделила особое внимание выстраиваемому им и его корреспонденткой «романтическому мифу»¹ о них обоих. На современном этапе И. Л. Савкина, полемизируя с Л. Я. Гинзбург, предложила посмотреть на переписку как на принципиально целостный текст, созидавшийся обоими «соавторами». Правда, она сосредоточилась – в контексте ключевой проблемы своего исследования – на гендерном аспекте: мужской и женской «партиях» в эпистолярном диалоге. Представляется целесообразным исследовать переписку Герцена и Захарьиной не только как эмпирический эпистолярный, но и как литературный текст, в котором наряду с чертами поэмы, песни и других жанров явлены – в качестве доминантных – черты эпистолярного романтического романа, обладающего своим сюжетом, системой мотивов, хронотопом, образами и деталями, системой персонажей.

Основная часть

Характерно, что Герцен в 1830-е гг. отказывается от чисто художественных замыслов, основанных на вымысле («...писать повести, кажется, не мое дело...», с. 296), и берется разрабатывать мемуарно-автобиографические сюжеты. Он просит у корреспондентки прислать ему его письма с целью положить их в основу литературных трудов. Действительно, эпистолярный и мемуарно-автобиографический жанры удовлетворяли его потребности в единстве литературного и эмпирического. Письма Герцена пестрят признаниями, выражающими удовлетворение, разделяемое корреспонденткой: «Я знал, что тебе более чем понравится *Встреча* (Здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. – М. К.); вспомни же, что это не вымысел...» (с. 224), «...статья I. Maestri – первый опыт прямо рассказывать воспоминания из моей жизни, и она удачна» (с. 307) и мн. др. Естественно, что при таком подходе к литературному творчеству между ним и перепиской стиралась грань. Отправив Захарьиной «Встречу», Герцен замечает: «Со временем пришлю еще статей; они тебе нужны, они, как письма, на целые дни могут заменить в разлуке меня» (с. 224).

Две формы самовыражения – литературная и эпистолярная – под пером молодого автора оказывались взаимозаменяемыми. Характерно, что в 1830-е гг., пока шла активная переписка с кузиной, он недореализовался за ее пределами. Мемуарно-автобиографические замыслы не были доведены до конца. Лишь вступив в брак с Захарьиной в мае 1838 г. и прекратив переписку, Герцен преуспел на литературном поприще. На рубеже 1830–1840-х гг. появится его первое значительное произведение, знаменующее переход от раннего к зрелому творчеству, – «Записки одного молодого человека». Сыграла, конечно, роль совокупность факторов – на тот момент уже было отработано литературное мастерство, накоплен жизненный и писательский опыт. Все же одним из важнейших стало прекращение переписки, в которой Герцен в 1830-е гг. максимально воплощал свои творческие интенции. Дублировать то же самое в неэпистолярных формах было излишним. Они уступали форме пись-

¹ Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. 1997. Т. 99, № 1. С. 15. EDN: WAYIEV

ма. Переписка, во-первых, отвечала присущей Герцену потребности в диалоге. Во-вторых, давала возможность сотворчества, что было важно для молодого романтика, стремившегося принципиально не разделять жизнь и литературную деятельность и осуществить то и другое совместно со своей избранницей. Наконец, в-третьих, реализация мемуарно-автобиографических замыслов для него в 1830-е гг. была и невозможна. Размышляя о них, Л. Я. Гинзбург резонно отметила их парадоксальность в отношении к молодому автору: «Мемуары и даже автобиография юноши – это, конечно, явление особого порядка. Такая биография неретроспективна; она строится одновременно с самим процессом жизни, непосредственно из этого процесса»¹. Другое дело – письмо, позволяющее фиксировать живую, свободно текущую жизнь в ее настоящем. Итак, во всех отношениях наиболее аутентичной для Герцена в 1830-е гг. была эпистолярная форма. Литературная ценность его переписки с Захарьиной совершенно очевидна. Это важная веха в творчестве, от которой путь к «Запискам одного молодого человека» и к «Былому и думам».

С одной стороны, переписка носила доверительно-исповедальный, едва ли не дневниковый характер. С другой, над ней – параллельно с литературными, мемуарно-автобиографическими трудами, в основу которых она ложилась, – велась тщательная работа. По точной характеристике современного исследователя, Герцен «...структурирует переписку (в процессе письма, а также многократно перечитывая, “переинтерпретируя” ее в позднейших письмах) в некий цельный и непротиворечивый сюжет...»². Захарьина выступает в роли его «соавтора».

Их переписка продолжалась почти целое десятилетие. Первые записки относятся к 1832 г., первые письма – к 1833 г., моменту окончания молодым человеком Московского университета. С 1835 по 1838 гг. велась регулярная переписка. Ее участники были разлучены географически (Герцен находился сначала в тюрьме, затем в ссылке – в Перми, Вятке, Владимире; Захарьина оставалась в родной для обоих Москве, выезжая на летние месяцы в подмосковное имение тетки Загорье), в то же время все больше сближались духовно через эпистолярное общение.

Любопытно, что эта переписка с самого начала, задолго до того, как ее участники осознали свое чувство друг к другу и общность судеб, задолго до того, как Герцен взялся ее «структурировать» и «переинтерпретировать», – и до самого конца отличалась ярко выраженной литературностью, сюжетной логикой и завершенностью.

Так, записки и письма 1833–1835 гг. содержат экспозицию. Он и она в них знакомят друг друга с обстоятельствами своей внешней и внутренней жизни, находят общий язык – язык романтизма, – обнаруживают единомыслие и единодушие. Письма конца 1835 г. представляют собой завязку сюжета – объяснение в любви («Веришь ли ты, что то чувство, которое ты имеешь ко мне, одна дружба? Веришь ли ты, то чувство, которое я имею к тебе, одна дружба? Я не верю» (с. 38), – писал Герцен; Захарьина отвечала)). Далее идет развитие действия, составляемое сменяе-

¹ Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. 1997. Т. 99, № 1. С. 8. EDN: WAYIEV

² Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва: Новое литературное обозрение. С. 325.

мыми друг друга событиями, ситуациями и коллизиями. Складываются любовные треугольники, появляются «третьи лишние», препятствующие соединению главных «героя» и «героини»: Герцен в Вятке вступает в связь с Полиной Медведевой, в чем впоследствии горько кается; Захарьиной тетушки активно подыскивают женихов, предполагают даже насильно выдать ее замуж. Он и она оказываются сильнее всевозможных испытаний, поддерживая друг друга через переписку. Кульминация сюжета приходится на письма конца 1837 г., посвященные вопросу о возможном переводе Герцена из Вятки во Владимир. Этот вопрос, понимаемый обоими как судьбоносный, в конце концов решается положительно. Молодой изгнанник приближается к Москве. С этого момента сюжетное напряжение идет на спад: оба ждут счастливую развязку – свадьбу, – которая совершается в мае 1838 г. и отражается в соответствующих письмах. Эпистолярный диалог молодых супругов и уже родителей маленького сына, ненадолго разлучавшихся в 1839 г. и нелегко переживавших эту разлуку, составляют своеобразный эпилог¹.

Разворачивается, в сущности, романый сюжет, но, в отличие от сентименталиста Руссо, влюбленные пишут романтический роман. Его сюжет, что характерно для романтизма, фрагментарный, или вершинный. Оба «соавтора» тяготеют к литературной «рутиной» – скрупулезным прослеживанием фабулы. Их освобождали от этого родственные связи, факт знакомства друг с другом с детства и сама форма переписки. Он и она останавливаются лишь на «вершинных» событиях сюжета (таких, как окончание Герценом университета, его заключение в тюрьму, ссылка в Пермь, перевод в Вятку, связь с Медведевой, противодействие со стороны Захарьиной попыткам выдать ее замуж за нелюбимого и т. п.), развивая его пунктирно.

В этом романтическом романе, с одной стороны, что естественно для романного жанра, – обширная, разветвленная система персонажей. Помимо главных героев есть второстепенные, близкие им: с его стороны – Огарев, Витберг и другие друзья; с ее – подруги Эмилия и Саша, также навещающая ее и сопереживающая влюбленным «маменька» – мать Герцена; остальные, многочисленные, составляют второстепенных или даже эпизодических далеких от них – чужих, «посторонних», это не принимаемая романтиками «толпа»: вятчане-обыватели и чиновники, московские тетушки и женихи. Налицо эпический, романый хронотоп. Герцен обрисовывает Захарьиной жизнь в Перми и Вятке, она ему – в Москве и Загорье. Под пером обоих, как обычно в эпосе, играет ведущую роль категория прошедшего – идет повествование о совершившихся событиях. Вместе с тем актуальна категория настоящего, обычная для эпистолярного и дневникового жанров. Охвачено и будущее, о котором оба немало размышляют, мечтают и тревожатся. С другой же стороны, абсолютный центр этого романтического романа – он и она, и их отнюдь не внешняя, а внутренняя реальность – мир души, переживание прежде всего своей необъятной любви друг к другу, затем пространства и времени и лишь в последнюю очередь внешних событий, ситуаций, коллизий, отношений с людьми. Тем самым эпическое теснилось лирическим.

¹ См.: Герцен А. И. Из владимирской жизни Герценов. (Письма мужа и жены). 1839 год // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Москва: Типо-литография К. Ф. Александрова, 1897. С. 69–102.

Созидался лиро-эпический роман, близкий к стихотворению в прозе, но очень превосходящий его по объему. Актуализировались черты лирических жанров, любимых романтиками, – таких, как поэма и песня, о которых говорили Герцен и Захарьина, также дружеское и особенно любовное послание, элегия.

Редуцированная фабула уступила место характерной для лирики рефлексии, составившей основу сюжета эпистолярного романа. Эта рефлексия, в свою очередь, зиждется на целом комплексе романтических образов и мотивов, чрезвычайно популярных в литературе того времени. «Соавторы» «романа» не упустили, кажется, ни один из них. С опорой на эту романтическую топику они выстраивают свою романтическую модель мира – романного и одновременно реального. Грань между литературным творчеством и житнетворчеством тем более стиралась благодаря эпистолярной ткани и мемуарно-автобиографической первооснове произведения, сюжет и образы которого писались «с натуры». Главные «герои»-«соавторы» много заботились о том, чтобы соответствовать этим образам в жизни. Эмпирика подчинялась литературе. Непосредственное мировосприятие, столь важное в дневнике и письме, особенно семейном, а в значительной степени и в мемуарно-автобиографическом сочинении, – в эпистолярном романе Герцена и Захарьиной претворялось в миромоделирование. Насколько в литературу привносилась живая, полнокровная убедительность, настолько в жизнь – эстетика.

Сюжетообразующими мотивами «произведения», создаваемого Герценом и Захарьиной в жизни и в письмах, стали романтические мотивы-топосы изгнанничества, скитальчества, дружбы (Герцена с Огаревым, Захарьиной – с Эмилией и Сашей), любви, разлуки, страдания (Захарьина писала Герцену: «...ты несчастлив, несчастлив, Александр, потому что изгнанник, потому что твоя Наташа не делит твоего изгнания...», с. 221), избранничества, Провидения, завесы (мечтая о соединении с возлюбленным, невеста пишет: «Но все это еще там, далеко впереди, за той завесой, которую души наши не могут проникнуть, которую поднимет один Он. Я счастлива надеждой...», с. 252), элегический мотив воспоминания; одиночества, отчуждения от «толпы», несвободы и др. С одной стороны, представленные очень полно и правильно, в соответствии с традициями романтической литературы, за счет чего обеспечивающие аутентичность романа, эти мотивы вместе с тем – благодаря их автобиографической подоснове и эпистолярной форме репрезентации – трактовались своеобразно, по-новому, в соответствии с их переживанием обоими пишущими. Корреспонденты свободно отдавали предпочтение отдельным из них, наиболее актуальным в их ситуации, в те или иные моменты жизни (одними из самых продуктивных, в частности, стали мотивы несвободы и отчуждения от «толпы»). Развивая эти мотивы, оба эпистолографа наделяли их автобиографическими деталями, которые уже сами по себе привносили новизну в их интерпретацию. Взаимосвязанные, плавно переходящие один в другой, они образуют некую единую ткань – мир литературной и эмпирической реальности, принципиально нераздельной.

В этой создаваемой ими реальности обретают значимость и вещественные детали, на первый взгляд, принадлежащие сугубо материальному миру «толпы», излишние для романтиков. Между тем они дороги участникам эпистолярного общения. Каждая из этих вещей сакрализируется постольку, поскольку попала в сферу любимого че-

ловска и избранной Провидением личности. В основном это сакрализуемые Захарьиной вещи, побывавшие в руках Герцена («...неужели я не писала тебе о *стакане*, присланном с гауптвахты, где вырезано тобою число, год, наши имена? <...> пивши из него, даже глядя на него, неоднократно я выздоравливала», с. 246–247), локоны, оставленные им на память («О, какое неизъяснимое наслаждение, какое успокоенье, отраду дают они мне! Болит ли голова – кажется легче, когда приглагожу их, ноет ли сердце – кажется, тайный голос говорит с упреком: “Разве у тебя нет лекарства?”», с. 247), особенно его портрет («О портрете и говорить нечего...», с. 246), наконец, сами письма («А пока, – сообщает Захарьина Герцену в разлуке, – в утешенье – вот изображение твоего лица, вот изображение души твоей, портрет и письма», с. 252).

Портрет, осязаемый образ любимого и прообраз долгожданной встречи, становится одной из лейтмотивных тем эпистолярного диалога. Особенно часто обсуждается портрет Герцена работы Витберга. Характерно, что «толпе» он недоступен: «Никто не находит большого сходства, кроме маменьки. <...> даже папенька говорит: в глазах что-то не твое» (с. 163), – сообщала Герцену Захарьина. Портрет становится своего рода тайнописью, еще одним (после писем) визуализированным языком сердца, которым влюбленные говорят друг с другом. «Ах, Александр! <...> какое сходство, выражение!.. Как хорош ты! Как хорош!», – пишет Захарьина, получив в подарок портрет. На такое его восприятие и рассчитывал Герцен: «Я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и столько восторга, ибо это черты избранного тобою, таковы они должны быть. Это Александр Наташин» (с. 157).

Для Захарьиной портрет Герцена – «портрет чудотворный» (с. 253), «святыня» (с. 162), «животворящий образ» (с. 228). «Канонизируя» жениха («спаситель, ангел, жизнедавец», с. 256), она сакрализирует его изображение. Подобно тому, как христианская Церковь, поклоняясь иконе, почитает первообраз, – Захарьина, благоговей перед портретируемым, благоговей перед его портретом. Продолжает актуализироваться романтическая традиция, с важной для нее темой искусства, и в частности мотива оживающего изображения (сюжетообразующего, скажем, для романтической повести К. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» и учтенной Гоголем в повести «Портрет»)¹. В ее русле портрет понимается как элемент не только эстетической, но и он-

¹ См. подр.: Грекова Е. В. Оживший портрет, или Два варианта решения одной проблемы // Аксаковский сборник. 2013. Вып. 6. С. 84–86; Грекова Е. В. Три девушки на лугу, или Проблема художника и модель мира в повести К. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» // Вторые Аксаковские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Ульяновск, 21–24 сентября 2006 г.). Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2006. С. 95–103; Кузьмина М. Д. Романтическое инобытие в повести К. С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» // Русская литература. 2017. № 1. С. 65–76. EDN: YIYQT; Сидельникова М. Л. Между жизнью и смертью: идея границы в семантическом ядре мотива «оживающего» изображения // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 74–78. EDN: RCFKJV; Сидельникова М. Л. Образ «оживающего» портрета в художественной философии Н. В. Гоголя и Э.-Т.-А. Гофмана // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 77–81. EDN: OPGPTF; Сидельникова М. Л. «Оживший» портрет как способ организации пространства // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 184. С. 165–181. EDN: TNGLPZ; Таборисская Е. М. Оживающий портрет как сюжет «петербургского текста» // Печать и слово

тологической реальности. Портрет не ограничен материальными пределами холста, постольку, поскольку не ограничен ими прозреваемый сквозь него портретируемый. Захарьина писала Герцену, что видит его вне полотна: «Как священно, чисто вырезывается на <...> мрачном небе твой образ...» (с. 345), «...сияет надо мною...» (с. 371). Видящая портрет вне его материальных пределов девушка вновь проявляет качества романтической, творчески одаренной личности, как и ее «со-художник» Герцен, перетолковывающий и пересоздающий в письмах вербальными средствами свой портрет. Излишне пояснять, что это романтический экфрасис – с такими его характерными, давно описанными в исследовательской литературе чертами, как «...“живость” изображения, его сверхъестественность, таинственность, неизъяснимое очарование, ощущение божественного <...> присутствия, возникающее у зрителя, и душевный переворот...»¹.

Симптоматично, что влюбленные мечтали о портрете Захарьиной в подобном – литературно-романтическом – ключе. Она сообщала Герцену: «...читала в газетах, что приехал из Италии живописец, имя его Рафаэль, он пишет миниатюрные портреты. Желание списать для тебя портрет и невозможность так вдруг взволновали меня, – я покраснела, слезы на глазах <...> до сих пор Италия, Рафаэль, портрет для тебя волнует меня» (с. 227). Симптоматично, что речь идет именно о Рафаэле, авторе «Сикстинской мадонны», столь впечатлявшей романтиков, в том числе русских. Перед ней застывали очарованные путешественники по Европе – В. А. Жуковский², В. К. Кюхельбекер³ и др. Вакенродер не пытался «...вербальными средствами передать впечатление картины. Сикстинская мадонна для него вообще не картина как некая материальная субстанция, – замечают современные исследователи. Это видение...»⁴. «Легенда о Рафаэле», по их справедливому наблюдению, стала «образцом

Санкт-Петербурга: сборник научных трудов. Петербургские чтения – 2004. Санкт-Петербург: Петербургский институт печати, 2005. С. 97–106.

¹ Морозова Н. Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2006. С. 11.

² Ср.: «Час, который провел я перед этою Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни <...>, – писал Жуковский. – Я был один; вокруг меня все было тихо; сперва с некоторым усилием вошел я в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может» (Жуковский В. А. Рафаэлева Мадонна // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Москва: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. С. 189).

³ Ср.: «Передо мною видение – неземное <...>. Посмотрите, как Она все преобразует вокруг себя! <...>, – в порыве безудержного восторга восклицал Кюхельбекер. – Мысли и мечты, которые греди и озаряли мою душу, когда глядел на Сию единственную Богоматерь, я описать ныне уже не в состоянии; но я чувствовал себя лучшим всякий раз, когда возвращался от нее домой!» (Кюхельбекер В. К. Путешествие // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Ленинград: Наука, 1979. С. 33).

⁴ Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и А. В. Никитенко о Сикстинской Мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 46. С. 127.

романтического мифотворчества и разновидностью животворческого экфрасиса...»¹. Примечательно, что свой желаемый портрет Захарьина к тому же поместила в принципиально романтический контекст мечты о будущем соединении с любимым, о неге и счастье, о совместном путешествии в Италию, на юг, на море, выступающее в роли романтического символа свободы и символа жизни. В очередной раз актуализируются лейтмотивные для переписки романтические мотивы скитальчества, поиска настоящей родины, свободы, идеала, мотив бегства из цивилизованного мира на лоно природы и т. п.

Итак, с одной стороны, портрет – это, конечно же, «изображение <...> лица», как говорила о нем Захарьина в начале переписки. Оно, формально, видимо всем. С другой – это и «изображение души», подобно письмам. «Изображение души», которое видимо только им двоим. О портрете Герцен мог бы сказать то же, что говорил о письмах: «...мои письма – я» (XXI, с. 261), «Я мельком пробежал письма свои – это величайший документ нашего развития и моей жизни <...>. Тут я весь, как был» (XXI, с. 278). Портрет, в глазах Герцена и Захарьиной, – дополнение к письму. Точнее, они друг другу «синонимичны», поскольку разными средствами, в разных формах раскрывают одну и ту же полноту личности.

Выводы

«Соавторы» эпистолярного романа так увлеклись выстраиванием романтического сюжета своей жизни и переписки, что, готовясь к окончанию герценовской ссылки, задались тревожным вопросом, узнают ли друг друга при встрече. Узнали, в очередной раз предавшись житнетворчеству, подчинив эмпирический сюжет столь проработанному литературному и продолжив развивать его в жизни.

Список литературы / References

Герцен А. И. Из владимирской жизни Герценов. (Письма мужа и жены). 1839 год. *Братская помощь пострадавшим в Турции армянам*. Москва: Типо-литография К. Ф. Александрова, 1897, с. 69–102.

Gertsen A. I From the life of the Herzen family in Vladimir. (Letters of husband and wife). 1839. *Fraternal aid to the Armenians who suffered in Turkey*. Moscow: Tipo-litografiiia K. F. Aleksandrova, 1897, pp. 69–102. (In Russ.)

Герцен А. И. *Сочинения: в 7 т. Переписка с Н. А. Захарьиной. Т. 7*. Санкт-Петербург: Ф. Павленко, 1905. 649 с.

Gertsen A. I. *Works: in 7 vols. Correspondence with N. A. Zakharyina. Vol. 7*. St Petersburg: F. Pavlenko, 1905. 649 p. (In Russ.)

Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена. *Литературное наследство. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей*, 1997, № 1, т. 99, с. 7–54. EDN: WAYIEV

¹ Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и А. В. Никитенко о Сикстинской Мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 46. С. 127.

Ginzburg L. Ia. Autobiographical in the works of Herzen. *Literary inheritance. Herzen and Ogarev in the circle of relatives and friends*, 1997, no. 1, vol. 99, pp. 7–54. (In Russ.) EDN: WAYIEV

Грекова Е. В. Оживший портрет, или Два варианта решения одной проблемы. *Аксаковский сборник*, 2013, вып. 6, с. 84–86.

Grekova E. V. Alive portrait, or Two variants of solving one problem. *Aksakov collection*, 2013, iss. 6, pp. 84–86. (In Russ.)

Грекова Е. В. Три девушки на лугу, или Проблема художника и модель мира в повести К. Аксакова «Вальтер Эйзенберг». *Вторые Аксаковские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Ульяновск, 21–24 сентября 2006 г.)*. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2006, с. 95–103.

Grekova E. V. Three girls in the meadow or the problem of the artist and the model of the world in K. Aksakov's story 'Walter Eisenberg'. *Second Aksakov Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Ulyanovsk, 21–24 September 2006)*. Uli'anovsk: Uli'anovskii gosudarstvennyi universitet, 2006, pp. 95–103. (In Russ.)

Жуковский В. А. Рафаэлева Мадонна. Жуковский В. А. *Полное собрание сочинений: в 20 т.* Москва: Языки славянской культуры, 1999. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833, 2004, с. 188–191.

Zhukovskii V. A. Raphael's Madonna. Zhukovsky V. A. *Complete Works Collection: in 20 vols.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 1999. Vol. 13. Diaries. Letters-diaries. Notebooks 1804–1833, 2004, pp. 188–191. (In Russ.)

Кузьмина М. Д. Романтическое инобытие в повести К. С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг». *Русская литература*, 2017, № 1, с. 65–76. EDN: YIYIQT

Kuz'mina M. D. Romantic otherness in K. S. Aksakov's 'Walter Eisenberg'. *Russian Literature*, 2017, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.) EDN: YIYIQT

Кюхельбекер В. К. Путешествие. *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи*. Ленинград: Наука, 1979, с. 7–63.

Kiukhel'beker V. K. Travelling. *Küchelbecker V. K. Travelling. Diary. Articles*. Leningrad: Nauka, 1979, pp. 7–63. (In Russ.)

Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и А. В. Никитенко о Сикстинской Мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания. *Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология*, 2017, № 46, с. 124–151. <https://doi.org/10.17223/19986645/46/10>

Lebedeva O. B., Ianushkevich A. S. V. A. Zhukovsky and A. V. Nikitenko on Raphael's Sistine Madonna: the typology of ekphrasis as a representative of aesthetic consciousness. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 46, pp. 124–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/46/10>

Морозова Н. Г. *Экфрасис в прозе русского романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Новосибирск: [б. и.], 2006. 21 с.

Morozova N. G. *Ekphrasis in the prose of Russian romanticism: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Novosibirsk, 2006. 21 p. (In Russ.)

Савкина И. Л. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.

Savkina I. L. *Conversations with the mirror and the world behind the looking-glass: autodoctrmental female texts in Russian literature of the first half of the XIX century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 438 p. (In Russ.)

Сидельникова М. Л. Между жизнью и смертью: идея границы в семантическом ядре мотива «оживающего» изображения. *Сибирский филологический журнал*, 2013, № 3, с. 74–78. EDN: RCFKVJ

Sidel'nikova M. L. Between life and death: the concept of the border in the semantic kernel of the 'living' picture motif. *Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 3, pp. 74–78. (In Russ.) EDN: RCFKVJ

Сидельникова М. Л. Образ «оживающего» портрета в художественной философии Н. В. Гоголя и Э. Т. А. Гофмана. *Сибирский филологический журнал*, 2011. № 4, с. 77–81. EDN: OPGPTF

Sidel'nikova M. L. The image of the *alive* portrait in the art philosophy of N. V. Gogol and E. T. A. Hoffman. *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 4, pp. 77–81. (In Russ.) EDN: OPGPTF

Сидельникова М. Л. «Оживший» портрет как способ организации пространства. *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2009, т. 184, с. 165–181. EDN: TNGLPZ

Sidel'nikova M. L. 'Alive' portrait as a way of organising space. *Proceedings of the St Petersburg State University of Culture and Arts*, 2009, vol. 184, pp. 165–181. (In Russ.) EDN: TNGLPZ

Таборисская Е. М. Оживающий портрет как сюжет «петербургского текста». *Печать и слово Санкт-Петербурга: сборник научных трудов. Петербургские чтения – 2004*. Санкт-Петербург: Петербургский институт печати, 2005, с. 97–106.

Taborisskaia E. M. Alive portrait as a plot of the 'Petersburg text'. *Print and word of St Petersburg: a collection of scientific papers. St Petersburg Readings – 2004*. St Petersburg: Peterburgskii institut pechati, 2005, pp. 97–106. (In Russ.)

Сведения об авторе

Марина Дмитриевна Кузьмина – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>, mdkuzmina@mail.ru, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (д. 18, ул. Большая Морская, 191186 Санкт-Петербург, Россия); доцент кафедры русской литературы Российского государственного университета имени А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Marina D. Kuzmina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>, mdkuzmina@mail.ru, Associate Professor, Department of Book Publishing and Book Trade, Graduate School of Printing and Media Technologies, St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (18, ul. Bolshaya Morskaya, 191186

St Petersburg, Russia); Associate Professor, Department of Russian Literature, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, Naberezhnaia reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.03.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted 08.03.2024; Approved after reviewing 01.04.2024; Accepted for publication 15.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 91–102.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 91–102.

Научная статья
УДК 82-1/-9
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-8>
EDN: UXTDBP

Система поэтологических категорий в свете христианского богословия творчества

Любовь Викторовна Левшун

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь,
llb55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>

Аннотация. Мы предпринимаем попытку объяснить, почему в процессе развития художественного сознания от традиционалистского / нормативного к индивидуально-творческому в художественной модальности наблюдается размывание и последующее взаимоотожествление поэтологических категорий, так что жанровые признаки в определенных творческих ситуациях выступают в роли стилевых и/или как показатели творческого метода. Сатира, полемика, пародия, перформанс и др., в зависимости от аспекта рассмотрения, могут восприниматься и как жанровые формы, и как изобразительные стили, и как особые разновидности творческого метода. Вместе с тем, идеальной литературной формой становится роман, «подминающий» под себя все иные жанры и создающий некую новую поэтологическую систему. Причины таких изменений автор видит, прежде всего, в том, что категория «адресат» утрачивает в поэтике художественной модальности свое превалирующее, системомоделирующее в традиционалистской поэтике, положение, уступая его категории «автор».

Ключевые слова: поэтологические категории, типы художественного сознания, христианская иконология, художественный канон христианской культуры

Для цитирования: *Левшун Л. В.* Система поэтологических категорий в свете христианского богословия творчества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 91–102. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-8>

The system of poetological categories in the light of the Christian theology of creativity

Lyubov V. Levshun

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus,
llb55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>

Abstract. The author makes an attempt to explain why, in the process of development of artistic consciousness from traditionalist normative to individual creative, a merging of poetological

categories is observed: genre features can act as stylistic and/or as indicators of a creative method. For example, satire, polemic, parody, performance, etc., depending on the aspect of consideration, can be perceived as genre forms, and as pictorial styles, and as special varieties of creative method. At the same time, the novel becomes the ideal and most popular literary form creating a new poetological system. The author sees the reasons for these changes, first of all, in the fact that the category “addressee” is losing its predominant position in the poetics of artistic modality giving way to the category “author”.

Keywords: poetological categories, types of artistic consciousness, Christian iconology, artistic canon of Christian culture

For citation: Levshun L. V. The system of poetological categories in the light of the Christian theology of creativity. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 91–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-8>

Введение

До сих пор многие вопросы, связанные с изучением поэтологических категорий в их историческом развитии и их категориальным анализом, остаются нерешенными, в частности, состав и структурные элементы категорий поэтики, причины их устойчивости и изменчивости, законы их взаимодействия в поэтологической системе, функциональность, формально-содержательные характеристики и т. д.

В фундаментальной статье «Категории поэтики в смене литературных эпох», написанной в соавторстве пяти корифеев литературоведческой мысли С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера и А. В. Михайлова, на основе скрупулезного анализа мирового литературного процесса аргументированно показано, как менялись от эпохи к эпохе поэтологические категории и на уровне их онтологии, и на уровне формального проявления в художественных произведениях.

В частности, соавторами было отмечено, что «категории поэтики заведомо подвижны. Даже тогда, когда в длительной исторической перспективе они сохраняют свою актуальность, от периода к периоду и от литературы к литературе они меняют свой облик и смысл, вступают в новые связи и отношения, всякий раз складываются в особые и отличные друг от друга системы»¹. Эти изменения исследователи объясняют сменой типов собственно *художественного* сознания, которая, по их мнению, и «обуславливает главные линии и направления исторического движения поэтических форм и категорий»². При этом соавторы единодушно выявляют в мировом литературном процессе «три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания: 1) архаический, или мифопоэтический, 2) традиционалистский, или нормативный, 3) индивидуально-творческий, или исторический (т. е. опирающийся на принцип историзма)»³. Эти же типы в терминологии С. Н. Бройтмана обозначены соответственно, как 1) синкретический, 2) эйдетический, 3) художественной мо-

¹ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей. Москва: Наследие, 1994. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 4.

дальности¹. Смена типов художественного сознания, отмечают исследователи, «закрепляется в исторически обусловленной трансформации категорий самой поэтики»². При этом «особенно репрезентативными, с точки зрения эволюции художественных средств литературы, представляются категории стиля, жанра и автора»³ и отмечается, что каждая из них преобладает на разных этапах развития литературного процесса.

Основания, на которых соавторы выстраивают логику теоретического формирования и исторического развития категорий пойнзиса, неоспоримы, однако не охватывают, как видится, всех значимых принципов развития литературного процесса (и в целом культурогенеза). Анализ сосредоточен, во-первых, в основном на европейской литературе с ее специфической логикой и парадигмой развития (хотя в качестве примеров привлекаются и литературы иных регионов), а во-вторых, – и это главное – в качестве примеров привлекаются, как правило, произведения секулярные; если же в поле зрения исследователей попадают произведения религиозные, то они либо анализируются с точки зрения секулярного сознания, либо являются религиозными лишь по тематике, но не по целеполаганию и идейному содержанию. Поэтому, думается, данная – безусловно ценная и не утратившая своей научной значимости! – работа отвечает, в основном, на вопросы «что, где, когда?», иногда «как?», но не отвечает на вопрос «почему?». Точнее, отвечает на него, исходя исключительно из внелитературных и внекультурных обстоятельств и причин, как то «социально-экономические условия бытования культуры», «регламентированность общественным бытом и социальными институтами», «зависимость от социального бытования литературы и смены мод» и т. д.

Основная часть

Объяснить (или хотя бы подойти к объяснению), почему поэтологические системы изменялись именно так, можно, полагаем, исходя из логики развития собственно принципов художественности и художественного сознания в словесном творчестве. Ключом к ответу может послужить, в частности, христианская иконология – теория образа, с ее специфической поэтологической системой, которую Риккардо Пиккио пронизательно определил как «поэтику Истины»⁴. Заметим: удивительным образом «поэтика Истины» отражает (и базируется на них) творческие и художественные принципы архаического пойнзиса, являясь, как нам представляется, его отретфлексированным и систематизированным вариантом. Основные категории этой поэтики и отношения между ними принципиально отличаются от описанных в выше упомянутой работе, действующих в системе пойнзиса секулярной литературы, ориентированной на античные поэтики, прежде всего поэтику Аристотеля и его последовате-

¹ См.: Бройтман С. Н. Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ. Тверь: Тверской государственный университет, 2003. 66 с.

² Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей. Москва: Наследие, 1994. С. 4.

³ Там же. С. 4–5.

⁴ Пиккио Р. *Slavia orthodoxa*: Литература и язык. Москва: Знак, 2003. С. 31.

лей. Причем отличия эти касаются не столько области содержания и формы, сколько области цели и смысла. Для того, чтобы уточнить, что имеется в виду, обратимся к остроумному наблюдению С. С. Аверинцева над поведением категории «жанр» в разных поэтологических парадигмах: «Историки византийской литературы спокойно говорят о “жанре” эпиграммы и “жанре” стихир, как если бы это были жанры в одном и том же смысле слова – только один мирской, а другой сакральный. Но это не так... стихира – не просто иной, совсем иной жанр, чем эпиграмма, но в *другом смысле жанр* (курсив мой. – Л. Л.)»¹. Так и «поэтика Истины», думается, в *ином смысле поэтика*, чем поэтика Аристотеля и иже с ним. Именно поэтому в ней аристотелевские категории – те самые категории жанра, стиля, автора – не работают, поскольку они в *ином смысле категории*. Более того, именно категории «поэтики Истины» позволяют понять, *почему* аристотелевские категории перестают работать и в поэтике «художественной модальности».

Системоформирующим, организующим и, вместе с тем, охраняющим фактором «поэтики Истины» является *художественный канон*. В научном обиходе он ошибочно представляется как некий устойчивый жанрово-стиле-содержательный комплекс, или ряд поэтико-риторических норм и приемов, которые традиционалистский автор обязан воспроизводить в каждом своем произведении. На самом же деле художественный канон в христианской иконологии вовсе не есть собрание неких жестких производственно-технологических и/или художественно-эстетических предписаний-образцов, а представляет собой *творческий императив*, вдохновляющий автора создавать такое художественное содержание, которое соответствует целеполаганию христианской иконологии – по словам прп. Иоанна Дамаскина, «путеводительствовать к знанию и откровению сокрытого» (De imag. III. 16), т. е. к Творцу, Который есть «Путь, Истина и Живот» (Ин: 14, 6), что содействует Богопознанию, духовному преображению и обожению (т. е., собственно, спасению) как автора, так и адресата. Художественный канон задает и объединяет все значимые категории «поэтики Истины», являясь своего рода «метаксю» объекта изображения, адресата, автора и его «творческого продукта».

Прежде всего, художественный канон – и это, пожалуй, главный «нервный узел» христианской канонической культуры с ее специфическим отношением к творчеству – требует реалистичности изображения, в том смысле, что христианский художник не в праве изображать то, что выше его разума, и не должен изображать то, что выше разума его адресата. Так что **категория «автор»** в «поэтике Истины» предстает как модификация художественного канона в отношении «характера» творящего субъекта (см. рис. 1). Характер этот раскрывается через вспомогательную сложносоставную категорию, которую мы условно определяем как «модус бытия» (см. таблицу), основными таксонами которого являются: аксиологический (система

¹ Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: сборник статей. Москва: Наука, 1986. С. 105–106.

ценностей); гносеологический (способ познания); экзистенциальный (способ бытия)¹.

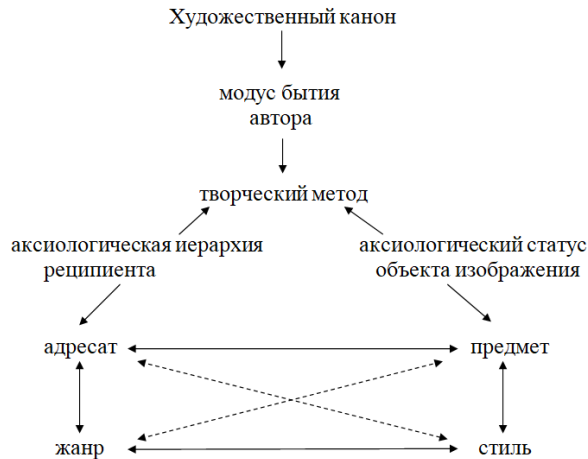

Рис. 1. Категориальная структура «поэтики Истины»

Таблица

«Модусы бытия» автора и адресата

Тип аксиологии	Тип гносиса	Тип экзистенции
теоцентрика	мистика	гностика
социоцентрика / антропоцентрика	гномика	практика
эгоцентрика	эмпирика	сенсорика

Именно характером творящего субъекта определяются категории «автор» и «творческий метод»; собственно художественный канон существует в реальности культуры не иначе как в своих конкретно-авторских модификациях, т. е. как совокупность бесчисленных, здесь и сейчас создаваемых авторами для каждого своего произведения методов (см. рис. 1). Это справедливо не только для «поэтики Истины». «Метод, – писал А. В. Михайлов, указывая на эту особенность данной поэтологической категории, – никогда не бывает “готовым”. Как метод художественный, он становится и оправдывается в процессе писательского труда и точно так же не предстает перед читателем как экстракт целого произведения, но сотворяется на глазах

¹ Левшун Л. В. Введение в теоретическую поэтику средневековой восточнославянской книжности. Минск: Беларус навука, 2009. С. 156–164.

читателя по мере того, как произведение открывается перед ним, строит свой смысл»¹.

Вместе с тем категория «адресат» определяется «модусом бытия» реципиента. Так что созданное художником реалистическое (каноническое) изображение может быть воспринято адекватно (понято как именно реалистическое) лишь при условии, что созданный образ соответствует «модусу» реципиента, т. е. характеру адресата. В противном случае неизбежно искажение смысла: реалистическое описание может быть воспринято как символическое, аллегорическое, фантастическое, гротескное, пародийное и т. д. Именно поэтому в «поэтике Истины» тот или иной объект реальности избирается предметом художественного изображения с учетом потребностей и возможностей адресата. Значит, один и тот же объект действительности в произведениях разных авторов для разных адресатов может породить бесконечное множество различных по своему аксиологическому статусу предметов художественного изображения. Таким образом, **категория «предмет изображения»** выступает в «поэтике Истины» как модификация творческого метода в отношении аксиологического статуса объекта изображения (см. рис. 1).

Если автор (в силу своего «модуса бытия») не постигает истинного для данного адресата аксиологического статуса объекта изображения, или же созданный автором образ / смысл превосходит возможности понимания его адресатом, то принцип реалистичности нарушается и, значит, произведение выпадает из канонического искусства; причем происходит это не по воле автора, а системно и объективно, вопреки творческой установке художника традиционалистской культуры. Так, к примеру, по этой причине два тома проповедей Симеона Полоцкого, «Обед душевный» и «Вечеря душевная», написанные им специально для просвещения верующих, так никогда и не вошли в богослужебный обиход².

Аксиологическим статусом предмета изображения, в свою очередь, определяется стиль как способ выражения художественного содержания / смысла (см. рис. 1): «высокие» предметы изображаются в «высоком стиле», «низкие» – в «низком». Однако специфика стиля в «поэтике Истины» состоит в том, что сам аксиологический статус предмета изображения не статичен, а весьма и весьма подвижен: он определяется актуальными целями христианской педагогики: «высокий» предмет, востребующий изображения в «высоком» стиле, – тот, который «путеводительствует к откровению сокрытой» Истины и способствует спасению данного конкретного адресата. Иначе говоря, **стилем в «поэтике Истины» маркируется степень спасительности художественного образа для адресата определенного «модуса бытия»** (см. таблицу).

¹ Михайлов А. В. Методы и стили литературы. Москва: ИМЛИ РАН имени А. М. Горького, 2008. С. 13.

² См.: Левшун Л. В. К вопросу о творческом методе Симеона Полоцкого: Симеон Полоцкий проповедник // Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность: материалы международной научной конференции (г. Полоцк, 11–12 ноября 1999 г.). Полоцк: Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, 1999. С. 79–90.

Именно зависимостью стиля от предмета изображения (и предмета изображения от адресата) и объясняется стилистическая пестрота, обнаруживаемая в абсолютном большинстве произведений средневековой письменности, на что неоднократно указывали и что прекрасно анализировали многие медиевисты, но так и не пришли к единому мнению о причинах таковой стилистической неоднородности. Однако закономерность очевидна: чем более аксиологически многообразно в произведении художественное содержание, тем стилистически более пестро оно оформляется. Это не прихоть авторов, и не «особенность» авторского стиля – это проявление художественного канона христианской иконологии.

Обнаруженная закономерность позволяет уточнить жанровые дефиниции многих памятников средневековой христианской письменности, которые Д. С. Лихачев обозначил как жанры-ансамбли¹, такие, как, к примеру, летопись, хронограф, патерик и т. д. В свете «поэтики Истины» их «жанровый состав» правильнее характеризовать не как совокупность «малых жанров» в составе одного «большого» ансамблевого жанра, но как *многообразие стилевых модификаций одной и той же жанровой формы при описании предметов разного аксиологического статуса*.

Таким образом, обращение к христианской иконологии и ее художественному канону позволяет рассматривать **категорию «стиль»** как *модификацию творческого метода конкретного «автора» в отношении предмета изображения* и является своего рода маркером, которым для адресата помечается «ценность» / важность изображаемого предмета.

Наконец, **жанр** в художественном каноне христианского поэзиса, в отличие от аристотелевского представления о жанре, предстает – так же, как и стиль – не как статичная категория, включающая определенный набор субстанциальных признаков, а *определяется характером адресата* (см. рис. 1, таблицу): «начинающим» предлагаются произведения, воспитывающие их эмоционально-чувственно-бытийственное восприятие мира (патериковые рассказы, жития-биосы, мартирии, оглашения, поучения и т. д.), «преуспевающим» – развивающие их рассудочно-аналитические способности (экзегетические произведения различного содержания), а «совершенным» – произведения, приобщающие к прославлению Творца на вершинах богопознания (жанровая ассоциация панегирика). Этой взаимосвязью и обусловленностью категорий «адресат» и «жанр» в христианской иконологии, думается, можно объяснить, почему в средневековой книжности «опыт одного жанра, – по точному наблюдению Д. С. Лихачева, – не скоро мог быть перенесен в другой»². Именно потому, что **категория «жанр»** предстает в «поэтике Истины» как *модификация творческого метода конкретного автора в отношении адресата* (см. рис. 1). Иначе говоря, в «поэтике Истины» признаки жанра «диктует» адресат, и именно в силу этого «диктата»

¹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов (г. София, сентябрь 1963 г.): доклады советской делегации. Москва: Академия наук СССР, 1963. С. 50–51.

² Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987. Т. 3. С. 8.

жанр, по замечанию С. С. Аверинцева, «как бы имеет свою волю, и авторская воля не смеет с ней спорить»¹.

Вместе с тем очевидно, что ориентация авторов традиционалистской культуры на адресата влияет также и на выбор предмета изображения (не объекта: он может быть одним и тем же!): полезное и актуальное для одних адресатов может быть совершенно недоступно или неактуально для восприятия других. Поскольку предметом изображения, как было отмечено выше, определяется стиль произведения, то избранный автором жанр системно взаимодействует со стилем, что является отражением категориальных отношений «предмет» – «адресат» в структуре «поэтики Истины» (см. рис. 1).

Таким образом, в «поэтике Истины» *метод творчества того или иного автора в отношении субъекта восприятия разрешается в жанр; а в отношении предмета изображения – в стиль.*

При всей кажущейся жесткости эта система удивительно гибка как в отношении адресата, чья способность восприятия («модус бытия», характер) учитывается во всех категориях «поэтики Истины», так и по отношению к автору, которому – при условии реалистичности описываемого им – предоставлена широчайшая свобода выбора выразительно-изобразительных средств.

С изменением представления о творчестве, его источнике, задачах и целях изменяются не только поэтологические категории, но и самые принципы их существования и взаимодействия. Разрушение «поэтики Истины», т. е. художественного канона религиозной культуры (не только христианской), начинается тогда, когда основное целеполагание («путеводительство к Истине») и, следовательно, «диктат» адресата начинают игнорироваться автором: творческий субъект сосредоточивается на предмете изображения и своем личном к нему отношении (см. рис. 2).

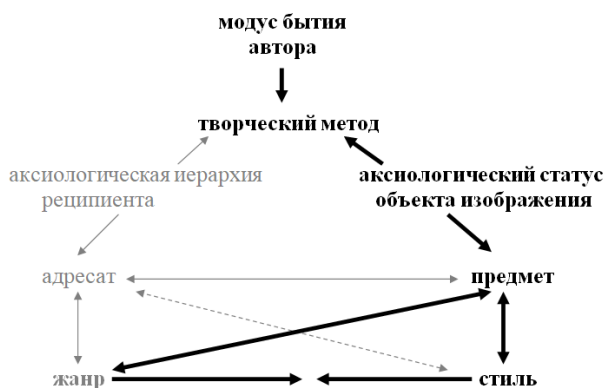

Рис. 2. Разрушение категориальной структуры «поэтики Истины»

¹ Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: сборник статей. Москва: Наука, 1986. С. 111.

Как только это происходит, жанр начинает определяться предметом изображения на основании существующих образцов: исторические события востребуют жанр летописи; жизнеописание святого – жанр жития; нравственное наставление – жанр проповеди и т. д. Категория жанра «застывает» в некую «традиционную» (но подчас случайно выбранную из традиции) форму – «прокрустово ложе» смысла.

Поскольку предметом изображения в «поэтике Истины» определялся стиль, а не жанр, то эти категории постепенно сливаются, результатом чего становится такое замеченное В. О. Ключевским явление, как «ораторская мантия» автора¹, обнаруженный Д. С. Лихачевым феномен «жанрового стиля» («жанрового мундира»)², выявленная М. М. Бахтиным «органическая неразрывность стиля с жанром»³, стиль, выступающий в литературе Нового времени «в качестве жанрообразующего фактора», что констатировали авторы работы, с которой мы начали наши поэтологические штудии⁴ (см. рис. 2).

Данный процесс разрешается классицистической стилевой системой: для «высоких предметов» определены «высокие стили» и соответствующие им «высокие жанры», для «низких» – «низкие». «Высокость» и «низкость» предмета изображения определяются уже не актуальной педагогической задачей и конкретной категорией, а традицией или модой, т. е. эта категория перестает быть мобильной.

В поэтике художественной модальности автор уже не столько выбирает соответствующий предмету изображения жанр, сколько создает жанр в соответствии со своим индивидуальным вкусом и своими художественными целями, подчас уже никак не связанными с задачей «путеводительствовать к Истине».

Реагируя на это изменение, стиль, в свою очередь, также изменяется – из маркера, помечающего для адресата воспитательную (духовнопреобразовательную) ценность предмета изображения, он превращается в «лицо автора», становится авторским стилем, отражая личные эстетические пристрастия писателя.

В конце концов, единственным предметом изображения становится сам автор – мир его идей и приоритетов, его этические и эстетические приоритеты, его оценки событий и порождаемые ими эмоции и т. д., поэтому в поэтике художественной модальности каждый автор формирует свои собственные неповторимые творческий метод, жанр и стиль (см. рис. 3).

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва: Астрель, 2003. С. 303, 332.

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 337; Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987. Т. 2. С. 351.

³ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 254.

⁴ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей. Москва: Наследие, 1994. С. 31.

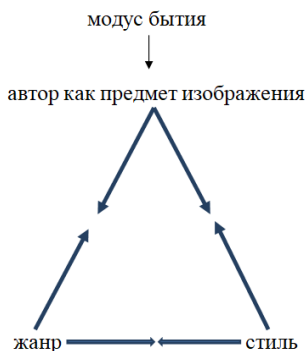

Рис. 3. Категориальная структура поэтики художественной модальности

Идеальной литературной формой в такой поэтологической системе становится роман¹, вытесняющий, переосмысливающий, переакцентирующий, как заметил М. М. Бахтин, все иные жанры, что возможно, на наш взгляд, именно потому, что в его поэтике абсолютно все поэтологические категории задаются автором.

Заметим, однако: как только мы возвращаем адресату его главенствующую роль, разрушенная казалось бы система чудесным образом самовосстанавливается в своих жанровых ассоциациях и стилевых закономерностях: поэтика произведений, входящих в такие конгломерации, как «детская литература», «литература для подростков», «научно-популярная литература» и т. п., где четко обозначен статус адресата (целевая аудитория), воспроизводят категории «поэтики Истины», хотя и с иным телеологическим посылом.

Выводы

Таким образом, при анализе поэтики современных литературных произведений наблюдается системное слияние таких поэтологических категорий, как жанр, стиль и творческий метод (см. рис. 3): признаки творческого метода подчас трудноотделимы от признаков жанровых, жанровые – от стилевых; сатира, полемика, пародия, фэнтэзи, перформанс и др. могут рассматриваться и как жанровые формы (или даже особые жанры), и как элементы стиля, и как разновидности творческого метода. Этот феномен может быть объяснен сменой приоритетов в системе поэтологических категорий, в частности, постепенным отказом от «диктата» адресата, в результате чего «поэтика Истины» превращается в поэтику художественной модальности. Причем происходит это не путем сознательной ломки иконологического канона традиционалистской культуры, а закономерно и системно, что доказывается «реликтовыми» поэтологическими связями, наблюдаемыми в таких литературных конгломерациях, как «детская литература», «литература для подростков» и т. п.

¹ Ср.: Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей. Москва: Наследие, 1994. С. 36–37.

Список литературы / References

Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации. *Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: сборник статей*. Москва: Наука, 1986, с. 104–116.

Averintsev S. S. *Historical mobility of the genre category: the experience of periodisation. Historical poetics: Results and prospects of study: Collection of articles*. Moscow: Nauka, 1986, pp. 104–116. (In Russ.)

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох. *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сборник статей*. Москва: Наследие, 1994, с. 3–38.

Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhailov A. V. *Categories of poetics in the change of literary epochs. Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness: a collection of articles*. Moscow: Nasledie, 1994, pp. 3–38. (In Russ.)

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986, с. 250–296.

Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1986, pp. 250–296. (In Russ.)

Бройтман С. Н. *Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ*. Тверь: Тверской государственный университет, 2003. 66 с.

Broitman S. N. *From lectures on historical poetics: Word and image*. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2003. 66 p. (In Russ.)

Ключевский В. О. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. Москва: Астрель, 2003. 395 с.

Kliuchevskii V. O. *Ancient Russian hagiographies of the saints as a historical source*. Moscow: Astrel', 2003. 395 p. (In Russ.)

Левшун Л. В. *Введение в теоретическую поэтику средневековой восточнославянской книжности*. Минск: Беларус навука, 2009. 450 с.

Levshun L. V. *Introduction to theoretical poetics of medieval East Slavonic book learning*. Minsk: Belarus navuka, 2009. 450 p. (In Russ.)

Левшун Л. В. К вопросу о творческом методе Симеона Полоцкого: Симеон Полоцкий проповедник. *Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность: материалы международной научной конференции (г. Полоцк, 11–12 ноября 1999 г.)*. Полоцк: Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, 1999, с. 79–90. EDN: ZXCUKZ

Levshun L. V. To the question of Simeon Polotsky's creative method: Simeon Polotsky the preacher. *Simeon Polotsky: world outlook, socio-political and literary activity: Proceedings of the international scientific conference (Polotsk, 11–12 November 1999)*. Polotsk: Polotskii istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik, 1999, pp. 79–90. (In Russ.) EDN: ZXCUKZ

Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси. *Славянское языкознание: V Международный съезд славистов (г. София, сентябрь 1963 г.): доклады советской делегации*. Москва: Академия наук СССР, 1963, с. 47–70.

Likhachev D. S. The system of literary genres of Ancient Russia. *Slavic Linguistics: V International Congress of Slavists (Sofia, September 1963): Reports of the Soviet Delegation*. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1963, pp. 47–70. (In Russ.)

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. *Лихачев Д. С. Избранные работы*: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987, т. 1, с. 261–654.

Likhachev D. S. *Poetics of Old Russian literature*. *Likhachev D. S. Selected works*: in 3 vols. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1987, vol. 1, pp. 261–654. (In Russ.)

Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси. *Лихачев Д. С. Избранные работы*: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987, т. 2, с. 343–417.

Likhachev D. S. Laughter in Ancient Rus'. *Likhachev D. S. Selected works*: in 3 vols. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1987, vol. 2, pp. 343–417. (In Russ.)

Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. *Лихачев Д. С. Избранные работы*: в 3 т. Ленинград: Художественная литература, 1987, т. 3, с. 31–64.

Likhachev D. S. Human in the literature of Ancient Rus'. *Likhachev D. S. Selected works*: in 3 vols. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1987, vol. 3, pp. 31–64. (In Russ.)

Михайлов А. В. *Методы и стили литературы*. Москва: ИМЛИ РАН имени А. М. Горького, 2008. 176 с.

Mikhailov A. V. *Methods and styles of literature*. Moscow: IMLI RAN imeni A. M. Gor'kogo, 2008. 176 p. (In Russ.)

Пиккио Р. *Slavia orthodoxa: Литература и язык*. Москва: Знак, 2003. 720 с.

Pikkio R. *Slavia orthodoxa: Literature and language*. Moscow: Znak, 2003. 720 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Любовь Викторовна Левшун – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>, llb55@mail.ru, Минский государственный лингвистический университет (д. 21, ул. Захарова, 220000 Минск, Республика Беларусь); **Lyubov V. Levshun** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0837-9222>, llb55@mail.ru, Minsk State Linguistic University (21, ul. Zakharova, 220000 Minsk, Republic of Belarus).

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 15.03.2024; Approved after reviewing 29.03.2024; Accepted for publication 12.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 103–113.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 103–113.

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-9>

EDN: VBWFAM

Когнитивная обработка термина в процессе транстерминологизации (на примере терминов искусственного интеллекта)

Анастасия Сергеевна Мусаева¹, Юлия Владимировна Сложеникина^{2✉},

¹Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Самара, Россия,

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

²Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия,

¹ana.mus@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7597-6994>

^{2✉}goldword@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса транстерминологизации в профессиональной среде искусственного интеллекта. Установлено, что процесс транстерминологизации в сфере ИИ обусловлен экстралингвистическими факторами, прежде всего государственной политикой в области приоритетных направлений внедрения ИИ. С точки зрения языкового субстрата в статье определены терминологические системы-доноры: термины сферы безопасности, транспорта, медицины, сельского хозяйства, образования, лингвистики. Выявлено, что транстерминологизированные единицы ИИ группируются по 3 основным категориям: термины-обозначения специальных денотатов, специальных действий и процессов, специальных признаков. Обнаружены механизмы транстерминологизации: изменение уровня классификации слова, упрощение дефиниции, изменение плана выражения термина, изменение плана содержания термина.

Ключевые слова: термин, терминология, искусственный интеллект, транстерминологизация, семантический процесс, профессиональная лексика, терминологический словарь

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01284 «Термин внутри и вне специального дискурса: механизмы переходности».

Для цитирования: Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В. Когнитивная обработка термина в процессе транстерминологизации (на примере терминов искусственного интеллекта) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 103–113. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-9>

Cognitive processing of a term in transterminologisation
(based on artificial intelligence terms)

Anastasia S. Musaeva, Yulia V. Slozhenikina ^{2✉},

¹ The Samara branch of Moscow State Pedagogical University,
Samara, Russia,

² Moscow Financial and Industrial University “Synergy”,

² RUDN university,
Moscow, Russia,

¹ ana.mus@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7597-6994>

^{2✉} goldword@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Abstract. The article focuses on the process of transterminologisation in the professional environment of artificial intelligence. It has been established that the process of transterminologisation in the field of AI is due to extralinguistic factors, primarily state policy in the field of priority areas of AI implementation. From the point of view of the linguistic substrate, the article defines terminological donor systems: terms in the field of security, transport, medicine, agriculture, education, linguistics. It has been revealed that transterminologised AI units are grouped into 3 main categories: terms-nominations of special denotations, special actions and processes, special features. The authors have identified the following mechanisms of transterminologisation: change in the level of word classification, simplification of definition, change in the plan of the term expression, change in the plan of the term content.

Keywords: term, terminology, artificial intelligence, transterminologisation, semantic process, professional vocabulary, terminological dictionary

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01284, “The term in and out of specialised discourse: transitivity mechanisms”.

For citation: Musaeva A. S., Slozhenikina Yu. V. Cognitive processing of a term in transterminologisation (based on artificial intelligence terms). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 103–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-9>

Введение

«В процессе перехода из одной терминосистемы в другую термин подвергается определенной когнитивной “обработке” и приобретает новые компоненты значения либо лишается признаков, имевших место в терминосистеме-источнике», – пишет Н. Н. Горбунова с соавторами¹. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева² и вслед за ними Н. В. Козловская³ называют процесс транстерминологизации

¹ Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминоминаций // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 98. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-92-109>

² Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. Москва: УРСС, 2012. С. 194.

³ Козловская Н. В. Явление транстерминологизации в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014): материалы XVI Всероссийской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2014 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2015. С. 236. EDN: TYUHSV

терминологической конверсией – это «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением».

Отобранные из ГОСТов методом сплошной выборки термины искусственного интеллекта дают следующую картину: из 449 терминов ИИ 187 дополнили данную терминологическую систему, будучи заимствованными из других профессиональных полей. Транстерминологизированными являются 42 % специальных терминов ИИ¹.

Основная часть

Процесс транстерминологизации в сфере ИИ оказался обусловленным экстралингвистическими факторами. Определяющей выбор лексем стала государственная политика в области приоритетных направлений внедрения ИИ². К приоритетным отнесены биометрические технологии, естественные языки, кибербезопасность, медицина, промышленность, транспорт, умный город, энергетика. С точки зрения языкового субстрата в исследуемом материале выделяем следующие терминологические системы-доноры:

– термины сферы безопасности: *мониторинг поведения, наблюдаемая среда, поведение девиантное, поведение делинквентное, условно-опасное вложение (условно-опасные предметы), безопасность информационной технологии, область присутствия потенциального источника опасности* и др.³;

– термины транспорта: *автоматическая система управления движением, базовый набор управляющих воздействий на движущие механизмы АТС, безопасность автоматизированного управления АТС, коллективное использование АТС, бортовое телематическое оборудование* и др.⁴;

¹ Мусаева А. С. и др. Термины и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении. Москва: Спутник +, 2024. 193 с.

² Мусаева А. С. Языковая политика в области терминов и определений искусственного интеллекта // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 67. С. 136. EDN: SHAPVH

³ См., напр.: ГОСТ Р 58776–2019 Средства мониторинга поведения людей и прогнозирования намерений людей. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2020. 11 с.; ГОСТ Р 59391–2021 Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации. Москва: Стандартинформ, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59385–2021 Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

⁴ ГОСТ Р 58777–2019 Воздушный транспорт. Аэропорты, технические средства досмотра. Методика определения показателей качества распознавания незаконных вложений по теневым рентгеновским изображениям. Москва: Стандартинформ, 2020. 16 с.; ГОСТ Р 59237–2020 Платформа «Автодата». Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2021. 10 с.; ГОСТ Р 59236–2020 Платформа «Автодата». Общие положения. Москва: Стандартинформ, 2020. 12 с.; ПНСТ 555–2021 Интеллектуальные транспортные системы. Системы искусственного интеллекта для автоматизации управления автомобильными транспортными средствами. Классификация и общие технические требования. URL:

– термины медицины: *безопасность медицинских изделий, брошюра исследователя, клиническая валидация, клиническая корреляция, клиническая оценка, клинические испытания, ложноотрицательный результат, ложноположительный результат, набор медицинских данных, программа клинических испытаний* и др.¹;

– термины сельского хозяйства: *высокоавтоматизированная сельскохозяйственная машина, присоединяемое оборудование, сельскохозяйственная машина* и др.²;

– термины сферы образования: *адаптивное обучение, адаптированная образовательная программа, индивидуальная траектория обучения, информационно-образовательная среда, образовательный модуль, онлайн-прокторинг, описательная аналитика (в образовании)* и др.³;

<https://docs.cntd.ru/document/1200181919?ysclid=m1uch9remp686689788> (дата обращения: 09.09.2024); ПНСТ 554–2021 Интеллектуальные транспортные системы. Системы искусственного интеллекта для автоматизации управления автомобильными транспортными средствами. Методы испытаний. Общие положения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181918?ysclid=m1ucni9qqq988346922> (дата обращения: 09.09.2024).

¹ См., напр.: ГОСТ Р 59921.1–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 1. Клиническая оценка. Москва: Российский институт стандартизации, 2022. 20 с.; ГОСТ Р 59921.2–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 2. Программа и методика клинических испытаний. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59921.3–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ 59921.4–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 16 с.; ГОСТ Р 59921.5–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 5. Требования к структуре и порядку применения набора данных для обучения и тестирования алгоритмов. Москва: Российский институт стандартизации, 2022. 24 с.; ГОСТ Р 59921.6–2021 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 6. Общие требования к эксплуатации. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59921.7–2022 Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Алгоритмы анализа медицинских изображений. Методы испытаний. Общие требования. Москва: Российский институт стандартизации, 2022. 36 с.

² ГОСТ Р 59920–2021 Системы искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта в сельском хозяйстве. Требования к обеспечению характеристик эксплуатационной безопасности систем автоматизированного управления движением сельскохозяйственной техники. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 16 с.

³ См., напр.: ГОСТ Р 59900–2021 Системы искусственного интеллекта. Типовые требования к контрольным выборкам исходных данных для испытания систем искусственного интеллекта в образовании. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 9 с.; ГОСТ Р 59899–2021 Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Технические требования. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 8 с.; ГОСТ Р 59897–2021 Данные для систем искусственного интеллекта в образовании. Требования к сбору, хранению, обработке, передаче и защите данных. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.; ГОСТ Р 59896–2021 Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Требования к учебно-методическим материалам. Москва: Российский институт стан-

– термины лингвистики: *автоматическое распознавание речи, обработка естественного языка, учебно-методические данные, учебно-методические материалы, учебный элемент, федеральный государственный образовательный стандарт, естественность синтезированной речи* и др.¹

Транстерминологизированные единицы ИИ группируются по трем основным категориям:

– термины-обозначения специальных денотатов: *алгоритм машинного обучения, Байесовская сеть, большие данные, взрывающийся градиент, встроенная система, деревья решений, долгая, краткосрочная память, интероперабельная система, инновационная технология, исчезающий градиент, киберфизическая система, компьютерное зрение, коннекционистская модель, многоагентная система, искусственная нейронная сеть* и др.;

– термины-обозначения специальных действий, процессов: *автоматическое реферирование, анализ тональности, аннотирование данных, аугментация данных, глубокое обучение, когнитивные вычисления, маркирование частей речи, машинный перевод, мягкие вычисления, обработка естественного языка, очистка данных* и др.;

– термины-обозначения специальных признаков: *безопасность информационной технологии, безопасность медицинских изделий, интонационная разборчивость речи, плотность потока объектов, плотность расположения объектов, эффективность медицинского изделия* и др.

В основе новых ГОСТов по искусственному интеллекту лежат, как правило, более ранние ГОСТы, например, за основу ГОСТа Р 59385–2021 (2021 г.)² взят государственный стандарт 2014 г. – ГОСТ Р 51558–2014³. В обоих ГОСТах ключевым является термин *видеоаналитика*. Прежнее определение ограничивало термин *видеоаналитика* по семе «способ реализации» – программное обеспечение. Представление в новом ГОСТе *видеоаналитики* как технологии закрепляет термин с более широким объемом понятия. Термин ИИ включает в себя не только дифференциальный признак «программное обеспечение», но потенциально указывает на все виды видеоаналитики, структурированные по способам реализации (+ программно-аппаратные комплексы, аппаратные решения с применением нанотехнологий); по

дартизации, 2021. 8 с.; ГОСТ Р 59895–2021 Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 12 с.

¹ См., напр.: ГОСТ Р 59880–2021 Эргономика. Проектирование и применение испытаний речевых технологий. Методика определения показателей качества синтеза речи по тексту. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 32 с.; ГОСТ Р 59879–2021 Эргономика. Проектирование и применение испытаний речевых технологий. Методика определения показателей качества распознавания голосовых команд управления. Москва: Российский институт стандартизации, 2021. 20 с.

² ГОСТ Р 59385–2021 Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

³ ГОСТ Р 51558–2014 Средства и системы охраняемые телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний. Москва: Стандартинформ, 2019. 30 с.

видам видеоанализа (классический анализ, анализ с применением нейросетей), по отраслям применения (транспорт, промышленность), по объектам анализа (ситуационная, предиктивная, статистическая, биометрическая)¹. По сути, эволюция термина *видеоаналитика* оказалась связанной с изменением уровня классификации слова, через которое дефинируется специальное понятие: если раньше оно вводилось через видовую категорию, то в терминологии ИИ – через категорию более высокого уровня обобщения.

Более типичной является ситуация, когда новые ГОСТы по ИИ присваивают термины из ранних стандартов без их когнитивной и семантической обработки. Например, ГОСТ Р 59278–2020² сообщает, что термин *вычислительные средства* в своем определении заимствован из ГОСТа Р 53622–2009³, утвержденного в 2009 году. Термин *интерактивное электронное техническое руководство* – из ГОСТа Р 54088–2017⁴, утвержденного в 2017 году.

Аналогичные данные дает анализ других ГОСТов по ИИ. Такое положение дел предоставляет возможность сделать некоторые выводы о самой терминологии ИИ. Обратимся к истории вопроса.

В 1992 г. вышел в свет «Толковый словарь по искусственному интеллекту» А. Н. Аверкина с соавторами⁵. В предисловии к словарю составители отметили, что к моменту написания словаря терминология ИИ существовала уже более 30 лет и на первом этапе формирования характеризовалась неупорядоченностью, наличием синонимов, «которые используют различные школы и группы специалистов»⁶. Многие термины жили недолго и быстро исчезали. Более стабильное состояние терминологии установилось к середине 70-х гг. Был достигнут консенсус, когда термины признало большинство специалистов. За редким исключением русская терминология ИИ заимствовала англоязычные термины в связи с приоритетом США в данной области. Закрепление терминологии произошло в первой половине 80-х гг. Началась кодификация терминов ИИ, появились первые терминологические словари и справочники.

¹ ГОСТ Р 58385–2021 Информационные технологии. Искусственный интеллект. Ситуационная видеоаналитика. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2021. 16 с.

² ГОСТ Р 59278–2020 Информационная поддержка жизненного цикла изделий. Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности. Общие требования. Москва: Стандартинформ, 2021. 12 с.

³ ГОСТ Р 53622–2009 Информационные технологии. Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов. Москва: Стандартинформ, 2019. 12 с.

⁴ ГОСТ Р 54088–2017 Интегрированная логистическая поддержка. Эксплуатационная и ремонтная документация в форме интерактивных электронных технических руководств. Основные положения и общие требования. Москва: Стандартинформ, 2018. 15 с.

⁵ Толковый словарь по искусственному интеллекту / автор-составитель А. Н. Аверкин и др. Москва: Радио и связь, 1992. 254 с. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 09.09.2024).

⁶ Там же.

Для нашего исследования важна оценка терминологии ИИ как междисциплинарной специальной лексики, обусловленной характером исследований в этой области: «в искусственном интеллекте используются методы, традиционно развиваемые в логике, психологии, лингвистике, кибернетике, дискретной математике и программировании, встречается немало терминов из других наук»¹.

Обсуждая отбор словника для своего словаря, А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапорт, Д. А. Поспелов оказались перед дилеммой: «включить в него термины, которые используются только в искусственном интеллекте и не заимствованы им из других наук, или включить в него все термины смежных с искусственным интеллектом наук, если они встречаются в работах специалистов данного направления»². Составители словаря приняли промежуточное решение, а критерием стала частота употребления того или иного термина в работах по ИИ.

Словарь содержит около 550 терминов. Сравнение с нашим словником (449 терминов), составленным по утвержденным к настоящему моменту ГОСТам по ИИ, показал, что большая часть терминов устарела и не включена в актуальную терминологию. Например, словарь содержит 46 терминов на букву «А». Из них только 3 присутствуют в новых ГОСТах: *автоматизированная система, алгоритм, архитектура вычислительной системы*. Из 12 терминов на букву «Б» ни один не вошел в утвержденные ГОСТы, так же, как на букву «К». В целом, в качестве современных в терминологии ИИ ГОСТами закреплено не более 5 % специальных слов, вошедших в словарь 1992 года издания.

Поскольку ИИ – это те или иные технологии, обновляющиеся достаточно быстро, такие термины, как, например, *беседа сократическая, бихевиоризм*, вышли из употребления теории и практики ИИ. Они интересны как пассивная лексика, отражающая те или иные периоды становления сферы ИИ. Действительно, на ранних этапах некоторые модели ИИ были построены по бихевиористическому принципу.

Некоторые термины, став общеупотребительными среди специалистов, упростили свои дефиниции. Некоторые термины поменяли план выражения при сохранении плана содержания. Ср: *зрение машинное vs. компьютерное зрение*. Оба термина являются переводом с английского выражения *computer vision*. На возможность автономного варьирования либо означающего, либо означаемого без изменения в противоположном плане как одного из вида эволюции термина обратила внимание Ю. В. Сложеникина³. Такие переименования возможны, поскольку за термином не стоит многолетняя мыслительно-языковая деятельность коллектива людей – «в терминотворчестве ведущая роль в образовании терминов, как правило, принадлежит отдельным ученым. Искусственность и условность связи знака и означаемого явля-

¹ Толковый словарь по искусственному интеллекту / автор-составитель А. Н. Аверкин и др. Москва: Радио и связь, 1992. 254 с. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 09.09.2024).

² Толковый словарь по искусственному интеллекту / автор-составитель А. Н. Аверкин и др. Москва: Радио и связь, 1992. 254 с. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Москва: Либроком, 2023. С. 72.

ется условием изменения внешней оболочки термина, появления нового, более точного наименования»¹.

Фиксируется также изменение плана содержания при сохранении формы термина. Например:

«Извлечение знаний – получение информации о предметной области от специалистов и выражение ее на языке представления знаний. И. З. используется при построении экспертной системы или базы знаний»².

«Извлечение знаний – процесс применения методов и моделей анализа к данным для обнаружения ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных обработанных данных, доступных для интерпретации и применения для принятия решений»³.

Рассматриваемый словарь в большей степени тяготеет к гнездовому принципу. Например, в нем содержится 30 словарных статей с опорным словом *система*, 29 – со словом *логика*, 26 – со словом *модель*, 23 – со словом *отношение*, 11 – со словом *язык* и т. п. Современные ГОСТы определяют, как правило, только базовые термины, а их составители во введении указывают, что словник может быть дополнен по мере необходимости, могут также корректироваться толкования терминов с учетом актуального уровня науки и техники. Отметим, что в ГОСТах, к примеру, вообще отсутствуют словарные статьи с вершинными словами *логика*, *отношение*, *язык*.

Предполагаем, что основными причинами изменения словника современной терминологии ИИ стали, во-первых, перманентное развитие новых технологий и мета-языка их описания, во-вторых, тенденция к гармонизации, ориентация на международную терминологию, понятную специалистам-носителям разных языков, унификация и стандартизация специальных лексем.

Примерно такие же рассуждения содержатся в предисловии к «Англо-русскому толковому словарю по искусственному интеллекту и робототехнике» Э. М. Пройдакова и Л. А. Теплицкого⁴. Во-первых, авторы не разграничивают специальные сферы робототехники и ИИ, указывая, что «современная робототехника – одна из основных областей применения ИИ»⁵. Более того, авторы включили в словарь термины смежных дисциплин: навигации, датчиков, тестирования, машинного обучения и др. Словарь содержит около 2600 терминов.

¹ Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Москва: Либроком, 2023. Там же. С. 73.

² Толковый словарь по искусственному интеллекту / автор-составитель А. Н. Аверкин и др. Москва: Радио и связь, 1992. 254 с. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 09.09.2024).

³ ГОСТ Р 59237–2020 Платформа «Автодата». Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2021. 10 с.

⁴ Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. Англо-русский толковый словарь по искусственному интеллекту и робототехнике. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 262 с.

⁵ Там же. С. 5.

Во-вторых, составители словаря указывают на ведущую роль английского языка в разработке проблем ИИ: «Словари – это настольные книги ...специалистов, следящих за новинками науки и техники (а сведения о них публикуются, как правило, на английском языке)»¹.

В-третьих, в отличие от введенных российских ГОСТов, словарь Э. М. Пройдакова и Л. А. Теплицкого более ориентирован не на язык профессии, а на речь специалистов. Если российские ГОСТы стараются избежать избыточности и вариативности в подаче языкового материала, то составители словаря намеренно не стремятся к ситуации изоморфизма: словарная статья содержит «факультативные и подразумеваемые слова... приводятся синонимы, уточняющие или разъясняющие слова... близкие по смыслу русские эквиваленты... термины, не очень близкие по смыслу»².

В-четвертых, авторы также замечают, что словарь не претендует на исчерпанность, поскольку «новые термины в данных предметных областях появляются каждый день»³.

Выводы

Наши наблюдения над современным языком ИИ подтверждают выводы Ю. В. Сложеникиной о терминологии как открытой знаковой системе: «Развитие понятийного аппарата науки, непрерывность процесса познания способствуют тому, что терминология любой отрасли знания находится всегда в состоянии количественного и качественного изменения. Устаиваются и выходят из употребления одни термины, возникают и внедряются другие, обозначающие либо новые денотаты, либо адекватно выражающие содержание уже описанных понятий. Изменяется семантический объем ранее известных терминов, происходит перераспределение значений»⁴.

Список литературы / References

Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминологических номинаций. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2020, № 3, с. 92–109. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-92-109>

Gorbunova N. N., Archakov R. A., Akhtaeva L. A. Metaphorisation as a basis for transterminology in the sphere of subject terminological nominations. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 92–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-92-109>

¹ Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. Англо-русский толковый словарь по искусственному интеллекту и робототехнике. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. Москва: ЛКИ, 2018. С. 80.

Козловская Н. В. Явление транстерминологизации в «философии общего дела» Н. Ф. Федорова. *Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014): материалы XVI Всероссийской научной конференции (г. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2014 г.)*, 2015, с. 236–242. EDN: TYUHSV

Kozlovskaia N. V. The phenomenon of transterminologisation in N. F. Fedorov's philosophy of “The Common Cause”. *Print and Word of St Petersburg (St Petersburg Readings – 2014): Proceedings of the XVI All-Russian Scientific Conference (St Petersburg, 12–14 April 2014)*, 2015, pp. 236–242. (In Russ.) EDN: TYUHSV

Мусаева А. С. и др. Термины и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении. Москва: Спутник +, 2024. 193 с.

Musaeva A. S. et al. *Terms and concepts of artificial intelligence in linguistic coverage*. Moscow: Sputnik +, 2024. 193 p. (In Russ.)

Мусаева А. С. Языковая политика в области терминов и определений искусственного интеллекта. *Мир лингвистики и коммуникации*, 2022, № 67, с. 134–144. EDN: SHAPVH

Musaeva A. S. Language policy in the field of terms and definitions of artificial intelligence. *World of linguistics and communication*, 2022, no. 67, pp. 134–144. (In Russ.) EDN: SHAPVH

Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. *Англо-русский толковый словарь по искусственному интеллекту и робототехнике*. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 262 с.

Proidakov E. M., Teplitskii L. A. *English-Russian explanatory dictionary on artificial intelligence and robotics*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2019. 262 p. (In Russ.)

Сложеникина Ю. В. *Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина*. Москва: Либроком, 2023. 120 с.

Slozhenikina Yu. V. *Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the term theory*. Moscow: Librokom, 2023. 120 p. (In Russ.)

Сложеникина Ю. В. *Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция*. Москва: ЛКИ, 2018. 288 с.

Slozhenikina Yu. V. *Terminological variation: semantics, form, function*. Moscow: LKI, 2018. 288 p. (In Russ.)

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. *Общая терминология: Вопросы теории*. Москва: УРСС, 2012. 243 с.

Superanskaia A. V., Podol'skaia N. V., Vasil'eva N. V. *General terminology: Issues of theory*. Moscow: URSS, 2012. 243 p. (In Russ.)

Толковый словарь по искусственному интеллекту / автор-составитель А. Н. Аверкин и др. Москва: Радио и связь, 1992. 254 с. URL: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (дата обращения: 09.09.2024).

Explanatory Dictionary of Artificial Intelligence; compiled by A. N. Averkin et al. Moscow: Radio i svyaz', 1992. 254 p. Available at: <http://raai.org/library/tolk/aivoc.html> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах

Анастасия Сергеевна Мусаева – старший преподаватель; <https://orcid.org/0000-0002-7597-6994>, ana.mus@yandex.ru, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал) (д. 76, ул. Стара Загора, 443081 Самара, Россия); **Anastasia S. Musaeva** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0002-7597-6994>, ana.mus@yandex.ru, The Samara branch of Moscow State Pedagogical University (76, ul. Stara Zagora, 443081 Samara, Russia).

Юлия Владимировна Сложеникина – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>, goldword@mail.ru, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (д. 80 Г, пр-т Ленинградский, 125190 Москва, Россия), Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН, Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия); **Yulia V. Slozhenikina** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>, goldword@mail.ru, Moscow Financial and Industrial University “Synergy” (80, pr. Leningradsky, 125190 Moscow, Russia), Professor, Department of Russian Language and Teaching Methodology, RUDN university (6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 08.10.2024; принята к публикации 22.10.2024.

The article was submitted 24.09.2024; Approved after reviewing 08.10.2024; Accepted for publication 22.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 114–125.
Cherovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 114–125.

Научная статья
УДК:82.09 (Пушкин)
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-10>
EDN: AOOJCR

Художественный концепт «Письмо» в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина

Елена Евгеньевна Соловьева
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
eesoloveva@chsu.ru

Аннотация. Художественный концепт «Письмо» в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина играет важную роль на всех уровнях текста. Организуя не прямой диалог пишущего и получателя, письмо раскрывает характеры персонажей. В качестве мотива концепт «письмо» участвует в развитии сюжета, в том числе появляется в кульминации и развязке, а также участвует в создании повествовательной структуры повестей и показывает авторскую позицию в отношении традиций психологической прозы.

Ключевые слова: художественный концепт, концепт «Письмо», концептный анализ, А. С. Пушкин

Для цитирования: Соловьева Е. Е. Художественный концепт «Письмо» в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 114–125. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-10>

The literary concept “Letter” in “The Belkin Tales” by A. S. Pushkin

Elena E. Solov'eva
Cherovets State University,
Cherovets, Russia,
eesoloveva@chsu.ru

Abstract. The literary concept of “Letter” in “The Belkin Tales” by A. S. Pushkin plays an important role at all levels of the text. By organizing an indirect dialogue between the writer and the recipient, the letter reveals the character personalities. As a motive, it participates in the development of the plot, including appearing in the climax and denouement. The concept of “Letter” participates in the development of the narrative structure of the stories and shows the author's position in relation to the traditions of psychological prose.

Keywords: literary concept, conceptual analysis, A. S. Pushkin

For citation: Solov'eva E. E. The literary concept “Letter” in “The Belkin Tales” by A. S. Pushkin. *Cherovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 114–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-10>

Введение

Концепт «Письмо» в идиостиле А. С. Пушкина занимает важное место. Сохранилась обширная переписка А. С. Пушкина, которую литературовед С. М. Петров характеризует как «творческую лабораторию, в которой выращивалась его [А. С. Пушкина. – Е. С.] проза»¹. Письмо как мотив и структурный элемент появляется уже в первых прозаических произведениях писателя. Рассмотрим включение писем в повествование «Повестей Белкина» (1830), чтобы понять содержание художественного концепта «Письмо» и его место в художественном мире цикла.

Основная часть

Концепт, являясь ментальным образованием авторского сознания, характеризует картину мира писателя и определяет художественный мир его произведений. Н. В. Володина дает такое определение художественного, или литературного, концепта: «Это смысловая структура, <...> воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (произведение, творчество писателя, литературное направление, период, национальная литература), обладающая культурно значимым содержанием и этноспецифичностью»². Структура лингвистического концепта, согласно концепции И. А. Стернина, включает в себя «образ, информационное содержание и интерпретационное поле»³. В художественном концепте наиболее важны его образная природа и эстетическая функция. Анализ художественного концепта предполагает интерпретацию образов и мотивов, поиск ассоциаций и интертекстуальных связей. Литературовед В. В. Цуркан, подчеркивая важность анализа концепта на всех уровнях текста («тематическом, сюжетно-композиционном, мотивно-образном»), считает приоритетным «рассмотрение образно-символического и ценностного слоев концепта»⁴.

Лингвокультурный концепт «Письмо» описан в статье Т. П. Акимовой, которая проанализировала частную переписку русских писателей и выделила такие характеристики в ядре концепта, как наличие адресанта и адресата, определенные особенности формы и содержания, а также замещение непосредственного общения⁵. На наш взгляд, эту модель необходимо дополнить характеристикой канала связи и кода. Канал связи в художественном концепте – это все обстоятельства, при которых происходит обмен письмами, в том числе состояние персонажей, находящихся в переписке, а код – форма выражения мыслей, чувств и эмоций и способ передачи (прямая или косвенная речь), соотношение голосов персонажа, повествователя и авторской

¹ Петров С. М. Художественная проза Пушкина // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Москва: ГИХЛ, 1960. С. 618.

² Володина Н. В. Концептосфера русской литературы. Москва: Флинта, 2019. С. 24.

³ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ «Восток-Запад», 2007. С. 75.

⁴ Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. Москва: Флинта; Наука, 2013. С. 9–10.

⁵ Акимова Т. П. Концепт «Письмо» и особенности его вербализации в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 100. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.10>

позиции. М. М. Бахтин, анализируя «внелитературные высказывания» (в том числе письма), «перенесенные в литературное произведение», подчеркивает: «Изменяется их тотальный смысл. На них падают рефлексии других голосов, и в них входит голос самого автора»¹.

Включая в литературное произведение письма, которые пишут и получают персонажи, автор создает события, значимые для развития сюжета. К письму как мотиву в произведениях А. С. Пушкина обращается исследователь С. К. Казакова и приходит к выводу, что мотив письма определяет «ключевые моменты сюжета», а «последовательное применение мотива письма складывается в системный “почтовый код”»².

Письмо как мотив и структурный элемент появляется в первых прозаических опытах А. С. Пушкина. Неоконченный «Роман в письмах» (1829) – попытка освоить популярную в европейской психологической прозе XVIII века эпистолярную форму. Уже в следующем сочинении – «Повестях Белкина» (1830) – Пушкин отказывается от собственно эпистолярного жанра, но сохраняет письмо как элемент структуры.

В предисловии «От издателя», подписанном А. П. (инициалы писателя), приводится письмо от друга покойного Ивана Петровича Белкина. Данное письмо является ответным и объясняется необходимостью получить информацию об авторе повестей. Анонимный автор письма соблюдает форму речевого жанра: композиция состоит из обращения, вступления, основной части, заключения, объяснения причин анонимности вместо подписи, указания на место и время. Автор письма сообщает биографические сведения о господине Белкине и оценивает его как человека в делах неопытного и мягкосердечного. В письме также с неодобрением рассказывается об одном случае, ярко характеризующем отношение покойного к управлению помещьем. Старомодный стиль письма выдает человека немолодого, уверенного в себе и даже самодовольного, помещика, равнодушного к художественной литературе. О Белкине как о писателе немного можно узнать из письма: что автор неопытен и опирался на рассказы, что судьба рукописей была незавидна – «частью употреблены его ключницей на разные домашние потребности»³.

Почему Пушкину важно было использовать в этом письме повествователя с ограниченным знанием и обывательским образом мыслей? На самом деле, с помощью данного повествователя автор сообщает читателю немало интересного: что Иван Петрович молод и небогат, поддерживает добрососедские отношения, при этом одинок и не понят окружающими, что его сочинения лишь частично и почти слу-

¹ Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература, 1986. С. 473–500. URL: <http://www.infolib.info/philol/bahtin/probltext.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² Казакова С. К. «Почтовый код» в художественных произведениях Пушкина // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 369–381. URL: <https://web.archive.org/web/20181028095026/http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/19k-pr.html> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1978. С. 56. – В дальнейшем все ссылки на произведения А. С. Пушкина приводятся по данному изданию и даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

чайню дошли до издателя, а большей частью пропали, что писатель не выдумывает истории, а записывает их со слов знакомых и, наконец, что господин Белкин скончался на 30-м году жизни, так и не увидев своих сочинений опубликованными. Автор предлагает читателю составить собственное мнение и выдает себя только иронией в адрес «почтенного друга автора нашего»: «Надеемся, что публика оценит их [известий. – Е. С.] искренность и добродушие» (Т. 6, с. 57).

М. М. Бахтин объясняет выбор Ивана Петровича Белкина в качестве общего повествователя его обыкновенностью. Исследователь видит новаторство повествования в конфликте между «традиционно-поэтическими» сюжетами и «особой “непоэтической” точкой зрения»: «В этом непонимании поэтической патетики прозаическая продуктивность точки зрения Белкина»¹. Повествовательная структура «Повестей Белкина» достаточно сложно организована. Литературовед С. Г. Ильенко характеризует ее как «сплав языковых стихий: первоначального рассказчика, повествователя И. П. Белкина, наконец, подлинного автора этой многоступенчатой прозы»². В. В. Виноградов, характеризуя сферу субъектов повествования, подчеркивает: «Благодаря этой подвижности и смене субъектных ликов, благодаря их стилистическим трансформациям, происходит постоянное переосмысление действительности, преломление ее в разных сознаниях»³. В развитие мысли исследователя можно сказать, что письмо, вводя голос персонажа, участвует в этой динамической системе.

Мотив письма встречается в трех из пяти повестей: «Выстреле», «Метели» и «Барышне-крестьянке». Письма встраиваются в сложно организованное повествование как своеобразный текст в тексте.

«Выстрел», по примечанию издателя, основан на рассказе подполковника И. Л. П. Мы слышим голос военного, много лет прошедшего в отдаленных гарнизонах: «Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например об ожидании почтового дня». Рассказчик рисует обычную, повторяющуюся бытовую сценку: «Наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обыкновенно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную» (Т. 6, с. 61). Письма для военных – средство связи с близкими, друзьями, родственниками, источник новостей и возможность получить доступные в провинции удовольствия. Переписка разрывает границы гарнизонного мирка, борется с обыденной скукой.

Главный герой повести получает корреспонденцию, как и другие, но автор не сразу сообщает читателю, какого письма ждет Сильвио. Событием становится полу-

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. С. 126.

² Ильенко С. Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 100–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozvanstvo-i-sluchay-kak-soderzhatelno-integriruyuschie-dominanty-hudozhestvenno-stilevoy-osnovy-povestey-pokoynogovivana/viewer> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. Москва: Художественная литература, 1941. С. 539.

чение им письма от поверенного. Рассказчик, сохраняя интригу, описывает реакцию героя и дает понять важность послания: «Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его сверкали» (Т. 6, с. 61). Значимость письма подчеркнута внезапным отъездом и прощальным ужином. Загадочность письма находится в прямой связи со странной личностью его получателя Сильвио, о котором рассказчик говорит: «Какая-то таинственность окружала его судьбу» (Т. 6, с. 58).

Только рассказчик заметил волнение Сильвио, возможно, поэтому он получает отдельное и настойчивое приглашение.

Последующее признание Сильвио объясняет странности в его поведении, в частности уклонение от дуэли, несовместимое с понятием дворянской чести. В конце откровенного разговора вновь появляется письмо: «Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать» (Т. 6, с. 62). В этом действии, с одной стороны, появляется доверие персонажа к рассказчику, с другой – необходимость кому-то высказать эмоции, накопленные за годы ожидания. На этот раз читателю в косвенной речи сообщается содержание письма: «Известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой» (Т. 6, с. 64). Из контекста понятно, что под «известной особой» подразумевается соперник Сильвио, «молодой человек богатой и знатной фамилии» (Т. 6, с. 62). Реплика героя выдает всю глубину его ненависти: «Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой». Поведение Сильвио производит сильное и неоднозначное впечатление на рассказчика, о чем он и сообщает, но воздерживается от оценки: «Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства волновали меня» (Т. 6, с. 64).

Из второй части, действие которой происходит через несколько лет, читатель узнает о развязке истории, а также о другом лице, упомянутом в письме, – «молодой и прекрасной девушке», счастью которой угрожает ненависть Сильвио. Во второй части рассказчик описывает своих новых соседей – графа и графиню Б***. Автор дает возможность читателю сравнить, как описывают графа Сильвио и подполковник И. Л. П., и сделать собственные выводы. В письме свадьба была обозначена как предстоящее событие, во второй части она уже в плане прошлого. Завершение дуэли, которое Сильвио планировал несколько лет, происходит не перед свадьбой, а после нее, в медовый месяц.

На первый взгляд, письмо играет служебную роль в сюжете: из него Сильвио узнает о предстоящей свадьбе графа и принимает решение о мести. Очевидно, что это письмо стало последним и роковым из целой череды писем, благодаря которым Сильвио следил за своим соперником. Письмо приобретает роковой характер и связано с темой смерти, но в то же время письмо, сообщая о предстоящей свадьбе, связано с темой семейного счастья.

Первая часть повести посвящена Сильвио, вторая – графу и графине Б***. Автор сначала предлагает нам понять мир, где правит закон дворянской чести и ценятся храбрость, удали и щедрость, а затем оценивает конфликт с позиции семейных ценностей – любви, заботы, преданности. Образ графини, бросившейся к ногам Сильвио (неслучайно она названа здесь домашним русским именем «Маша»), дискредитирует

понятие дворянской чести как искусственное и несущественное перед лицом жизни и счастья.

В сюжетной композиции повести письмо является поворотным пунктом, соединяющим две противопоставленные друг другу части. Лапидарность и нейтральность письма оттеняют полные эмоций сцены двух дуэлей. Сильвио тренируется в стрельбе и ждет удобного случая, следя за противником по письмам от поверенного. Получение письма становится сигналом для возобновления дуэли. Мотив ожидания связывает письмо и отложенный выстрел. Событие получения письма и произведенного эффекта по силе воздействия можно сравнить с выстрелом. Таким образом, можно говорить, что концепт «Письмо» связан с главным концептом «Выстрел».

Издатель в предисловии сообщает, что две повести записаны Иваном Петровичем Белкиным со слов девицы К. И. Т. – «Метель» и «Барышня-крестьянка». То, что рассказчик – провинциальная барышня, влияет на понимание и оценку писем как неотъемлемой части повседневной жизни, источник информации и средство воздействия.

В начале повести «Метель» появляется мотив переписки: «Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни» (переписка, дополняя свидания, не является необходимой, но для героев она часть культурного кода тайной любви). Функция замещения актуализируется, когда возникают препятствия для непосредственного общения: «Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее» (Т. 6, с. 70–71).

Ядром концепта «Письмо» являются субъекты переписки Марья Гавриловна и Владимир Николаевич. Автор создает многоступенчатую передачу содержания их писем: от авторов или получателей писем – к источнику девице К. И. Т., а от нее – к повествователю Ивану Петровичу Белкину. Образы влюбленных описаны повествователем не без иронии: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик», «молодой человек пылал равною страстию» (Т. 6, с. 70). Первое знакомство читателя с героями происходит через характеристику их как речевых личностей. С помощью несобственно-прямой речи создается образ пылкого молодого человека, начитавшегося сентиментальных романов: «друг без друга дышать не можем», «воля жестоких родителей», «героическое постоянство и несчастье любовников». Апофеоз его воображения – ожидаемое прощение родителей: «Дети! придите в наши объятия» (Т. 6, с. 71). На речевой портрет Владимира накладывается ирония повествователя. В. Шмид в качестве претекста и, соответственно, модели поведения Владимира называет сентиментальную повесть Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»: «“Метель” предстает перед нами как прозаическая контрафактура к сентиментальной идиллии Карамзина» (Т. 6, с. 71).

Книжной девушкой предстает перед читателем и Марья Гавриловна: прощаясь, она пишет длинные письма подруге и родителям. Повествователь опускает содержание первого письма – к «одной чувствительной барышне», из чего можно сделать вывод, что оно написано по образцам, знакомым как адресату, так и адресанту по сентиментальным романам. Второе письмо – к родителям – пересказано достаточно подробно, при этом искренние чувства героини выражены «чужим словом»: «неодо-

лимая сила страсти», «блаженнейшая минута жизни», «броситься к ногам дражайших ее родителей». На «литературность» мироощущения Марьи Гавриловны, которая «выражается в стиле ее мыслей, видений, чувств, в манере ее переписки», указывает В. В. Виноградов¹. Прощание с прежней жизнью, родителями, друзьями героиня доверяет письмам. Завершающим штрихом к этому поступку становится запечатывание письма «тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью» (Т. 6, с. 71). Печатка, заказанная заранее и использовавшаяся для тайной переписки, – символический предмет самопозиционирования и часть «почтового кода».

Концепт «Письмо» в повести «Метель» выходит за рамки данного произведения и актуализирует интертекст европейской сентиментальной эпистолярной прозы. Повествователь сообщает, что наутро после побега «письма, накануне ею написанные, были сожжены» (Т. 6, с. 75). Поступок Марьи Гавриловны можно объяснить страхом огласки, что поддержано контекстом: все, посвященные в тайну, молчали («и недаром», замечает повествователь). Здесь есть и символический подтекст: мотив сожженного письма связан с мотивом утраченной любви. Романтическое, книжное чувство умирает, а с ним и потребность в письмах. Горячка и обморок стали последними проявлениями ее влюбленности. О душевном смятении Владимира читатель догадывается из его ответного письма, которое родителям невесты кажется «полусумасшедшим». Показательно, что Владимир сохраняет книжную стилистику, хотя его чувства сильны и искренни («просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою»).

Главное событие повести – побег, имевший неожиданное завершение, – подготовлено перепиской персонажей, в которой оно многократно обсуждается, создается целый сценарий («предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей») (Т. 6, с. 71).

Для описания реального события автор применяет интересный композиционный прием – разделение повествования по точкам зрения и действующим персонажам. Сначала перед читателем предстает та часть событий, которая происходила с Владимиром. Описание его злоключений показывает контраст мечты и действительности. Герой нетерпеливо стремится к цели своего путешествия, вступая в поединок с цепью случайностей, неудач, силами природы. Динамизм описания резко обрывается, когда герой достигает церкви, места, где его мечта должна была осуществиться. Повествователь восклицает: «Какое известие ожидало его!» (Т. 6, с. 75), умалчивая информацию о происшедшем ночью.

Полную информацию о событии читатель получит только в финале повести – от Бурмина, неожиданного, третьего участника рокового события. Именно в его рассказе предстает кульминация повести – случайное венчание Бурмина и Марьи Гавриловны. Случай в романтической поэтике – проявление принципа двоemiрия. В повести «Метель» случай сначала обретает форму природного явления. Недаром Бурмин называет метель «ужасной», подчеркивая не столько силу, сколько ее мистический характер. Немецкий русист В. Шмид замечает, что «три главных героя

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. Москва: Художественная литература, 1941. С. 560.

«Метели» признают влияние на их судьбы таинственной, сверхъестественной силы»¹. Концепт «Метель» в художественном мире повести означает вмешательство высших, непознаваемых сил в судьбу человека. Метель разъединяет одну пару и соединяет другую.

В отношениях Марьи Гавриловны и Владимира письма играли важнейшую роль, соединяя героев с культурными паттернами сентиментальной любви. Показателен отказ героини от переписки после рокового венчания: она перестает доверять письмам. Долгожданное признание в любви Бурмина, раскрытие тайны роковой ночи происходит во время личного свидания. Таким образом, с концептом «Письмо» в повести связаны оппозиции естественного человека и культурной среды, сущности и видимости, истинной и мнимой любви.

Концепт «Письмо» в повести «Барышня-крестьянка» также занимает значимое место в авторской концепции. Мотивы письма и переписки вплетены в любовный сюжет повести. Алексей Берестов «обучает» грамоте Акулину (Лизу). Следствием этого обучения становится переписка: «Между ими завелась переписка». Тайная переписка является частью культурного кода запретной любви. В эпистолярном романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» неравенство влюбленных было истинным, в повести А. С. Пушкина оно мнимое, но культурный паттерн определяет поведение героев.

Показательно и место, которое выбрали герои для переписки: «Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба» (Т. 6, с. 112). В художественном мире Пушкина дуб ассоциируется с мощью и вечностью природы, мудростью, победой жизни над смертью, «символизирует неистощимость жизни» (М. Эпштейн)².

Третьим участником переписки – посредником – является Настя. Образ ловкой служанки, наперсницы в любовных делах, относится к устойчивым типам мировой комедии. В. Е. Хализев и С. В. Шешунова афористично охарактеризовали поэтику «Повестей Белкина» как «сплав драмы с довольно печальной “человеческой комедией”»³.

Сами письма характеризуют персонажей: Алексей Берестов пишет письма крупным почерком, чтобы его «крестьяночка» могла их разобрать, Лиза-Акулина пишет каракулями на дешевой, синей бумаге, продолжая свою игру. Письмо становится инструментом маскарада. При этом героиня, доверяя бумаге свои размышления и чувства, не соответствующие культурному уровню крестьянки, постоянно выдает себя. Адресат писем, по-видимому, это замечает, но самонадеянно приписывает своему облагораживающему влиянию: «Акулина видимо привыкала к лучшему складу речей, и ум ее приметно развивался и образовывался» (Т. 6, с. 113).

¹ Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама». Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 70.

² Эпштейн М. «Мужеские» деревья // Литература. 2009. № 22. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200902212> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». Москва: Высшая школа, 1989. С. 15.

Если сначала письма были своеобразным дополнением к свиданиям, то с некоторого времени они становятся единственным каналом коммуникации. Как и в «Метели», причиной этого становится погода: «Свидания в роще были прекращены по причине дождливой погоды». Так же, как и в «Метели», природа словно подталкивает к развязке, заставляет героев определиться в отношениях. Давление отца, требующего от Алексея жениться на Лизе Муромской, производит противоположное действие, и герой принимает решение, которое доверяет бумаге: «Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им гибели, и тут же предлагал ей свою руку». Письмо передано косвенной речью, но содержит несобственно-прямую речь. Порывистый, упрямый, цельный и решительный характер пишущего виден из письма и подчеркнут дальнейшим поведением: «Тотчас отнес он письмо на почту, в дупло, и лег спать весьма довольный собою» (Т. 6, с. 114).

Читателю показано и восприятие этого письма адресатом: Лиза погружена в чтение, она ничего не видит и не слышит. Можно только догадываться, о чем думала героиня, видимо, не ожидавшая, что ее шутка приведет к такому серьезному исходу.

Читатель видит сцену глазами влюбленного Алексея: «Лиза... нет Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платьице, сидела перед окном и читала его письмо» (Т. 6, с. 115). Подмена раскрывается в момент чтения письма, но интересна последовательность: «Лиза... нет Акулина», – не только переход от точки зрения повествователя к точке зрения героя, но и выбор Алексея, которому милее простая девушка, чем исполненная светских условностей барышня. В этой сцене Алексей обращается к девушке по-русски и называет Акулиной, а Лиза, пытаясь освободиться от объятий, отвечает по-французски. Две стороны ее личности находятся в конфликте, который остается неразрешенным. Таким образом, и в этой повести письмо включено в драматическую развязку.

Концепт «Письмо» в повести «Барышня-крестьянка», кроме понятийного ядра, связанного с удаленной коммуникацией, выполняет заместительную функцию, характеризует пишущих и получающих, включен в игру героини, исполняет роль катализатора развязки.

Выводы

А. С. Пушкин уже в своей ранней прозе отходит от жанра эпистолярного романа, но при этом не отказывается от письма как повествовательного приема, сюжетного мотива, средства изображения характеров, способа передачи авторской концепции. Концепт «Письмо» в ранней прозе А. С. Пушкина играет ключевую роль. Понятийное ядро концепта составляют акт удаленной, непрямой коммуникации, диалог адресанта и адресата (через монологические высказывания), почтовый код. В художественном мире «Повестей Белкина» концепт выражен через мотивы письма и переписки, образы персонажей (авторов писем и получателей). На композиционном уровне мотив письма возникает в поворотные моменты сюжета, кульминации и развязке, подчеркивая драматизм пушкинской прозы. Письмо как текст в тексте встраивается в многоступенчатую повествовательную структуру повестей, поддерживая

характерное для больших эпических жанров «разноречие». Большой частью письма пересказаны косвенной речью с включением несобственно-прямой речи. Концепт «Письмо» актуализирует интертекстуальные связи с европейской психологической прозой и выражает авторскую позицию, пронизанную иронией, раскрывает новаторство Пушкина, создателя русской реалистической повести.

Список литературы / References

Акимова Т. П. Концепт «Письмо» и особенности его вербализации в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 2016, т. 15, № 3, с. 93–101. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.10>

Akimova T. P. The concept “Letter” and peculiarities of its verbalization in Russian epistolary text of the XIX–XX centuries. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 93–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.10>

Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, 1975. 502 с.

Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics: Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975. 502 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература, 1986, с. 473–500. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/probltext.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Bakhtin M. M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis. *Literary-critical articles*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 473–500. Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/probltext.html> (accessed: 15.01.2024) (In Russ.)

Виноградов В. В. *Стиль Пушкина*. Москва: Художественная литература, 1941. 620 с.

Vinogradov V. V. *Pushkin's style*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1941. 620 p. (In Russ.)

Володина Н. В. *Концептосфера русской литературы*. Москва: Флинта, 2019. 204 с.

Volodina N. V. *Conceptosphere of Russian literature*. Moscow: Flinta, 2019. 204 p. (In Russ.)

Ильенко С. Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина». *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*, 2005, т. 5, № 11, с. 100–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozvanstvo-i-sluchay-kak-soderzhatelno-integriruyuschie-dominanty-hudozhestvenno-stilevoy-osnovy-povestey-pokoynogov-ivana/viewer> (дата обращения: 15.01.2024).

Il'enko S. G. Imposture and case as content integrating dominants in the narrative style foundation of “The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin”. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2005, vol. 5, no. 11, pp. 100–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozvanstvo-i-sluchay-kak-soderzhatelno-integriruyuschie>

dominanty-hudozhestvenno-stilevoy-osnovy-povestey-pokoynogo-ivana/viewer (accessed: 15.01.2024) (In Russ.)

Казакова С. К. «Почтовый код» в художественных произведениях Пушкина. *Вопросы литературы*, 2014, № 2, с. 369–381. URL: <https://web.archive.org/web/20181028095026/http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/19k-pr.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Kazakova S. K. 'Postal code' in Pushkin's works of fiction. *Problems of Literature*, 2014, no. 2, pp. 369–381. Available at: <https://web.archive.org/web/20181028095026/http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/19k-pr.html> (accessed: 15.01.2024) (In Russ.)

Петров С. М. Художественная проза Пушкина. *Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т.* Москва: ГИХЛ, 1959–1962, т. 5, 1960, с. 613–632.

Petrov S. M. *Pushkin's fictional prose. Pushkin A. S. Collected Works: in 10 vols.* Moscow: GIKhL, 1959–1962, vol. 5, 1960, pp. 613–632. (In Russ.)

Попова З. Д., Стернин И. А. *Когнитивная лингвистика.* Москва: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics.* Moscow: AST "Vostok-Zapad", 2007. 226 p. (In Russ.)

Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений: в 10 т.* Т. 6. Ленинград: Наука, 1978. 575 с.
Pushkin A. S. *Collected works: in 10 vols.*, vol. 6. Leningrad: Nauka, 1978. 575 p. (In Russ.)

Хализев В. Е., Шешунова С. В. *Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина».* Москва: Высшая школа, 1989. 80 с.

Khalizev V. E., Sheshunova S. V. *Pushkin's cycle 'Belkin's Tales'.* Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 80 p. (In Russ.)

Цуркан В. В. *Антология художественных концептов русской литературы XX века.* Москва: Флинта; Наука, 2013. 355 с.

Tsurkan V. V. *Anthology of fiction concepts in Russian literature of the XX century.* Moscow: Flinta; Nauka, 2013. 355 p. (In Russ.)

Шмид В. *Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама».* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 354 с.

Shmid V. *Pushkin's prose in poetic reading: 'Belkin's Tales' and 'The Queen of Spades'.* St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013. 354 p. (In Russ.)

Эпштейн М. «Мужские» деревья. *Литература*, 2009, № 22. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200902212> (дата обращения: 15.01.2024).

Epshtein M. 'Masculine' trees. *Literature*, 2009, no. 22. Available at: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200902212> (accessed: 15.01.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Елена Евгеньевна Соловьева – кандидат филологических наук; eesoloveva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец,

Россия); **Elena E. Solov'eva** – Candidate of Philological Sciences; eesoloveva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 18.04.2024.

The article was submitted 17.02.2024; Approved after reviewing 04.04.2024; Accepted for publication 18.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 126–136.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 126–136.

Научная статья
УДК 82'282
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-11>
EDN: BGRLMV

Новгородский и северный тексты русской литературы: к вопросу о взаимоотношении понятий

Дарья Борисовна Терешкина

Новгородский государственный университет,
Великий Новгород, Россия,
terdb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

Аннотация. В статье предлагается сопоставление двух локальных текстов: новгородского и северного. Правомерность сравнения обусловлена территориальной близостью двух локусов, а также историческим их совмещением в рамках административного деления «земель», губерний и уездов. Доказано, что северный и новгородский тексты имеют разные географические, исторические и концептные характеристики. Северный текст обладает иерархической структурой, в которой объединяются разные по масштабу и специфике территории, тогда как новгородский текст представляет собой «культурный слой», ориентированный по вертикали. Концепты северного текста (загадочность, безмолвие, путь, снег, дом, камень, река, море, Беловодье и др.) и новгородского текста (город-республика, вече, вольность, София, Волхов, судный мост, архиепископская власть и др.) позволяют говорить о необходимости разных подходов к описанию и осмыслению различных локальных текстов, в том числе близких территориально и родственных в культурном отношении.

Ключевые слова: Русский Север, Великий Новгород, северный текст, новгородский текст, концептосфера

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24–28–20343 «Концептосфера “новгородского текста”: база данных и интерпретация»).

Для цитирования: Терешкина Д. Б. Новгородский и северный тексты русской литературы: к вопросу о взаимоотношении понятий // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 126–136. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-11>

**Novgorod and Northern texts of Russian literature:
on the question of the relationship of concepts**

Daria B. Tereshkina

Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia,

terdb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

Abstract. The article proposes a comparison of two local texts: the Novgorod and the Northern ones. The validity of the comparison is due to the territorial proximity of the two loci, as well as their historical combination within the framework of the administrative division of "lands", provinces and uyezds. It is proved that the Northern and Novgorod texts have different geographical, historical and conceptual characteristics. The Northern text has a hierarchical structure in which territories of different scale and specificity are combined, whereas the Novgorod text represents a "cultural layer" oriented vertically. The concepts of the Northern text (mystery, silence, path, snow, house, stone, river, sea, Belovodye, etc.) and the Novgorod text (city-republic, veche, liberty, Sofia, Volkhov, Sudny bridge, archiepiscopal authority, etc.) suggest the need for different approaches to the description and understanding of various local texts, including those that are geographically close and culturally related.

Keywords: Russian North, Veliky Novgorod, Northern text, Novgorod text, conceptual sphere

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-20343 "The conceptual sphere of the Novgorod text: database and interpretation").

For citation: Tereshkina D. B. Novgorod and Northern texts of Russian literature: on the question of the relationship of concepts. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 126–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-11>

Введение

В исследовании локальных текстов – одном из наиболее популярных в современном отечественном литературоведении направлений – актуальным вопросом остается определение границ локальных текстов, особенно тех, что касаются близких друг к другу территорий, причем не только географически. Казалось бы, трудно спутать феномены петербургского и новгородского текстов; однако по отношению к новгородскому тексту встает вопрос о принадлежности его к *северному тексту* русской литературы. Примечательно, что такой взгляд на соотношение двух значимых локальных текстов русской культуры формируется вне Новгородской земли, жители которой не считают себя принадлежащими культуре Русского Севера. Вероятно, в число северных территорий Новгородская земля включается в сознание некоторой части культурной интеллигенции, которая мыслит исторически, имея в виду широкое и долгое явление колонизации Севера (в том числе выходцами из новгородских земель), появление севернорусских монастырей¹. Непростой задачей является и определение собственно новгородского текста – до сих пор нет серьезного исследо-

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва: Наука, 1988. 509 с.

вания этого феномена. Попытка решения вопроса соотношения северного и новгородского текста осуществляется нами на трех ключевых основаниях: географическом, культурном и литературном.

Основная часть

Освоение Русского Севера шло несколькими взаимодополняющими путями, среди которых экономический и монастырский имеют ключевое значение: «К исходу XVII века здесь (на Русском Севере. – Д. Т.) насчитывалось свыше ста семидесяти монастырей и пустынь, то есть примерно каждый седьмой монастырь русской православной церкви был северным»¹. Об основании монастырей на дальних северных землях выходцами из Новгородской земли немало написано, роль Новгорода в монастырской колонизации оказалась значительной. Однако не стоит преувеличивать реальное влияние Новгорода на такую обширную сеть монастырей Русского Севера: последние, находясь на внушительном расстоянии от Новгорода, даже юридически входя до определенного времени в состав Новгородской земли, формировали свое духовное и культурное пространство. Примечательно, что в объемном исследовании, посвященном новгородским книжным центрам, таковыми считаются те, что находились в монастырях, расположенных не более чем в 20 – 25 км от Новгорода, т. е. на расстоянии, которое можно было преодолеть за один день: только в этом случае монастырь мог участвовать в повседневной жизни города². Это важное замечание касается в том числе нашего понимания феномена «локального текста»: расстояние в географическом факторе идентификации локальных текстов имеет значение даже в наше время, не говоря уже о временах, от нас отдаленных. Согласимся с утверждением, что «...меняющийся исторический контекст приводил к изменениям в культурном маркировании северных территорий»³. В древнерусский период осознание владения Новгородом значительной частью русских северных территорий было вполне ясным: «В русской летописной традиции названные земли (европейский Север России. – Д. Т.) довольно определено характеризовались как территории, находящиеся в даннической зависимости от Великого Новгорода»⁴. При этом Север заселялся активно и выходцами из других земель: «Колонизация шла двумя потоками: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая) <...> Процессы культурной интеграции протекали довольно интенсивно, о чем свидетельствует появление еще в “новгородскую эпоху” общего наименования территории»⁵. При этом средневековое сознание, привязанное именно к локусу, гораздо более маркировало

¹ Булатов В. Православные монастыри Русского Севера. URL: <http://kenozerjelive.ru/bulatov-mons.html> (дата обращения: 31.08.2024).

² Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. С. 5.

³ Шабаетов Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы. Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 4, № 4. С. 135. EDN: PEBAVX

⁴ Там же.

⁵ Там же.

свою картину мира оппозиционным положением к «не местным» (характерен знаменитый новгородский сюжет об иконе Божией Матери Знамение, спасшей новгородцев от «врагов», при этом врагами были суздальцы); а само место зачастую ограничивалось непосредственно локусом проживания, а не территорией общей принадлежности народу, стране, земле, «владениям» и т. д.

Следует признать, что территория, место, являющееся, на первый взгляд, самой стабильной константой локальных текстов, не является безусловным и не меняющимся маркером какого бы то ни было локального текста. Особенно это касается территорий, зон, округов: в отличие от города (как в случае с Петербургским текстом), тексты, связываемые с более пространными и менее четко топографически очерченными локациями, подвижны не только во времени, но и в сознании современников. Как уже было сказано, новгородский текст включить в северный текст русской литературы или хотя бы сопоставить их друг с другом предлагают исследователи – жители других территорий. Для самих новгородцев, воспринимающих Русский Север со стороны «юга» по отношению к нему, себя северянами не считают. Важно отметить, что именование какой-либо территории тем или иным топонимом всегда варьировалось в зависимости от *позиции* по отношению к этой территории. Так, еще в старшую древнерусскую эпоху именование «Русь» получали очень разные территории в составе Киевского княжества¹; чрезвычайно важным оказывается уточнение источника, в котором происходит именование, а также явление узкого и расширительного понимания именуемого тем или иным топонимом пространства. В случае с локальным текстом (и северным текстом особенно) следует учитывать систему координат, в которой находится воспринимающий этот текст субъект. Кроме того, локальный текст (и локальный свертхтекст) формируется не только собственно территорией, но и *традицией* ее восприятия, разной на разных территориях в рамках одной литературной (в данном случае – русскоязычной) традиции.

Следует уточнить при этом, что новгородская составляющая в северном тексте, несомненно, чрезвычайно сильна, причем в отношении абсолютного большинства территорий, входящих ныне в понятие «европейский Русский Север» (в него, судя по многочисленным попыткам «очертить» эту территорию, входят Вологодская, Архангельская, Мурманская области, Республика Коми, Республика Карелия, Ненецкий АО). Причем административные границы деления губерний и волостей постоянно менялись, в то время как ментальное восприятие северных территорий России от них мало зависело. Более важным оказывается определение культурных истоков

¹ Рыжов К. В. Еще раз о смысле и значении понятий «Русь» и «Русская земля» в летописях XII–XIII веков // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 137–143. Сошлемся также на недавний доклад П. С. Стефановича, еще не отразившийся в публикации в виде статьи: Стефанович П. С. Различались ли понятия «Русь» и «Русская земля»? (по новгородским и другим летописям XII – начала XIII в.) / Доклад на «Историко-филологических чтениях (НГОМЗ, г. Великий Новгород, 2 августа 2024 г.). URL: <https://yandex.ru/video/preview/4286146504682353473> (дата обращения: 31.08.2024), в котором ученый говорил не только о расширительном и узком понимании именовании «Русь» и «Русская земля», не только о позиции воспринимающего субъекта, но и о *моменте речи* в каждом конкретном источнике, обуславливающим ситуативное именование определенной территории.

тех или иных традиций Русского Севера. Здесь решающими становятся исследования о заселении северных территорий Руси: «До XII в. могло иметь место, по видимому, только проникновение сюда отдельных групп славян. Постепенно в Обонежье, Южном Беломорье и Нижнем Подвинье утвердились группы новгородского происхождения. На Верхней Двине, в Белозерье, на Сухоне в XIII–XV вв. укрепились низовцы»¹. К Русскому Северу также относятся территории, включающие «и русские районы Карелии и Коми республики, и северные районы Новгородчины, Кировской и Пермской областей, и Мурманскую область – Кольский полуостров. Русский Север, северорусская историко-культурная зона – это вся обширная территория к северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор»².

Именно в контексте истории становятся понятными особенности специфической северной культуры, соединяющей, в большинстве своем, разнородные, зачастую иноязычные, традиции³. Именно поэтому, например, в исследованном еще в XIX в. говоре Череповецкого уезда так много новгородских черт⁴, а в Предисловии к словарю череповецкого говора отмечена особая роль Великого Новгорода в освоении северных территорий: «в древней Новгородской области положено начало Руси, здесь осели первые князья, возникла торговля с Ганзою, появились первые летописи и внутренняя жизнь отличалась от других частей Руси существованием в Новгороде вечового уклада. <...> Обследованием Череповщины, как части древней Новгородской области, со стороны народного языка, кладется начало в этом направлении»⁵.

Определенным географическим и топонимическим ориентиром в осознании Русского Севера как феномена может служить понятие «Крайний Север». Именно сема «край» становится маркером нестабильности территориальных границ сложившихся ментальных структур локальных текстов, обозначающих приграничное их положение относительно чего-либо. Поскольку «край» постоянно отодвигается, очертания крайних границ территорий изменяются в зависимости от множества условий – политических, исторических, временных. По мере продвижения людей на север страны те территории, которые были северными по отношению к центру или югу, постепенно становились «южными» по отношению к освоенным северным землям. Так, Новгород с течением времени стал гораздо более приближенным к центру России и к ее западу, а с появлением Санкт-Петербурга как «северной столицы» и с утратой Новгородом подчиненных ему земель (выделившегося в самостоятельную единицу Череповецкого, Вологодского уездов и др.) стал еще более усеченным территориально и семантически, «затерялся» среди крупных и значимых локусов и, будучи

¹ Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. Москва: Наука, 2001. С. 19.

² Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 22.

³ Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. Москва: Наука, 2001. С. 20.

⁴ Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1910. 111 с.

⁵ Там же. С. 3–4.

оттесненным «вглубь» северной части России, перестал осознаваться как северная ее территория.

Любой локальный текст – явление гораздо шире понятия «локальный текст русской литературы», если понимать текст семиотически, т. е. расширительно. В этом случае гораздо более оправданным является применение термина «локальный сверхтекст»¹, в котором, в отличие от локального текста русской литературы, не только создаются константы локального текста (мотивы, образы, повторяющиеся детали, символы), но и формируется картина мира, имеющая сверхтекстовый характер и включающая, помимо литературных источников, многообразные проявления локального текста в устной речи, интернет-пространстве, СМИ, символике города / городов или поселений, топонимике и т. д.

Важным этапом в осмыслении северного текста стало собственно литературное понимание этого феномена как части русской литературы. Масштабные исследования творчества писателей и поэтов² (в том числе пишущих для детей и юношества)³, научные центры, основным своим предметом избравшие северный текст (и сверхтекст)⁴, позволили дать более детальное определение понятия: «мы вкладываем в понятие “Северный текст” более определенное и ограниченное содержание: это создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остается открытым и активно исследуется в настоящее время) в творчестве многих русских писателей сверхтекст, в котором запечатлен особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее – мифопоэтический образ северорусского мира»⁵. На богатом текстовом материале определены константы северного текста: безлюдность, трудноосваиваемость, необозримость, бескрайность, безграничность⁶. В северном тексте собственно географические характеристики чрезвычайно важны: образы моря, леса, тундры, мотивы пути и границы⁷. Исследователь северного текста в литературе для детей А. В. Давыдова пишет: «Важно так-

¹ Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (дата обращения: 31.08.2024). EDN: PFSBOB

² Северный текст русской литературы: сборник трудов конференции (г. Архангельск, 25–26 ноября 2021 г.). Вып. 6: Автор – герой – читатель. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2022. 187 с. EDN: CGCZFN

³ Давыдова А. В. Северный текст русской литературы для детей как компонент регионального содержания в школьном изучении // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 34–45. EDN: XXBEO

⁴ Создан и плодотворно работает возглавляемый известным исследователем северного текста Еленой Шамильевой Галимовой Музей-лаборатория «Северный текст русской литературы». URL: <https://narfu.ru/hssshic/nauka/ntext/> (дата обращения: 31.08.2024).

⁵ Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 8.

же отметить, что “восприятие Севера как мифопоэтического пространства”, характерное для северного текста русской литературы, удивительно родственно детскому образу мышления с его способностью соединять реальность и сказку, тяготением к чуду, стремлением создавать условные миры¹. Как верно отмечают исследователи, любой локальный текст начинает быть таковым только в результате рефлексии – а, значит, некоего «отстраненного», научного или художественного, взгляда. Как всякое ментальное явление второго порядка, осмысление локального текста зависит от личности воспринимающего (и даже определяющего) такой текст субъекта.

Сравнение художественного мира северного и новгородского локальных текстов позволяет сделать выводы об их различии. В концептосферу северного текста входят хорошо описанные на обширном литературном материале константы: «художественное время как нерасторжимое единство прошлого, настоящего и будущего; «застывшее» время; сакральный характер пространства, его мифопоэтическая, сказочная природа); системы лейтмотивов, формирующих на смысловом («сверхсмысловом») уровне единство Северного текста (мотивы пути, поиска, испытания, преобразования и др.); сквозных образов, прежде всего, архетипических – мифопоэтических и фольклорных (море, река, берег, дорога, дом, камень, Лукоморье, Беловодье и др.); персонажной сферы (в первую очередь, героев, характерных именно для Северного текста: поморов, северорусских крестьян, <...> представителей других этносов – коренных народов и этнических групп: ненцев, коми, саамов, коми-ижемцев, карел и др.)². Концепты новгородского текста еще предстоит описать; база данных концептосферы новгородского текста только создается. В нее, несомненно, войдут реалии (Новгородская София, озеро Ильмень, река Волхов, Судный мост, Спас со сжатой ладонью, Церковь Спаса на Нередице, памятник Тысячелетию России и др.), имена, создающие персонифицированную новгородского текста (Рюрик, Ярослав Мудрый, Кирик Новгородец, Феофан Грек, Александр Невский, архиепископ Иоанн Новгородский, Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский, Евфимий Вяжицкий, Михаил Клопский, Марфа Посадница и др.), а также понятия, формирующие культурные и ментальные концепты (вольность, вече, республика, самоуправление, «колыбель Российской государственности», ганзейский город, «Господин Государь Великий Новгород», потерявший независимость, губернский город русской провинции (начиная с XVIII в.), «кладовая русской культуры», открытой с началом археологических раскопок и т. д. и т. п.). Кажется удивительным, что применительно к хорошо изученной и ставшей общим местом самобытной истории Великого Новгорода статус Новгорода как текста еще не определен в полной мере. Описан богатейший литературный материал, связанный с Новгородской землей³, весь мир знает сюжеты, связанные с

¹ Давыдова А. В. Северный текст русской литературы для детей как компонент регионального содержания в школьном изучении // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 35–36. EDN: XXBEOT

² Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 24.

³ Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. 927 с.

Садко, архиепископом Иоанном, за ночь совершившим путешествие ко Гробу Господню, с Марфой Борецкой, описанной Н. М. Карамзиным, с разгромом Новгорода Иваном Грозным и др. Однако осмысление новгородского текста еще предстоит осуществить, а концептосферу этого текста – детально описать¹.

Выводы

Масштабы новгородского текста и северного текста различаются. Более того: *система исчисления* этих масштабов будет индивидуальной. Северный текст более связан с географическим фактором, он «пространен» в буквальном понимании: «Принципиальным представляется нам понимание Северного текста (и любого локального сверхтекста) не как жесткой замкнутой структуры, а как многоуровневой системы, живой и подвижной. Он не имеет строгих границ и способен вбирать в себя (или, при ином взгляде на процесс, – из него могут выделяться) другие тексты, описывающие менее крупные северные локусы, как городские (к примеру, Архангелогородский), так и региональные (Печорский, Вологодский, Поморский и проч.). Причем ареалы локусов (и соответствующие тексты) могут накладываться друг на друга, частично перекрывая один другой или сливаясь (как, например, Кольский и Поморский тексты). Таким образом, Северный текст можно рассматривать как систему текстов (субтекстов), в него входящих. В то же время сам Северный текст может быть рассмотрен в единстве с другими региональными сверхтекстами, по многим характеристикам принципиально близкими ему (такими, как Сибирский, Арктический и проч.), как часть более крупного сверхтекста»². Новгородский текст, в отличие от северного текста, масштабируется «вглубь», замыкаясь прежде всего на самом городе и его ближайшем монастырском окружении. Концепты новгородского текста, лишь при поверхностном рассмотрении не уникальные (за исключением единичных случаев) на фоне всех древних городов России, не могут соперничать с константами северного текста в экзотичности, «загадочности», «непривычности». При этом отсутствие природно-географической уникальности «компенсировано» в Новгороде небывалой сгущенностью смыслов локальных идентификаторов культуры повседневности и исторической перспективы. Новгород сам по себе представляет собой «культурный слой», навсегда вписанный во всемирное наследие человечества. Если северный текст существует самобытно-широко, то новгородский текст бытийствует в системе координат «верха и низа», будучи считываем (буквально – в артефактах археологических раскопок) «послойно». Следует признать, что Русская земля (Русь, Россия) являет систему локальных текстов, уникальных не только самих по себе, но и способом их прочтения и понимания, методами их описания и дешифровки.

¹ Терешкина Д. Б., Князева Т. С. Концептосфера новгородского текста: к постановке проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 2 (53). С. 291–298. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).291-298](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).291-298)

² Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 25.

Список литературы / References

Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики. *Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001, с. 3–123.

Bobrov A. G. Monastic book centres of the Novgorod republic. *Book centres of Ancient Russia. Northern Russian monasteries*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001, pp. 3–123. (In Russ.)

Булатов В. *Православные монастыри Русского Севера*. URL: <http://kenozetjelive.ru/bulатов-mons.html> (дата обращения: 31.08.2024).

Bulatov V. *Orthodox monasteries of the Russian North*. Available at: <http://kenozetjelive.ru/bulатов-mons.html> (accessed: 31.08.2024). (In Russ.)

Власова И. В. *Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения*. Москва: ИЭА РАН, 2015. 374 с.

Vlasova I. V. *Russian North: historical and cultural development and identity of the population*. Moscow: IEA RAN, 2015. 374 p. (In Russ.)

Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2012, № 1, с. 121–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (дата обращения: 31.08.2024). EDN: PFSBOB

Galimova E. Sh. The Northern text of Russian literature as a local supertext. *Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2012, no. 1, pp. 121–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (accessed: 31.08.2024). (In Russ.) EDN: PFSBOB

Герасимов М. К. *Словарь уездного череповецкого говора*. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1910. 111 с.

Gerasimov M. K. *Dictionary of uyezdnii Cherepovetsky local dialect*. St Petersburg: Tipografiia Akademii nauk, 1910. 111 p. (In Russ.)

Давыдова А. В. Северный текст русской литературы для детей как компонент регионального содержания в школьном изучении. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2016, № 4 (23), с. 34–45. EDN: XXBEOT

Davydova A. V. The Northern text of the Russian literature for children as the component of regional contents in school studying. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2016, no. 4 (23), pp. 34–45. (In Russ.) EDN: XXBEOT

Ключевский В. О. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. Москва: Наука, 1988. 509 с.

Kliuchevskii V. O. *Ancient Russian hagiographies of the saints as a historical source*. Moscow: Nauka, 1988. 509 p. (In Russ.)

Кошелев В. А. «Северный текст» в русской словесности. *Северный текст в русской культуре: материалы международной конференции (г. Северодвинск, 25–27 июня 2003 г.)*. Архангельск: Поморский университет, 2003, с. 5–12.

Koshelev V. A. 'Northern text' in Russian literature. Northern Text in Russian Culture: *Proceedings of the International Conference (Severodvinsk, 25–27 June 2003)*. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2003, pp. 5–12. (In Russ.)

Крылов М. П. *Региональная идентичность в Европейской России*. Москва: Новый хронограф, 2010. 235 с.

Krylov M. P. *Regional identity in European Russia*. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 235 p. (In Russ.)

Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. 927 с.

Novgorod region in Russian literature. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2009. 927 p. (In Russ.)

Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. Москва: Наука, 2001. 848 с.

Russian North: ethnic history and folk culture of the XII–XX century. Moscow: Nauka, 2001. 848 p. (In Russ.)

Рыжов К. В. Еще раз о смысле и значении понятий «Русь» и «Русская земля» в летописях XII–XIII веков. *Вопросы истории*, 2001, № 7, с. 137–143.

Ryzhov K. V. Once again about the meaning and significance of the concepts 'Rus' and 'Russian land' in the annals of the XII–XIII centuries. *Questions of History*, 2001, no. 7, pp. 137–143. (In Russ.)

Северный текст в русской культуре: материалы международной конференции (г. Северодвинск, 25–27 июня 2003 г.). Архангельск: Поморский университет, 2003. 272 с.

Northern text in Russian culture: Proceedings of the International Conference (Severodvinsk, 25–27 June 2003). Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2003. 272 p. (In Russ.)

Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. 410 с.

The Northern text as a logos form of being of the Russian North. Arkhangel'sk: IMIDZh-PRESS, 2017. 410 p. (In Russ.)

Северный текст русской литературы: сборник трудов конференции (г. Архангельск, 25–26 ноября 2021 г.), вып. 6: Автор – герой – читатель. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2022. 187 с. EDN: CGCZFN

Northern text of Russian literature: Proceedings of the conference (Arkhangel'sk, 25–26 November 2021), vol. 6: Author – character – reader. Arkhangel'sk: Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova, 2022. 187 p. (In Russ.) EDN: CGCZFN

Стефанович П. С. «Различались ли понятия «Русь» и «Русская земля»? (по новгородским и другим летописям XII – начала XIII в.)». *Доклад на «Историко-филологических чтениях (НГОМЗ, г. Великий Новгород, 2 августа 2024 г.)*. URL: <https://yandex.ru/video/preview/4286146504682353473> (дата обращения: 31.08.2024).

Stefanovich P. S. 'Were the concepts of "Rus" and "Russian land" different? (according to Novgorod and other annals of the XII – early XIII centuries)'. *Report at the 'Historical and Philological*

Readings' (Novgorod State Integrated Museum Reserve, Veliky Novgorod, 2 August 2024). Available at: <https://yandex.ru/video/preview/4286146504682353473> (accessed: 31.08.2024). (In Russ.)

Терешкина Д. Б., Князева Т. С. Концептосфера новгородского текста: к постановке проблемы. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2024, № 2 (53), с. 291–298. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).291-298](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).291-298)

Tereshkina D. B., Kniazeva T. S. The conceptsphere of the Novgorod text: to the problem statement. *Memoirs of NovSU*, 2024, no. 2 (53), pp. 291–298. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2\(53\).291-298](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.2(53).291-298)

Череповец, уездный город Новгородской губернии, и его уезд: Справочная книжка, вып. 1–17. Череповец: П. И. Шулятиков, 1894.

Cherepovets, an uyezd town of Novgorod province, and its uyezd: Reference book, vols. 1–17. Cherepovets: P. I. Shuliatikov, 1894. (In Russ.)

Шабаяев Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы. *Мир России. Социология. Этнология*, 2012, т. 4, № 4, с. 134–153. EDN: PEBAVX

Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. 'The Russian North': Cultural borders and cultural meanings. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 134–153. (In Russ.) EDN: PEBAVX

Сведения об авторе

Дарья Борисовна Терешкина – доктор филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>, terdb@mail.ru, Новгородский государственный университет (д. 41, ул. Б. Санкт-Петербургская, 173003 Великий Новгород, Россия); **Daria B. Tereshkina** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>, terdb@mail.ru, Novgorod State University (41, ul. B. Sankt-Peterburgskaia, 173003 Veliky Novgorod, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 04.10.2024.

The article was submitted 01.09.2024; Approved after reviewing 20.09.2024; Accepted for publication 04.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 137–144.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 137–144.

Научная статья

УДК 82-32

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-12>

EDN: EFVUAG

**Подвиг новомучеников и чудо в творческой истории рассказа
«Куликово поле» И. С. Шмелева
(к 150-летию со дня рождения И. С. Шмелева)**

Мария Юрьевна Трубицына

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
miutrubitsyna@chsu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению истории создания рассказа «Куликово поле» писателя русского зарубежья И. С. Шмелева. Особенностью духовного реализма Шмелева является документализм. Поэтому для решения поставленных задач привлекаются материалы переписки 1935–1946 гг. И. С. Шмелева с философом И. А. Ильиным. Проведенный сопоставительный анализ художественного произведения и писем Шмелева показывает, что реальные лица, перечисленные в письмах Шмелева, совершили христианский подвиг спасения честной главы преподобного Сергия Радонежского во время гонений в послереволюционной России. В статье также рассматривается чудо, которое в творчестве писателя становится предметом рационального и духовного исследования.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, духовный реализм, документализм, чудо, новомученик, преподобный

Для цитирования: *Трубицына М. Ю.* Подвиг новомучеников и чудо в творческой истории рассказа «Куликово поле» И. С. Шмелева (к 150-летию со дня рождения И. С. Шмелева) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 137–144. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-12>

**The feat of new martyrs and a miracle in the creative history of the narrative
‘Kulikovo Field’ by I. S. Shmelev
(to the 150th anniversary of I. S. Shmelev)**

Maria Yu. Trubitsina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
miutrubitsyna@chsu.ru

Abstract. The article considers the history of the narrative “Kulikovo Field” written by the Russian writer abroad I. S. Shmelev. The peculiarity of Shmelev's spiritual realism is documentaryism. Therefore, to achieve the objectives, the author of this article focuses on the correspondence between

© Трубицына М. Ю., 2024

I. S. Shmelev and the philosopher I. A. Ilyin in the period of 1935–1946. The comparative analysis of the Shmelev's fiction work and letters shows that the real people listed in Shmelev's letters performed the Christian feat of saving the honourable head of St. Sergius of Radonezh during the persecution in post-revolutionary Russia. The article also examines the miracle, which in the writer's work becomes the subject of rational and spiritual research.

Keywords: literature of the Russian diaspora, spiritual realism, documentaryism, miracle, new martyr, reverend

For citation: Trubitsina M. Yu. The feat of new martyrs and a miracle in the creative history of the narrative 'Kulikovo Field' by I. S. Shmelev (to the 150th anniversary of I. S. Shmelev). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 137–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-12>

Введение

Особенностью духовного реализма И. С. Шмелева, по мнению исследователя А. М. Любомудрова, является его документализм: персонажи и сюжеты многих книг предстают творчески переработанными образами и историями, взятыми из действительности людей и событий.

Сюжет рассказа «Куликово поле» (январь–февраль 1939 г. – февраль–март 1947 г.) развивается в России в 1925 году. В произведении повествуется о случае, произошедшем на Куликовом поле и в Сергиевом Посаде. Преподобный Сергей Радонежский в образе бедного, ничем не приметного старичка в сермяжной ряске входит в жизнь героев и вносит мир, тишину, успокоение среди «лихого неверного времени». Явление святого открывает героям красоту Божьего мира («даже сереньких мелочей»: подсолнечного масла, пшена, купленных героиней), утверждает в душах персонажей Царство Святой Троицы среди разрушенных и поруганных святынь.

Основная часть

Историю создания «Куликова поля» можно восстановить по переписке писателя И. С. Шмелева и философа И. А. Ильина, которая продолжалась с 1935 по 1946 гг.

В письме от 8 апреля 1937 г. Шмелев сообщает Ильину, что на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа он встретил некоего Васильчикова, который рассказал ему необычайный случай, участниками которого стали его родные в Советской России: «Полностью эта история не может быть пока раскрыта, так как связана с жизнями, там, в СССР. Но... тут, в этом кратком рассказе-факте – да!!! – уди-ви-тельном факте... такое, что... словом – “Благовестие”»¹.

В письме приводится фабула будущего рассказа, его название, упоминаются участники этих событий – родные Васильчикова: князь Ю. А. Олсуфьев, его жена, племянница и, главное, – преподобный Сергей Радонежский, который приносит Благовестие – крест с Куликова поля: «Рассказ будет называться – “Куликово поле”. Это один пункт. На самом К<уликовом> П<оле> зачинается не в 14 в., а... в первые годы большевизма. В имении, у Поля, в пустынности. И это – было! Истори-чески, с

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). Москва: Русская книга, 2000. С. 185.

опред^{енными} лицами. Там было имение Олсуф^{евых}. И этот Олс^{уфьев} – Юрий – его знают многие здесь, был собиратель стар^{инных} реликвий»¹.

В письме И. С. Шмелев обращает внимание, что чудесное посещение преподобного Сергия совершается, когда мощи святого уже находились в музее, но князь Олсуфьев все равно выступает как хранитель: «<...> далеко князь, – у Препод^{обного}, говор^{ят}, ютится... Домик купили, живут в заводинке, тихо; пристроился к этим делам... там муз-еи... святое там в музее, и мощи, говор^{ят}, косточки под стеклом, для показа... – (безб^{ожникам}) – хранитель князь...»² Шмелев ощущает важность полученного известия и свою ответственность: «И я связан. Но не написать не смею. Сохранится. Такое! Там – К^{уликово} П^{оле}, одоление ига тат^{арского} – Преп^{одобный} Сергей! – и – Обитель Угодника. Благостие. Ведь тут сама жизнь творит легенду»³.

Реальные лица, перечисленные в письме И. С. Шмелева, совершили христианский подвиг во время гонений на Церковь в послереволюционной России. Все они связаны с делом спасения честной главы преподобного Сергия Радонежского. Существует две версии событий: версия академика П. В. Флоренского, внука о. Павла Флоренского, и версия игумена Андроника Трубачева⁴.

В 2000 г. П. В. Флоренский выступил на Международных образовательных Рождественских чтениях с докладом «Как была сохранена честная глава преподобного Сергия»⁵. Согласно версии П. В. Флоренского, опасаясь уничтожения мощей преподобного Сергия, на Страстной неделе 1919 г. наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид (Любимов) и члены Комиссии по охране памятников искусства и старины лавры: о. Павел Флоренский, Ю. А. Олсуфьев, В. А. Комаровский, С. П. Мансуров, М. В. Шик тайно вошли в Троицкий собор и, помолвившись у раки, изъяли честную главу Преподобного, а на ее место положили голову погребенного в лавре одного из князей Трубецких. Главу поместили в ризницу, дав обет молчания, сохраненный до конца.

Вскрытие мощей состоялось 11 апреля 1919 г., затем мощи были помещены в музей на территории лавры. В 1920 г. лавра была закрыта, и Ю. А. Олсуфьев, поместив главу в дубовый ковчег, перенес ее в свой дом на Вальной улице в Посаде. В 1928 г. начались массовые аресты, ковчег со святыней закопали в саду Олсуфьевых. В 1941 г. дубовый ковчег был перенесен в дом племянницы Ю. А. Олсуфьева Е. П. Васильчиковой. Девушка также проходила по сергиево-посадскому делу, чудом избежала лагерей. Е. П. Васильчикова – последняя хранительница святыни. Из ее воспоминаний, записанных в 1991 г., известно, что во время хранения главы пре-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). Москва: Русская книга, 2000. С. 185.

² Там же.

³ Там же. С. 186.

⁴ Игумен Андроник (Трубачев). Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 430 с.

⁵ См.: Флоренский П. В., Шутова Т. А. Сокрытое чудо: святая тайна Лавры // Русский мир. 2000. № 1. С. 167–172.

подобного Сергия в их семье постоянно происходили чудеса, но они их не фиксировали: «[Чудеса] были, но я сейчас, честно сказать, не помню. Не были записаны. Постоянно были. Ярких не было, но проявления были. Ну, я была больна чахоткой 16 лет, я выздоровела. Потом масло. Были [чудеса], но записывать – ничего не записывали. Всякие были необыкновенные случаи. Вот с тем же арестом дяди Юрия и со всеми возможностями, которые появлялись, это все время шло, понимаете? Но писать мы ничего не могли»¹.

По версии игумена Андроника (Трубачева), доцента Московской духовной академии, монахи были выселены из лавры 3 ноября 1919 г. и поэтому не имели доступа к опечатанным храмам. Святейший Патриарх Тихон и наместник Кронид (Любимов) обратились за помощью к о. Павлу Флоренскому и графу Ю. А. Олсуфьеву. Как члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, они имели право входить в Троицкий собор. Поскольку целиком мощи скрыть было невозможно, было принято решение сокрыть главу преподобного Сергия. Замена главы преподобного Сергия была тщательно подготовлена и осуществлена предположительно 26–30 марта 1920 г.

В 1941–1945 гг. глава преподобного Сергия находилась под престолом храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в селе Виноградово под Москвой у схииеромандрита Илариона (Удодова), а после Великой Отечественной войны П. А. Голубцов переносит главу преподобного Сергия из храма на московскую квартиру Е. П. Васильчиковой. Летом 1945 – весной 1946 гг. Е. П. Васильчикова на машине отвозит главу преподобного Сергия Святейшему Патриарху Алексию I, а 20 апреля (?) 1946 г. глава преподобного Сергия была возвращена в открывшуюся Троице-Сергиеву лавру. Лавра была открыта на Пасху, 21 апреля 1946 г. Об этом торжестве не суждено было узнать никому из причастных к тайне сохранения главы преподобного Сергия. В 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой были расстреляны: 27 сентября – о. М. Шик, 5 ноября – В. А. Комаровский, 10 декабря – архимандрит Кронид (Любимов), 8 декабря – в Ленинграде расстрелян о. Павел Флоренский, 14 марта 1938 г. – в Бутове расстрелян Ю. А. Олсуфьев. Архимандрит Кронид (Любимов) причислен к новомученикам Российским и Собору Радонежских святых.

В эмигрантский период творчества Шмелева (повесть «Богомолье», роман «Пути Небесные», рассказ «Куликово поле») чудо становится предметом рационального и духовного постижения. В биографическом контексте можно проследить, как чудо совершается по Промыслу Божию для исцеления сомнений Шмелева и его спасения.

В письме И. А. Ильину от 7 апреля 1946 г. Шмелев еще раз возвращается к проблематике произведения и приходит к выводу, что «неясными путями» занятия по «теории вероятностей» вывели его на этот сюжет: «Незадолго перед этим я слышал достоверный – под клятвой! – рассказ человека, некоего Васильчикова (старинный

¹ Игумен Андроник (Трубачев). Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. С. 217.

род). <...> Когда создавал произведение, то трепетал и... плакал... <...> – (ощущал как бы присутствие) – перед Святыми»¹.

Писатель воспринимал тему рассказа как таинственный дар от Ольги Александровны, своей жены, которая скончалась 22 июня 1936 г. Друзья, писатели, И. А. Ильин, читатели поддерживали Шмелева, но письма передают, в каком тяжелом душевном состоянии находился Иван Сергеевич. 13 августа 1936 г. Шмелев обращается к Ильину: «Нет цели, нет воли жить. Работа – не могу думать, – для чего, кого? Я опустошен, и во мне все рассыпалось. Я теряю Бога. Ищу опоры, упора – нет его. Я в пространстве, в бесцельности. Что буду делать, не знаю»².

14 марта 1937 г. Шмелев ищет поддержки у своего друга-философа, пытается молиться: «Молось, силось молить: Господи, покажи, даруй, самый, самый слабейший отсвет Неба Твоего, да укреплюсь»³.

20 марта 1937 г. Шмелев действительно получает ответ на свою молитву, меняется тональность его писем, таинственный знак доказывает, что связь между земным и небесным существует: «<...> А я вот принимаю **чудо** – как естество! Ибо теперь мы восставшим мертвым не поверим, как сказано. <...> Так вот, мне был дар, от Оли моей. Иначе не разумею. И еще – третий дар, там же – “Нездешняя” – все в один и тот же день, там»⁴.

Внутренние страдания и борения одинокого писателя в сложный период его жизни преломились в мистической проблематике «Куликова поля» в изображении чуда как момента соприкосновения двух миров.

Религиозное сомнение в свершившемся чуде для героев «Куликова поля» становится толчком к обретению прочной веры, и как это ни парадоксально, именно вполне научное стремление удостовериться в объективности чуда является одним из свойств истинного христианина. «<...> Именно религиозно-верующие люди должны проявлять в вопросах чуда повышенную и глубоко продуманную осторожность, – утверждал И. А. Ильин. – Им особенно драгоценно удостоверение – и подлинности самого события, и его необъяснимости естественными причинами, им необходимо установить с несомненностью, что состоялось вмешательство сверхъестественных сил, и, главное, что эти сверхъестественные силы имели божественное происхождение. <...> И если действительно необъяснимое событие состоялось, то он из религиозной осторожности и скромности предпочтет лучше не разглашать истинное чудо, чем разглашать мнимое, ложное...»⁵. Ильин раскрыл сам механизм восприятия чудесного, и в отношении к чуду героев Шмелева доминантой является один из этапов. Для рассказчика важнее всего процесс «удостоверения в подлинности» – исследование чуда.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). Москва: Русская книга, 2000. С. 407.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. Москва: Рарог, 1993. Т. 1. С. 169.

Явление преподобного Сергия Радонежского лесному объездчику князя Олсуфьева Василию Сухову принимается им «благоговейно, детски-доверчиво; он «не истолковывал, не пытался ощупать, а принимал как сущее, «в себе скрытое»¹. Рассказчик понимает, что Сухов «верил в посланное ему явление. Скромность и сознание недостойности своего не позволяли ему свидетельствовать об этом явно»².

Преподобный Сергей относит старинный крест, найденный Василием Суховым, в Сергиев Посад, в дом профессора Среднева, и внутреннее возрождение рассказчика происходит, когда он понимает, что встреча на Куликовом поле и в Сергиевом Посаде – одновременные события (в субботу, 7 ноября и 25 октября по церковному календарю), т. е. в Дмитриевскую родительскую субботу, установленную в память о воинах, павших в Куликовской битве: «<...> две субботы слились теперь в одну, так поразительно совпали, такие разные! Два празднования: там – и здесь, Неба – и земли. Света – и тьмы»³.

Преподобный Сергей, исполняя волю Небесного Отца, приносит героям и дары Святой Троицы. Главный дар – это Благодать Святого Духа.

Духовное состояние человека, стяжавшего Благодать Святого Духа, описано в беседе преподобного Серафима Саровского Чудотворца с Н. А. Мотовиловым⁴. Это свет, исходящий от их лиц, тишина и мир в душе, необыкновенная радость в сердце и теплота.

Каждый из прикоснувшихся к чуду в «Куликовом поле» получает Благодать Святого Духа, но каждый по-своему, поскольку степени ее различны и определяются силой веры воспринимающего: «Если небольшая Благодать, то в душе мир, и чувствуется любовь ко всем, если Благодать больше, то в душе свет и радость велика, а если еще больше, то тело ощущает Благодать Святого Духа»⁵. Небольшую Благодать получает Среднев: он переживает крах своего рационального мировосприятия, ему тепло, уютно, охватило «чувство безмятежного покоя»⁶. Больше Благодати даруется Василию Сухову и рассказчику: «Несказанное чувство переполнения, небывалой и вдохновенной радости, до сладкой боли в сердце, чувство освобождения»⁷. Еще больше Благодати изливается в сердце Оли, глубоко верующей дочери Среднева, иконописицы: она стала «радостно-просветленной, будто сияние от нее»⁸.

«Я уже не сознавала себя, какой была, будто я стала другой, вне обычного – земного... будто я – уже не “я”, а... душа... моя», – признается Оля⁹. Благодать Святого

¹ Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Русская книга, 1998. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. С. 140.

² Там же.

³ Там же. С. 163.

⁴ Беседа старца Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. Москва, 1991. 32 с.

⁵ Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Русская книга, 1998. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. С. 194.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Там же. С. 156.

Духа обновляет человека. Оле «открылось, что – все живое, все – есть: будто пропало время, не стало прошлого, а все – есть!»¹ – чудесным чувством вечной жизни осветилась ее вера: «Понимаете, все живет! У Господа ничто не умирает, а все есть! Нет утрат... всегда, все живет»².

Крест, найденный на Куликовом поле, связывает Небо и Землю: Небесная Правда, Высшая Воля, чувство священного благоговения (страха Божия) становится самым главным в судьбе героев.

Выводы

Рассказ «Куликово поле» занимает особое место в духовном и творческом пути И. С. Шмелева. В создании произведения существенную роль сыграли различные факторы: переписка с философом И. А. Ильиным, страдания одинокого писателя, информация о чуде, полученная от русского эмигранта, поиски ответа на вопрос о смысле революционных потрясений, стремление обрести твердую веру.

Переписка И. С. Шмелева с И. А. Ильиным является ценным источником постижения внутреннего делания писателя, где вера еще не результат и основа будущего текста, а процесс, отличающийся динамикой, напряженностью, борением души. Отношение к чуду героев рассказа отражает весь комплекс переживаний от встречи с чудом биографического автора.

Исторические параллели в произведении Шмелева показывают, что традиция не прерывается: в Святой Руси как в XIV в., во времена преподобного Сергия Радонежского, так и в XX в., в эпоху гонений, христианский подвиг и чудо остаются важнейшими двигателями общественной и культурной жизни.

Список литературы / References

Андроник (Трубачев) игумен. *Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг.* Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 430 с.

Andronik (Trubachev) hegumen. *The Closing of The Trinity Lavra of St. Sergius and the Fate of the Relics of St. Sergius of Radonezh in 1918–1946.* Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2008. 430 p. (In Russ.)

Беседа старца Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. Москва: Русская книга, 1991. 32 с.

The conversation of Saint Seraphim with Nicholas Motovilov about the purpose of Christian life. Moscow: Russkaia kniga, 1991. 32 p. (In Russ.)

Ильин И. А. *Аксиомы религиозного опыта: в 2 т.* Москва: Рарог, 1993.

Il'in I. A. *Axioms of religious experience: in 2 vols.* Moscow: Rarog', 1993. (In Russ.)

¹ Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Русская книга, 1998. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. С. 157.

² Там же. С. 158.

Ильин И. А. *Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946)*. Москва: Русская книга, 2000. 573 с.

Il'in I. A. *Collected words: Correspondence of two Ivans (1935–1946)*. Moscow: Russkaia kniga, 2000. 573 p. (In Russ.)

Флоренский П. В., Шутова Т. А. Сокрытое чудо: святая тайна Лавры. *Русский мир*, 2000, № 1, с. 167–172.

Florenskii P. V., Shutova T. A. *The hidden miracle: the holy mystery of Lavra*. *Russian World*, 2000, no. 1, pp. 167–172. (In Russ.)

Шмелев И. С. *Собрание сочинений: в 5 т.* Москва: Русская книга, 1998. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. 510 с.

Shmelev I. S. *Collected works: in 5 vols*. Moscow: Russkaia kniga, 1998. Vol. 2. Entrance to Paris: Stories. Memories. Publicistics. 510 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Мария Юрьевна Трубицына – кандидат филологических наук, доцент; miutrubitsyna@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Maria Yu. Trubitsina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, miutrubitsyna@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 23.04.2024.

The article was submitted 26.03.2024; Approved after reviewing 09.04.2024; Accepted for publication 23.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 145–152.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 145–152.

Научная статья

УДК 81-26

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-13>

EDN: EHAJAA

Неметафорическая метафора в интернет-дискурсе (на примере русского и английского спортивного интернет-блога)

Мария Александровна Ульянова^{1✉}, Татьяна Игоревна Панина²

^{1,2}Ижевская государственная медицинская академия,
Ижевск, Россия,

^{1✉} ulyanovamaryya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4077-6311>

² tipanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

Аннотация. Сегодня одной из задач лингвистики является изучение когнитивной метафоры, особенностей использования метафорических моделей в интернет-дискурсе. Это определяет актуальность данной статьи, в которой рассматривается нефразеологическая метафорическая модель и ее использование в интернет-дискурсе. Целью статьи является изучение основных типов метафорической модели в спортивном интернет-блоге. Изучение осуществляется при помощи метода сплошной выборки, сопоставительного метода и метода контекстуального анализа.

Ключевые слова: фрейм, слот, метафорическая модель, частотность использования метафорической модели, продуктивность использования метафорической модели

Для цитирования: Ульянова М. А., Панина Т. И. Неметафорическая метафора в Интернет-дискурсе (на примере русского и английского спортивного Интернет-блога) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 145–152. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-13>

Non-metaphorical metaphor in Internet discourse (by the example of Russian and English sport Internet blogs)

Mariia A. Ulyanova^{1✉}, Tatiana I. Panina²

^{1,2}Izhevsk State Medical Academy,
Izhevsk, Russia,

^{1✉} ulyanovamaryya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4077-6311>

² tipanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>

Abstract. Today one of the tasks of linguistics is to study cognitive metaphors and the features of metaphorical models in Internet discourse. It determines the topicality of the article, which examines the non-phraseological metaphorical model and its use in Internet discourse. The aim of the article is to identify the main types of metaphorical model in an Internet sports blog. The study is carried out by applying continuous sampling method, comparative method and method of contextual analysis.

Keywords: frame, slot, metaphorical model, frequency of metaphorical model use, model productivity

For citation: Ulyanova M. A., Panina T. I. Non-metaphorical metaphor in Internet discourse (by the example of Russian and English sport Internet blogs). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 145–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-13>

Введение

В современной лингвистике представляет интерес изучение когнитивной метафоры. В данной статье проводится сравнительный анализ использования нефразеологической метафоры в русском и английском спортивном интернет-дискурсе, в частности в спортивном интернет-блоге.

Объектом исследования является спортивный интернет-блог. Предмет исследования – нефразеологическая метафора. Цель работы заключается в изучении и анализе качественных и количественных параметров нефразеологической метафоры в русскоязычном и англоязычном спортивном интернет-блоге. Материалом для исследования послужили 100 единиц русского и английского интернет-блога.

Основная часть

Нефразеологическая метафора является когнитивно-стилистическим средством изучения категории эмотивности. Когнитивную теорию метафоры разработали Дж. Лакофф и М. Джонсон (80–90-е гг. XX в.). Согласно данной теории, метафора определяется как «основная ментальная операция, основной способ познания, оценки и объяснения мира»¹. Развитие этой теории представлено в публикациях А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова², Ю. Б. Феденевой³, А. П. Чудинова⁴ и других исследователей.

Изучением метафорической модели в дискурсе занимались такие исследователи, как Н. Д. Арутюнова⁵, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова⁶, И. М. Кобозева⁷, А. В. Степаненко⁸ и др.

¹ Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Москва: УРСС, 2004. 256 с.

² Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. Москва: ИРЯ, 1991. 193 с.

³ Феденева Ю. Б. Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 1997. С. 179–187.

⁴ Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 5–32.

⁶ Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Москва: РАН ИНИОН, 2000. С. 5–13. EDN: LAGOEJ

⁷ Кобозева И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ. Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Москва: Гардарики, 2001. 477 с.

⁸ Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). Москва: ЖАР, 2002. 211 с.

А. П. Чудинов рассматривает метафорическую модель как «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений»¹.

За основу представленного анализа нефразеологической метафоры была взята классификация метафорических моделей А. П. Чудинова, которая состоит из фреймов и слотов.

Фрейм определяется как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом...»².

Фрейм состоит из слотов. Слоты характеризуются как «элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма»³.

В ходе анализа нефразеологической метафоры также была изучена частотность использования метафорических моделей (количество примеров с использованием нефразеологической метафоры в рамках одной фреймо-слотовой структуры) и продуктивность использования метафорических моделей (количество фреймо-слотовых структур).

В русском и английском спортивном блоге было изучено 4 субсферы («Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты»), которые отличаются по своей фреймо-слотовой структуре. При анализе нефразеологической метафорической модели используется метод параллельного сопоставительного исследования, когда метафорические модели в русском и английском спортивном блоге объединены одной субсферой метафорического использования.

Изучим использование нефразеологической метафорической модели в русском и английском спортивном блоге. В ходе анализа в русском спортивном блоге было выделено 4 субсферы, 24 фрейма, 24 слота, в английском спортивном блоге – 2 субсферы, 10 фреймов, 10 слотов. Рассмотрим примеры.

1. Субсфера «Человек» (антропоморфная метафора) представлена физиологической и морбиальной метафорическими моделями.

1.1. Физиологическая метафорическая модель является высокочастотной моделью и при описании действий спортивных команд выражена следующими фреймо-слотовыми структурами в русском и английском спортивном блоге:

1.1.1. Фрейм «Физиологические органы» (слот «Мозг и его метонимические заместители (голова, череп как «вместилище» мозга)): *высушить мозг, вымывать остатки мозгов.*

1.1.2. Фрейм «Физиологические органы» (слот «Органы перцепции (глаза, уши, нос, язык, а также зубы)): *видеть невооруженным глазом.*

¹ Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 15.12.2023).

² Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Московский государственный университет, 1996. 248 с.

³ Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. Москва: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

1.1.3. Фрейм «Физиологические органы» (слот «Руки»): *воздевали руки к небу*.

1.1.4. Фрейм «Физиологические действия» (слот «Питание, пищеварение и смежные процессы»): *поедать защитников, наедаться игроком досыта*.

1.1.5. Фрейм «Физиологические процессы» (слот «Дыхание») представлен в английском блоге, где отношение к клубу выражается метафорической единицей *live and breath Liverpool*.

1.1.6. Фрейм «Органы психики» (слот «Сердце»): *бойцовский дух, play with heart*.

1.1.7. Фрейм «Органы психики» (слот «Нервная система, нервы»): *не выдержали нервы, стоило нервов, из уст вырывается нервный смехок*.

1.2. Морбиальная метафорическая модель является среднечастотной моделью и представлена следующими фреймами в русском спортивном блоге:

1.2.1. Фрейм «Диагноз» (слот «Физические болезни»). Действия спортивной команды ассоциируются с метафорическими единицами, характеризующими физические болезни: *лихорадить, болеть (за команду), отдавать силы, жизнь парализована*.

1.2.2. Фрейм «Диагноз» (слот «Психические болезни»). Спортивные действия образно представляются как психические болезни: *приступ героизма, заразительное сумасшествие, бредит футболом, тяжелый психологический груз, плачевный диагноз*.

2. Субсфера «Социум» (Социальная метафора) представлена военной (военной), спортивной (игровой), экономической и театральной метафорическими моделями.

2.1. Милитарная (военная) метафорическая модель выражена следующими фреймово-слововыми структурами в русском и английском спортивном блоге:

2.1.1. Фрейм «Война и ее разновидности». Спортивная действительность представляется как *подвиг команды, сражение, атака, битва, бойня; battle, war, fight*.

2.1.2. Фрейм «Организация военной службы» (слот «Специализация воинов»). В русском спортивном блоге для описания игроков используются следующие номинации: *вратарь-триумфатор, бойцы, снайперы чемпионата, сбитые летчики*.

2.1.3. Фрейм «Военные действия и вооружение» (слот «Военные действия»). В спортивном блоге игровые действия метафорически ассоциируются с боевыми действиями: *высеребрить атаки, оглушить мир победой, вырывать победу, расписаться в собственной профнепригодности; battle out*.

2.1.4. Фрейм «Начало войны и ее итоги» (слот «Начало и завершение военных действий») выражается номинацией *defeat*.

2.2. Спортивная (игровая) метафорическая модель является высокочастотной моделью и включает следующие фреймо-слововые структуры в русском и английском спортивном блоге:

2.2.1. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований» (слот «Фавориты, лидеры и аутсайдеры»). Игроки спортивных команд метафорически ассоциируются с такими номинациями, как *король футбола, плац Супермэна, шестерка; football legend, hero, the title of being 'King'*.

2.2.2. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований» (слот «Победитель, призеры и неудачники»). После окончания игры авторы блогов используют

метафорические единицы для описания победителей и проигравших, а также их деятельность: *Лига-чемпионов, диспетчер-созидатель, наколотить мячей, достигать высот, блеснуть* (об игроках), *поразить ворота соперника, провалить сезон, повесить бутсы на гвоздь*.

2.2.3. Фрейм «Виды игры и спорта» используется в русском блоге и представлен в таких номинациях, как *зарисовки из истории футбола, пульс и почерк полузащиты, игровой почерк, путевка в следующую стадию, черед несчасть*.

2.2.4. Фрейм «Правила игры и наказания» (слот «Правила игры»). В каждой игре есть свои правила, как и в футболе. Данные правила представлены следующими метафорическими единицами: *козырь команды, закат* (Лиги), *валом ломануться на стадион, стричь очки, отправить мяч в ворота, обокрасть мяч, прививать футбольную философию; scramble the ball in, feeds the ball across the goal*.

2.2.5. Фрейм «Правила игры и наказания» (слот «Наказания спортсменов»). Данная фреймо-слотовая структура выражена следующими метафорами: *вылететь в секунду, быть изгнанным с поля, потушить очаг пламени профессионализма; red card, lost a player*.

2.3. Экономическая метафорическая модель является среднечастотной моделью и включает следующие фреймо-слотовые структуры в русском спортивном блоге:

2.3.1. Фрейм «Экономические операции, совершаемые с товаром» (слот «Купля-продажа товара»): *разбрасываться деньгами и тренерами, проиграть в деньгах*.

2.3.2. Фрейм «Товар и его качественные характеристики» (слот «Стоимость товара»): *игрок без потолка зарплат*.

2.4. Театральная метафорическая модель также является среднечастотной моделью и выражена следующими фреймо-слотовыми структурами в русском и английском спортивном блоге:

2.4.1. Фрейм «Люди театра» (слот «Участники спектакля»). Для описания игроков используются такие метафорические единицы, как *пианист, дирижер, клоун; showman*, а для описания спортивной игры – *демонстрировать партитуру концерта Рахманинова*.

2.4.2. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления» (слот «Жанр представления»). Спортивная игра метафорически ассоциируется с *футбольным шоу, элементом шоу, драмой; show*.

2.4.3. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления» (слот «Вид зрелища»). Спортивная игра сравнивается с такими единицами, как *цирк уродов, симфония*.

3. Субсфера «Природа» представлена зооморфной (зоонимической) метафорической моделью.

3.1. Зооморфная метафорическая модель является низкочастотной моделью и выражена в русском спортивном блоге фреймом «Действия животных» (слот «Агрессивные действия»). Спортивные события метафорически описываются как агрессивные действия животных: *лягнуть соккер, рычать, клевать* (об игроках).

4. Субсфера «Артефакты» представлена механистической метафорой (метафорой механизма) и метафорой дома, которые являются низкочастотными моделями.

4.1. Механистическая метафорическая модель выражена фреймом «Управление механизмом»: *убрать стопу с педали газа, человек-авария, загудеть* (о болельщиках).

4.2. Метафора дома представлена фреймом «Строительство, ремонт и разрушение дома» (слот «Строительство дома»): *строить команду, копнуть поглубже*.

Выводы

В результате настоящего исследования были выделены физиологическая, морбиальная, милитарная (военная), спортивная (игровая), экономическая, зооморфная, механистическая метафорические модели и метафора дома.

Нефразеологическая метафора в русском спортивном блоге составила 81 единицу (4 субсферы, 24 фрейма, 24 слота). Была изучена частотность использования нефразеологической метафорической модели: физиологическая, спортивная (игровая), милитарная (военная) метафоры являются высокочастотными метафорическими моделями, морбиальная, экономическая и театральная метафоры – среднечастотными моделями, зооморфная, механистическая метафоры и метафора дома – низкочастотными моделями.

В русском блоге также была проанализирована категория продуктивности использования нефразеологической метафорической модели: физиологическая, спортивная (игровая), милитарная (военная) метафоры являются высокопродуктивными метафорическими моделями, театральная, морбиальная и экономическая метафоры – среднепродуктивными моделями, зооморфная, механистическая метафоры и метафора дома – низкопродуктивными моделями.

Нефразеологическая метафора в английском спортивном блоге составила 38 единиц (2 субсферы, 10 фреймов, 10 слотов). Анализ использования нефразеологической метафоры показал, что спортивная (игровая) и физиологическая метафоры являются высокочастотными метафорическими моделями, милитарная (военная) и театральная метафоры – среднечастотными моделями.

В английском блоге были выделены высокопродуктивные метафорические модели (милитарная (военная) и спортивная (игровая) метафоры) и среднепродуктивные метафорические модели (физиологическая и театральная метафоры).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что спортивная деятельность человека в интернет-дискурсе осмысливается участниками коммуникации с точки зрения таких субсфер, как «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты». Выделенные нефразеологические метафорические модели наиболее характерны для спортивного интернет-блога. За рамками исследования остался комментарий к спортивному интернет-блогу. Также интерес представляет дальнейшее изучение использования метафорических моделей в разных жанрах спортивного интернет-дискурса.

Список литературы / References

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*. Москва: Прогресс, 1990, с. 5–32.

Arutiunova N. D. Metaphor and discourse. *Metaphor theory*. Moscow: Progress, 1990, pp. 5–32. (In Russ.)

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. *Русская политическая метафора. Материалы к словарю*. Москва: ИРЯ, 1991. 193 с.

Baranov A. N., Karaulov Ju. N. *Russian political metaphor. Materials for the dictionary*. Moscow: IRIA, 1991. 193 p. (In Russ.)

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. *Словарь русских политических метафор*. Москва: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Baranov A. N., Karaulov Ju. N. *Dictionary of Russian political metaphors*. Moscow: Pomovskii i partnery, 1994. 330 p. (In Russ.)

Кобозева И. М. *Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ. Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Москва: Гардарики, 2001. 477 с.

Kobozeva I. M. *Pragmatic approach to the identification of metaphor in political discourse of mass media. Mass media language as an object of interdisciplinary research*. Moscow: Gardariki, 2001. 477 p. (In Russ.)

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Московский государственный университет, 1996. 248 с.

Kubriakova E. S., Dem'iankov V. Z., Pankrats Ju. G., Luzina L. G. *Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1996. 248 p. (In Russ.)

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор). *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты*. Москва: РАН ИНИОН, 2000, с. 5–13. EDN: LAGOEJ

Kubriakova E. S. On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (Review). *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects*. Moscow: RAN INION, 2000, pp. 5–13. (In Russ.) EDN: LAGOEJ

Лакофф Дж. *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: УРСС, 2004. 256 с.

Lakoff G. *Metaphors we live by*. Moscow: URSS, 2004. 256 p. (In Russ.)

Степаненко А. В. *Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков)*. Москва: Издательство ЖАР, 2002. 211 с.

Stepanenko A. V. *Linguocognitive peculiarities of metaphor functioning in political discourse (based on the Russian and German languages)*. Moscow: Izdatel'stvo ZhAR, 2002. 211 p. (In Russ.)

Феденева Ю. Б. Функции метафоры в политической речи. *Художественный текст: Структура, семантика, прагматика*. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 1997, с. 179–187.

Fedeneva Ju. B. Functions of metaphor in political speech. *Fictional text: Structure, semantics, pragmatics*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, pp. 179–187. (In Russ.)

Чудинов А. П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 15.12.2023).

Chudinov A. P. *Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Сведения об авторах

Мария Александровна Ульянова – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0009-0000-4077-6311>, ulyanovamarya@yandex.ru, Ижевская государственная медицинская академия (д. 281, ул. Коммунар, 426034 Ижевск, Россия); **Mariia A. Ulyanova** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0009-0000-4077-6311>, ulyanovamarya@yandex.ru, Izhevsk State Medical Academy (281, ul. Kommunarov, 426034 Izhevsk, Russia).

Татьяна Игоревна Панина – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>, tipanina@mail.ru, Ижевская государственная медицинская академия (д. 281, ул. Коммунар, 426034 Ижевск, Россия); **Tatiana I. Panina** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-0743-1391>, tipanina@mail.ru, Izhevsk State Medical Academy (281, ul. Kommunarov, 426034 Izhevsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.

The article was submitted 05.03.2024; Approved after reviewing 10.04.2024; Accepted for publication 24.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 153–164.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 153–164.

Научная статья

УДК 811

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-14>

EDN: EJVJTR

**О некоторых структурных аспектах итерации
как средства номинации в русскоязычном субстандарте
(в сопоставлении с английским)**

Мария Викторовна Чуева

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

maria.sheleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2139-3993>

Аннотация. В субстандарте английского языка отмечается способ структурно отмеченной номинации, состоящий в повторении фонеморфологических элементов или фрагментов слов, частично пересекающийся с понятием редупликации, но более широкий по охвату. В данной работе сделана попытка описать и более подробно, чем в предшествующих работах, классифицировать разнообразие аналогичных механизмов в русскоязычном сленге в целом (а не в отдельных подязыках) в сопоставлении с таковыми в английском. Материалом стали соответствующие по форме единицы, извлеченные методом сплошной выборки из двух словарей.

Ключевые слова: субстандарт, сленг, номинация, итерация, редупликация, аллитерация, рифмование

Благодарность: Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Г. Н. Чиршевой.

Для цитирования: Чуева М. В. О некоторых структурных аспектах итерации как средства номинации в русскоязычном субстандарте (в сопоставлении с английским) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 153–164. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-14>

**On structural aspects of iteration as a means of nomination
in the Russian substandard
(comparing to the English substandard)**

Maria V. Chueva

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

maria.sheleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2139-3993>

Abstract. In the English substandard, there is a structurally marked means of nomination consisting in repetition of phonomorphological elements or word parts and partly covered by reduplication. The article aims to provide the variety of similar mechanisms in Russian slang as a whole (rather than

individual sublanguages) in comparison with those in English in more detail than in previous works. The author analyses all the units, taken from two dictionaries by continuous sampling method.

Keywords: substandard, slang, nomination, iteration, reduplication, alliteration, rhyming

Acknowledgments: The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor G. N. Chirsheva.

For citation: Chueva M. V. On structural aspects of iteration as a means of nomination in the Russian substandard (comparing to the English substandard). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 153–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-14>

Введение

Языковой субстандарт представляет собой наиболее живую, подвижную и вместе с тем экспрессивную часть языка. Реализуясь преимущественно в устной речи, он в значительной мере ориентирован на звучание. В связи с этим возникает интерес к значимым звуковым повторам, выявляемым в пределах различных номинативных единиц, слов и устойчивых сочетаний: итерации и смежных с ней явлений. Такие повторы, охватывающие отдельные звуки, слоги, морфемы или слова / словоформы, могут составлять характерное средство субстандартной номинации. Целью работы является рассмотрение существующих механизмов реализации повтора (итерации – по определению В. П. Коровушкина)¹ в процессах субстандартной номинации русского языка и выявление, по возможности, аналогичных явлений в субстандарте английского языка, а также предварительный анализ таких аналогий.

Основным материалом послужили итеративы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей Д. И. Квеселевича² и Р. Спирса³, а также отдельные личные наблюдения. Затем они подразделяются на подгруппы на основе длины и места повтора, его соотносительности с морфологической структурой рассматриваемой единицы, дается количественный анализ, делается попытка проанализировать и систематизировать такие повторы, выявить их роль в процессе номинации, положение в системе номинативных средств.

Основная часть

Повтор как прием формообразования и номинации, а также выразительности широко распространен и может быть отнесен к наиболее древним. Он существует на любом уровне языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, семантическом, синтаксическом. Частным случаем повтора является итерация, понимаемая нами в данной работе как значимый повтор звуков или цепочек звуков любой длины, от отдельного звука до слова (словоформы), который, в зависимости от особенностей конкретного языка, может быть средством как формообразования, так и вто-

¹ Повторения слов, фрагментов слов, фономорфологических элементов, звуков см.: Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. С. 347.

² Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. Москва: Астрель; АСТ, 2003. 1021 с.

³ Spears R. A. Slang and euphemism. Dictionary. New York: Jonathan David Publishers, 1981. 448 p.

ричной или первичной номинации. Объединяются созвучием как элементы, существующие независимо, так и связанные, не существующие вне итератива. Таким образом, под описание попадает широкий спектр явлений, результаты которых могут быть представлены как словами, так и устойчивыми сочетаниями.

Итерация в значительной мере пересекается с понятием редупликации, однако является более широким относительно последнего явлением, включающим также образования с рифмой и аллитераты¹ (представленные в том числе фразеологизмами) и случаи первичной номинации. Всего для анализа было отобрано 270 единиц русского языка².

Начнем рассмотрение различных подтипов итерации с наиболее кратких и наименее мотивированных – «коротких повторов». Сюда относим *bolo-words* (повтор звука, обычно гласного, перемежаемого вставными согласными / гласными; дополнительным критерием для отграничения случайных созвучий называется семантическое сходство с редупликацией в привычном понимании)³, а также слова-повторы / силлабические редупликаты⁴ (слова, образованные двукратным, реже – трехкратным повтором одного слога, выбранного произвольно или мотивированно).

К первым можно отнести *a-ta-ta*, *o-xo-xo*, *тю-тю-тю* / **у-тю-тю*. В пользу их статуса в качестве отдельных слов говорит их способность приобретать новые значения (междом. *a-ta-ta* > сущ. *сделать атата*) и быть основой дальнейшего словообразования (*ататашки*, *охохонюшки*). Аналогией в английском отдаленно может быть *googaw* / *geegaw*, что, впрочем, не исключает существования более близких слов.

Ко вторым относятся слова-повторы с произвольной основой, например, *тю-тю*, *кака* / *саса*, *вась-вась*, *ай-ай-ай*, *бу-бу-бу* / *boo-boo* / *bubu* (в наших примерах всего 17). Хотя изначально такие звуковые комплексы не мотивированы, их значение, по замечанию О. Н. Трубачева⁵, закрепляется узусом, как, например, в случае широко распространенных *мама*, *тятя* и т. д., хотя их значение может несколько разниться от языка к языку. Близки, а в отдельных случаях неотличимы от них, мотиви-

¹ Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. С. 347–350.

² Заявленный объем словника составляет 16 000 слов и 4 000 фразеологических единиц. Для сравнения, в словаре Р. Спирса отмечено 815 итеративов из заявленных 17 500 единиц.

³ Thun N. Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally: PhD theses. Uppsala, 1963. 347 p. – прив. По: Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2004. С. 17.

⁴ Долинин К. А. Стилистика французского языка. Москва: Просвещение, 1987. С. 195; Минова М. В., Копылова Е. В., Кузнецова Ю. А., Николаева Е. А., Желамская В. А. Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках // Филология: научные исследования. 2023. № 4. С. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40020 (дата обращения: 08.01.2024). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40020>

⁵ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 193–197.

рованные слова-повторы на основе звукоподражания (ономатопеи): *ку-ку / соскоо, бу-бу-бу / booh-booh, би-би, ням-ням* (всего 8).

Особенностью русского языка как флективного является возможность переосмысления гласного последнего открытого слога (-а; реже -у) как окончания I склонения; ударение в таком случае тяготеет к предпоследнему слогу: *вава / вавы, крутить жужу / жужа*.

Следующая большая и довольно подробно изученная группа представлена различными подвидами редупликативов, имеющих в большинстве случаев дефисное написание. При повторе звуки могут чередоваться. Случаи с чередованием гласного чаще всего называют редупликацией апофонической (apophonic), аблаутивной (ablaut reduplication, ablautbildungen), аллитеративной (Stabreim)¹, хотя их связь как с аблаутом, так и с аллитерацией весьма сомнительна². Им часто приписывают семантику неопределенности, неустойчивости, колебания признака³. Такие образования широко распространены⁴, в частности в английском, и относительно редки в русском (возможно, ограничены заимствованиями). Наиболее частыми называют чередования [и] ~ [а] ([i] ~ [æ]) и [и] ~ [о] ([i]~[ɔ]): *prittle-prattle, riff-raff, тук(у)-так; flip-flop, Niggers-noggers!*, *бим-бом, фик-фок, тун-мон*, прочие редки⁵. Тем не менее находим: *канконы, балабол / балабон, аля-улю*.

Большинство вышеприведенных итеративов ассоциируются с детской речью и имеют соответственно шутливую, ласкательную или пренебрежительную окраску. Таким образом, итерация может, с одной стороны, снижать стилистику сходно нейтрального или литературного слова, или, наоборот, повышать слово, изначально инвективное, до сленга.

Согласные и их сочетания варьируются обычно в начале объединяемых / удваиваемых элементов⁶, из-за чего данное явление ассоциируют с рифмой и называют рифмованной редупликацией (*бараба, тарарам <* там-тарарам; тж. чик-брик, тыр-пыр / *тыр-пыр-дыр* (всего 3), в англ., напр., *bugaboo, muh-fuh*). В русском встретились также слова, образованные сходными слогами, различающимися конечным согласным (т. е. повтор слога с чередованием конечного согласного: *бажбан, баибан <? башка, куркуль, долдон, кашкар*; наращением приставки и окончания

¹ Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. De Gruyter Mouton, 2013. P. 149; Eckhardt E. Reim und Stabreim im Dienste der neuenglischen Wortbildung // Englische Studien, Band 72. Leipzig, 1937. S. 161–191.

² Подробнее об этом см.: Eckhardt E. Reim und Stabreim im Dienste der neuenglischen Wortbildung // Englische Studien, Band 72. Leipzig, 1937. S. 161–191; Koziol H. Zu der Reim- und Ablautbildungen im Englischen // Englische Studien, Band 73. Leipzig, 1938. S. 158–159.

³ Там же.

⁴ Jespersen O. F. Modern English Grammar on historical principles. London, 1954. Part 6. P. 173–174. <https://doi.org/10.4324/97800203715925>

⁵ В английском также отмечаются отдельные случаи трехчленных редупликативов: *bim-bam-bum*. См.: Jespersen O. F. Modern English Grammar on historical principles. London, 1954. Part 6. P. 179. <https://doi.org/10.4324/97800203715925> и др.

⁶ Наряду с наращением согласного перед начальным гласным: англ. *arsy-tarsy, ubble-gubble*; рус. *аты-баты*.

прибамбасы) и с совпадающим начальным согласным (*фи-фур / фанфура / фанфур-рик, балабон, белибердень*), ассоциируемые нами, по аналогии, с аллитерацией.

Все указанные виды повторов могут сопровождаться различными вставочными / конечными элементами, в том числе без изменения значения: (1) наращением «дооформляющего» конечного звука¹ (*бабай, бабан, гогот*) или слога (*бабаха, бебехи*); (2) вставочным звуком / слогом (*чик-чик / чики-чик / чик-чирик, тик-так / тикитак*, тж. *балабас, балабол / балабон*, в англ., напр., *jig-jig / jig-a-jig*); (3) аффиксами (*прибамбасы*, ср. с англ. *Chichi / chechees, blankity-blank*); (4) служебными словами (*баи на баи*, а тж. ряд *тик в тик / чик в чик / чок в чок*).

Отдельный интерес представляют рифмованные удлинения редупликатов, довольно редкие и возникающие, вероятно,okkaзионально: **ля-ля-тополя / *ля-ля-три рубля, еле-еле душа в теле; bip-bam-thank-you-ma'am / wham-bam-thank-you-ma'am*.

Итеративы, образованные посредством как точной, так и неточной «короткой» редупликации, в обоих языках выказывают способность к дальнейшему развитию семантики *мур-мур > ни мур-мур* и словообразованию *би-би > бибика, ля-ля > ляляки*, ср. *zig-zagged, flim-flammer*.

Следующая большая и довольно подробно изученная группа представлена различными повторами слов (и псевдослов), т. е. собственно редупликативами. Получаемые единицы имеют в большинстве случаев дефисное написание, хотя возможны варианты со слитным или отдельным графическим оформлением.

Точная редупликация, в понимании большинства исследователей, – это точное копирование слова-дериванта (репликанта; *replican*) дериватором (репликатором; *replicatum*). Такие редупликаты составляют значительную часть итеративов английского языка: *wooly-wooly* (<*wooly bear*), *dum-dum / dumb-dumb* (<**dumb*). В наших примерах их только 3: *мало-мало, будь-будь, мани-мани* <*money*, а тж. *еле-еле душа в теле*. Как правило, такое удвоение имеет семантику повтора или усиления. Отмеченные единицы не изменяются по формам.

Сюда же отнесем слова, образованные сокращением слова до одного слога (обычно первого) и его повторением: *shishi* <**hashishi* <*hashish; хва-хва* <*хвatum*; *а ху-ху не хо-хо?* <(?) *а х... не хочешь?* (всего 4), которые по форме близки к ониматопеям.

Рифмованная редупликация фактически представлена весьма обширной и пестрой группой моделей итерации, объединенных только внешним сходством конечных единиц. Основную часть составляют двухкомпонентные (реже – трехкомпонентные) образования, в которых самостоятельное слово (преимущественно дву- или трехсложное) дополняется копией, но с другим начальным звуком (*штучки-дрючки, snatch-blatch*). Такие широко распространены, прежде всего, в языках Азии². Отдельные замечания о них были сделаны еще на рубеже XIX–XX вв. (с отсылками к

¹ Такие повторы характерны для французского языка. См., напр.: Минова М. В., Копылова Е. В., Кузнецова Ю. А., Николаева Е. А., Желамская В. А. Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках // Филология: научные исследования. 2023. № 4. С. 5.

² Walchli B. Co-Compounds and Natural Coordination. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 167–169.

более ранним работам)¹, и некоторыми исследователями их появление в русском языке относится на счет влияния тюркских языков². В исследованиях их называют эхо-словами / echo-words, рифмованными редупликативами / rhyming reduplicatives или рифмованными комбинациями / “rime combinations”, повторами-отзвучиями, «фокус-покус приемом»³. С ними смешиваются соединения звукоподражательных (англ. *uh-huh*; рус. *трень-брень* и др., 4 из 48), не имеющих собственного значения (*хухры-мухры*; *hanky-panky*) или не связанных по смыслу с образуемой единицей (*ёлы-палы*, *шатия-братия*; *rusty-dusty*) звуковых комплексов, большей частью двусложных. В наших примерах 29 из 44 двусложные (*деньги-меньги*, *финтить-винтить*, *фокус-покус* / *hocus rocus*, *фигли-мигли*, *шаляй-валяй*, *шурум-бурум*, *ёксель-моксель*), 4 односложные (*трах-бах*) и 3 трехсложные (*едрёна* / *ядрёна-матрёна*); в русском также 8 разносложных, в том числе 5 с прибавлением слога [мЛ] (*ё-моё*, *каша-малаша*, *к едрене фене*, *страсти-мордасти*, *ёлочки-мочалочки*). Примерами многокомпонентных редупликатов являются: **тыр-пыр-дыр*, *тары-бары-растабары* (ср. *бары растабарывать*).

Дубликат может начинаться различно, но в обоих языках наблюдается повышенная частотность отдельных звуков / звукосочетаний; особенно отмечают губные и зубно-губные, в английском также *h*⁴. Отдельно выделяют в обоих языках *им*-редупликацию⁵, в русском *м*-редупликацию¹, *ху*- и *фу*-редупликацию² (нам

¹ Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. Москва: Прогресс, 1987. С. 315–316; Мехеда М. И. Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании: на материале русских и английских редупликативов. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: [б. и.], 2010. 269 с.; Eckhardt E. Reim und Stabreim im Dienste der neuenglischen Wortbildung // *Englische Studien*, Band 72. Leipzig, 1937. S. 161–191.

² См. напр.: Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи (Повторы-отзвучия) // *Русская речь*. 1968. № 4. С. 48–52; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 168–169.

³ См.: Walchli B. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 167; Mattiello E. *Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena*. De Gruyter Mouton, 2013. P. 151; Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи (Повторы-отзвучия) // *Русская речь*. 1968. № 4. С. 48–52; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 168–169; Зайцева Н. Н. К вопросу об особом типе окказиональных слов в русском языке // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2019. № 10. С. 305–307. <https://doi.org/10.36683/2500-249X-2019-10-305-307> EDN: VDJRPK

⁴ Подробнее см.: Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. Москва: Прогресс, 1987. С. 315–316; Mattiello E. *Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena*. De Gruyter Mouton, 2013. P. 151–153.

⁵ Преимущественно с пренебрежительным оттенком. См. напр.: Шульга Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*. 2011. № 4. С. 108–112. Некоторые исследователи указывают на заимствование данного типа из идиша. См.: Mattiello E. *Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena*. De Gruyter Mouton, 2013. S. 153; Шульга Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований // *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*. 2011. № 4. С. 108–112.

встретились только *танцы-шманцы* и ряд *ё-моё / фуё-моё / х...-моё*). В наших примерах [м / м'] – 13 из 39, [б] и [бр / бр'] – 8+3 из 39, [ф / ф'] – 5/38, [в / в'] – 4/39, [п / п'] – 2/39; [х / х'] – 4/38, [ш] – 9/39, [j] – 8/39, [т / т'] и [тр / тр'] – 3+3/39.

Порядок элементов обусловлен фонетическими закономерностями. Так, копии на *ш-*, [j-], *т-*, *ф-*, *фу-*, *ху-*, (в английском *h-*) обычно стоят первыми, а на *б / бр-*, *п-*, *м-* и *шм-* (*schm-*) – вторыми. Перестановка воспринимается как нечто неправильное.

Часть единиц образована повтором корневой морфемы, в том числе с добавлением различных аффиксов и/или слов, – устойчивые сочетания однокоренных (или воспринимаемых как однокоренные) слов, включая восходящие к устному народному творчеству – так называемый тавтологический (плеонастический) повтор³, который близок к повтору целых словоформ (точной редупликации). При этом повторяемые словоформы могут различаться по значению, ср.: *зубы в зубы / ноздря в ноздю, лоб в лоб / нос к носу*. Такие соединения, по аналогии с фразеологизмами, классифицируются на основе синтаксических отношений компонентов и степени идиоматичности.

Смысловые отношения компонентов (часто подчеркнутые служебными словами или формообразующими аффиксами) могут быть:

(а) присоединительными: *перво-наперво, мамочка-мать, хватъ-похватъ, не разбери-бери, *жизнь-жестянка /-жистянка* (всего 7); англ. *arf an arf / arfarfanarf / half and half, by-and-by* (сюда же можно отнести все отмеченные примеры точной редупликации);

(б) альтернативными: *баш на баш, на всё про всё, зуб на зуб / ухо на ухо / так на так*;

(в) ограничительными: *от уха до уха, от звонка до звонка*; англ. *coast-to-coast*;

(г) атрибутивными / усилительными: *ревмя реветь, слыхом не слышать, чин чинарём, прости-прощай, так... так / растак / перетак* (всего 12); англ. *hole of holes / Holy of Holies*;

(д) сопоставительными: *нос с носу, зуб на зуб, лоб в лоб* (всего 7); англ. *belly to belly*;

¹ Plähn J. Хуйня-муйня и тому подобное // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11, № 1. P. 37–41; Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. Москва: Прогресс, 1987. С. 315–316; Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи (Повторы-отзвучия) // Русская речь. 1968. № 4. С. 48–52; Шульга Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2011. № 4. С. 108–112; и др.

² Шульга Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2011. № 4. С. 108–112. Такие редупликаты, судя по синонимическим парам *фуи / хуй* и производным от нее *фуёвина / хуёвина, фуи́ня / хуйи́ня, фули / хули, фуюшки / хуюшки*, взаимозаменяемы и имеют явный обценный оттенок, причем в большей степени у образования на *ху-*.

³ См.: Мехеда М. И. Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании: на материале русских и английских редупликативов. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: [б. и.], 2010. С. 64.

(е) объектными: *наделать делов, слоны слонять, дуть в дудку, в одну дуд(к)у дудеть* (всего 6); англ. *do the do*.

Значения компонентов в большей части таких сочетаний семантически связаны, неизменяемы и неперемещаемы (*тьма-тьмущая, прости-прощай, чин чинарём, пиши(те) письма*; 17/36), или семантически связаны, но перемещаемы / изменяемы (*пропади... пропадом, туда-растуда / растуды твою туды, ревмя реветь, чухом чують, слоны слонять, мешать мешки, слухом не слыхано / слухом не слыхать* (ср. аналогичное **видом не видать*); 10/36)), реже состоят из свободных компонентов (*сухари сушить, наделать делов / *делов понаделать, дуть в дудку / в одну дуд(к)у дудеть*; 3/36).

В ряде примеров семантика повторяющегося элемента менее значима, чем сам повтор. Так, полностью синонимичны: *тик-в-тик / чик-в-чик / чок-в-чок* (ср. с нейтральным *точь-в-точь*) и *тень-в-тень / один в один / тютелька в тютельку / ноздря в ноздю*. Аналогично: *баш на баш / зуб на зуб / ухо на ухо / так на так*.

В отдельную подгруппу можно выделить стяжения слов на основе одинакового аффикса, который в семантическом плане может «перевешивать» корень: *не пришей не пристегни, пришей-пристебай, (?) пошло-поехало*.

Наиболее обширная (85+11 подвариантов), но и наименее четко ограниченная группа единиц, не относимых, как правило, к редупликации, но интересных для нас, образована относительно устойчивыми и повторяемыми объединениями независимых, но созвучных слов, приобретающими общее значение, – сложными словами или устойчивыми сочетаниями, – в которых невозможно заменить какой-либо элемент на синонимичный (но не близкозвучный) без потери экспрессивности / выразительности (при сохранении в отдельных случаях способности к формообразованию и некоторой вариативности составных частей). Эта группа, как и предыдущая, наиболее связана с фольклором (поговорами и поговорками, устойчивыми фольклорными формулами).

Классификация их может строиться либо в зависимости от места, количества и качества звуков в повторяющейся части (применяя те же термины, что и в литературоведении: так, созвучие концов элементов можно отождествлять с рифмованием, а прочие – с аллитерацией в широком смысле), либо (аналогично классификации фразеологизмов) в зависимости от синтаксических и семантических отношений компонентов.

Созвучие в большинстве случаев возникает вследствие удачного подбора слов (*не шипи, шампанское; не суши мне уши; сами с усами; разлили малина; опять двадцать пять; и рыбку съест, и на х... не сесть; моя хата с краю, ничего не знаю; не круче навозной кучи*), в том числе заимствованных (*фон-барон, шахер-махер, цирлих-манирлих*), но может и намеренно усиливаться с помощью средств формо- и словообразования, прежде всего суффиксов (*видал миндал, с бухты-барахты, купило притупило, танцы-обжиманцы, перепехнин с повторинном*; англ. *okey-doke / okle-dokle < O.K.* и прил. *teeny-weeny / teensy-weensy < tiny и wee*)¹, усечения исходных

¹ Пример из: Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. De Gruyter Mouton, 2013. P. 151.

слов: *тык-нык / тык-мык* (<?тыкаться-мыкаться), *тяп-ляп / тяп да ляп* (ср. *тяпнуть, ляпнуть*), *хап-лап* (ср. *хапнуть, лапать*).

Синтаксическая структура итеративов варьируется от сложных слов / словосочетаний с присоединительными (*житьё-бытьё, говна-пирога, тyani-толкай, пусто-порожний, рожки да ножки, в пух и прах*; всего 26 слов и 15 словосочетаний, в том числе 9 с парным союзом *ни... ни...*), альтернативными (*шило на мыло*), объектными (*дать драпа, наводит тень на плетень / наводит тень в ясный день, б...ь буду / б...ю мне быть, купило притупило*; всего 9) или атрибутивными (*пердячим паром, злодейка с наклейкой, бой-баба, пустоляс*; всего 11) отношениями компонентов до целых фраз. В последних важна также ритмическая структура: 7 из них представляют собой рифмованные двустипия (*бой-в-Крыму-всё-в-дыму, весь тонус пошел на конус; вот те напе, х... в томате*) и 10 – рифмованные удлинения (*щи – хоть хрен полощи; явился, не запылится; муж объелся груш; живем, хлеб жуём; еле еле душа в теле*), сходные с уже отмеченными удлинениями редупликатов.

По степени семантической связанности компонентов итеративы могут быть¹:

(а) сращениями / rhyming compounds (максимально семантически связанными, значение не связано со значениями компонентов; 11 единиц): *бляха-муха, г...на-пирога, будьте напе; rusty-dusty* (= ягодицы), *funny bunny* (= странный), *Jumping Jehoshaphat! / Humping jew's-harps!, fondle one's fig / manipulate one's mango*²;

(б) единствами / exocentric compounds (значение частично связано со значениями элементов, выводится из них метафорически; 29 единиц): *глаз-алмаз / глаз-ватерпас, шайка-лейка, гон-стон, рёва-корова / рёвушка-коровушка; гнуть горб, купило притупило, не шипи, шампанское; fag hag, Delhi belly, handy-dandy, Anne's fan*;

(в) частично связанными (один из компонентов связан, второй встречается в аналогичном значении; 8 гнезд): *кинуть на кичу / качаться на киче, сукин / сучий / собачий сын* (ср. *чёртов / курвин сын*); *baby-bound / belly-bound; alley apple* (ср. *horse / road apple*);

(г) фразеологическими выражениями / “syntactic” compounds (устойчивыми сочетаниями слов со свободной (не связанной фразеологизмом) семантикой, в том числе искаженные; 8 единиц): *базарная баба, перепихнин с повторинном, купило притупило; жилище, но уже не отец; blow-book, sin-bin, over-the-shoulder-boulder-houlder*;

(д) парными словами / co-compounds³ (объединениями (контекстуальных) синонимов / антонимов для создания новой единицы; 27+2 единиц): *рожки да ножки, шило на мыло, ни кожи ни рожи, живём, хлеб жуём, с бухты-баряхты, ни пуха ни пера, тyani-толкай, him-her, lad-lass, stiff and stout, tickle-tail, tail-tackle, tail-tickling*,

¹ Наше деление частично совпадает с предложенным Элизой Маттиелло для рифмованных сложных слов (см.: Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. De Gruyter Mouton, 2013. P. 154–158).

² Большое количество (9) однотипных по структуре примеров позволяет предположить превалирование формы над значениями используемых слов в семантике образуемой единицы.

³ См.: Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2004. 184 с.; Walchli B. Co-Compounds and Natural Coordination. Oxford: Oxford University Press, 2005. 334 p.

balls and bat / bat and balls; тж. *пустопорожний*; и *рыбку съест*, и на *х... не сест*,
ни рыба-сом, *ни рыба-ёри*.

Выводы

В обоих языках итерация является достаточно активным способом субстандартной номинации, хотя доля итеративных образований в английском более значительна. На первый взгляд представляется, что благодаря принципиальному сходству механизмов повтора классификация, выработанная для английского языка, универсальна, однако, поскольку в русском обнаруживается несколько большее разнообразие моделей, таковая трудно применима к русскоязычному материалу и нуждается в уточнении.

Требуется особая осторожность и уточнение критериев для определения границ итерации и ее подтипов. С одной стороны, «короткие повторы» граничат с междометиями, с другой, для аллитератов и рифмований важно отделение намеренного звукового повтора от случайного. В то же время, соотнесение отдельных единиц с конкретным подтипом итерации затруднено и может зависеть от индивидуального опыта носителя языка (например, *жизнь-жестянка*¹ или *к едрене фене*).

Рассмотрение итерации как целостного явления позволяет выявить общие тенденции, например, к прибавлению «рифмованных прицепов» с единообразной ритмической структурой как к редупликатам, так и к словам.

Таким образом, более пристальное изучение итеративов, в частности русского сленга, позволит углубить представления о данном способе номинации.

Список литературы / References

Долинин К. А. *Стилистика французского языка*. Москва: Просвещение, 1987. 303 с.
Dolinin K. A. *Stylistics of the French language*. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 303 p. (In Russ.)

Зайцева Н. Н. К вопросу об особом типе окказиональных слов в русском языке. *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*, 2019, № 10, с. 305–307. <https://doi.org/10.36683/2500-249X-2019-10-305-307> EDN: VDJRPK

Zaitseva N. N. To the question of a special type of occasional words in the Russian language. *Education and Science without Borders: Fundamental and Applied Research*, 2019, no. 10, pp. 305–307. (In Russ.) <https://doi.org/10.36683/2500-249X-2019-10-305-307> EDN: VDJRPK

Квеселевич Д. И. *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва: Аст-рель; АСТ, 2003. 1021 с.

Kveselevich D. I. *Explanatory dictionary of substandard vocabulary in the Russian language*. Moscow: Astrel'; AST, 2003. 1021 p. (In Russ.)

¹ Написание второго компонента варьируется, отображая его двойственную ассоциативную связь со словами *жестянка*, *жесть* (в разных значениях) и, при переосмыслении, искаженным *жизнь*.

Коровушкин В. П. *Основы контрастивной социолектологии: дис... д-ра филол. наук.* Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. 646 с.

Korovushkin V. P. *Fundamentals of contrastive sociolectology: Dr thesis in Philological Sciences.* Piatigorsk: Piatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2005. 646 p. (In Russ.)

Мехеда М. И. *Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании: на материале русских и английских редупликативов: дис. ... канд. филол. наук.* Тюмень: [б. и.], 2010. 269 с.

Mekheda M. I. *The dichotomy 'economy vs. redundancy' in substandard word formation: based on the Russian and English reduplicatives: Cand thesis in Philological Sciences.* Tiumen', 2010. 269 p. (In Russ.)

Минлос Ф. Р. *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук.* Москва: [б. и.], 2004. 184 с.

Minlos F. R. *Reduplication and alliterating words in East Slavic languages: Cand thesis in Philological Sciences.* Moscow, 2004. 184 p. (In Russ.)

Минова М. В., Копылова Е. В., Кузнецова Ю. А., Николаева Е. А., Желамская В. А. Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках. *Филология: научные исследования*, 2023, № 4, с. 1–17. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40020 (дата обращения: 08.01.2024). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40020>

Minova M. V., Kopylova E. V., Kuznetsova Iu. A., Nikolaeva E. A., Zhelamskaia V. A. The phenomenon of reduplication as a method of word formation in modern French, Spanish, English and Russian languages. *Philology: scientific researches*, 2023, no. 4, pp. 1–17. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40020 (accessed: 08.01.2024). (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40020>

Санников В. З. *Русский язык в зеркале языковой игры.* Москва: Языки славянской культуры, 2002. 547 с.

Sannikov V. Z. *The Russian language in the mirror of the language game.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 547 p. (In Russ.)

Трубачев О. Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя.* Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 212 с.

Trubachev O. N. *History of Slavic kinship terms and some of the oldest social terms.* Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 212 p. (In Russ.)

Якобсон Р. *Работы по поэтике: Переводы.* Москва: Прогресс, 1987. 460 с.

Iakobson R. *Works on poetics: Translations.* Moscow: Progress, 1987. 460 p. (In Russ.)

Янко-Триницкая Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи (Повторы-отзвучия). *Русская речь*, 1968, № 4, с. 48–52.

Ianko-Trinitckaia N. A. "Shtuchki-dryuchki" of oral speech (Repetitions-echoes). *Russian speech*, 1968, no. 4, pp. 48–52. (In Russ.)

Шульга Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*, 2011, № 4, с. 108–112.

Shul'ga N. V. Functional characteristics of some subtypes of rhyming reduplicative formations. *Bulletin of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*, 2011, no. 4, pp. 108–112. (In Russ.)

Eckhardt E. Reim und Stabreim im Dienste der neuenglischen Wortbildung. *Englische Studien*, Band 72. Leipzig, 1937, ss. 161–191.

Jespersen O. F. *Modern English Grammar on historical principles*. London, 1954, part 6, pp. 173–183.

Koziol H. Zu der Reim- und Ablautbildungen im Englischen. *Englische Studien*, Band 73. Leipzig, 1938, ss. 158–159.

Mattiello E. *Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena*. De Gruyter Mouton, 2013. 340 p.

Plähn J. Хуйня-муйня и тому подобное. *Russian Linguistics*, 1987, vol. 11, no. 1, pp. 37–41.

Spears R. A. *Slang and euphemism. Dictionary*. New York: Jonathan David Publishers, 1981. 448 p.

Thun N. *Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally: PhD theses*. Uppsala, 1963. 347 p.

Walchli B. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 334 p.

Сведения об авторе

Мария Викторовна Чуева – старший преподаватель; <https://orcid.org/0000-0003-2139-3993>, maria.sheleg@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Maria V. Chueva** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0003-2139-3993>, maria.sheleg@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted 30.11.2023; Approved after reviewing 17.02.2024; Accepted for publication 04.03.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 165–173.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 165–173.

Научная статья

УДК 8;82.8

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-15>

EDN: JHFEWS

Феноменологический аспект в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»

Анастасия Александровна Шанькова^{1✉}, Александр Георгиевич Коваленко²
^{1,2} Российский университет дружбы народов,

Москва, Россия,

¹✉ schankova.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0354-4849>

²✉ ak-taurus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6747-285X>

Аннотация. В статье рассматривается феномен памяти в романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина. Жанровая специфика текста во многом близка к традиции автобиографической прозы XX в. таких авторов, как И. А. Бунин, В. В. Набоков, И. С. Шмелев и др. Авторы статьи обращаются к феноменологическому аспекту данного текста, согласно которому герои художественного текста не просто воссоздают воспоминания о прошлом, а передают свое восприятие воспоминаний в период непосредственного переживания того или иного эпизода биографии. Одним из основных катализаторов работы памяти выступает перцептивная образность, а именно передача восприятия запахов. Авторы статьи приходят к выводу о наличии творческого диалога Е. Г. Водолазкина с существующей феноменологической литературной традицией.

Ключевые слова: автобиографическая проза, феноменологический роман, перцептивные образы, пространственно-временная организация, нарратор

Для цитирования: Шанькова А. А., Коваленко А. Г. Феноменологический аспект в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 165–173. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-15>

The phenomenological aspect in the prose of E. G. Vodolazkin (by the example of the novel “Aviator”)

Anastasiia A. Shankova^{1✉}, Alexander G. Kovalenko²
^{1,2} RUDN university,

Moscow, Russia,

¹✉ schankova.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0354-4849>

²✉ ak-taurus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6747-285X>

Abstract. The article examines the phenomenon of memory in the novel “Aviator” by E. G. Vodolazkin. The genre specificity of the text is in many respects close to the tradition of autobiographical prose of the 20th century by such authors as I. A. Bunin, V. V. Nabokov, I. S. Shmelev and others. The authors of the article address the phenomenological aspect of this text, according to which the characters of the fiction text do not simply recreate memories of the past, but convey their perception of memories during the direct experience of this or that biography episode. Sensory-

perceptual images are the activators of the memory process, based most often on smell and color, less often on taste and tactile sensations. The authors of the article come to the conclusion that there is a creative dialogue between E. G. Vodolazkin and the existing phenomenological literary tradition.

Keywords: autobiographical text, phenomenological novel, perceptual images, chronotope, narrator
For citation: Shankova A. A., Kovalenko A. G. The phenomenological aspect in the prose of E. G. Vodolazkin (by the example of the novel “Aviator”). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 165–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-15>

Введение

Евгений Германович Водолазкин – современный писатель, о романах которого издано большое количество статей, касающихся как самобытной составляющей его текстов, так и особенностей, вписывающихся в общелитературную традицию. Творчество Е. Г. Водолазкина насчитывает несколько романов, сборников рассказов и повестей. В структуре многих художественных текстов данного автора особое место занимает феномен памяти. Воспоминания являются неотъемлемой частью сюжетной организации романов, сосуществующей в единой системе с фактическим настоящим героев.

Роль памяти в романе «Авиатор» рассматривалась в статьях Е. Н. Петуховой, Т. Л. Чернышовой, Е. Г. Трубецковой, Е. Г. Белоусовой и др. Вместе с этим в своих работах исследователи обращались и к особенностям пространственно-временной организации произведения, а также к жанровому определению текста. В данной работе представленные аспекты рассматриваются главным образом в связи с перцептивной образностью произведения, выступающей в качестве одного из основных активаторов процесса воспоминания.

События романа «Авиатор» разворачиваются перед читателем в форме дневниковых записей нескольких персонажей, где центром повествования является прошлое главного героя Иннокентия Петровича Платонова. Иннокентий Платонов представляет собой пример «жизни после смерти». Герой романа в 1920-е гг., находясь в Соловецком лагере, в рамках секретного эксперимента подвергается заморозке, после чего «просыпается» уже в 1999 году. По ходу сюжета мы узнаем, что тело Иннокентия Платонова после «пробуждения» начинает разрушаться изнутри, ведя его к неминуемой смерти. Главный герой старается по крупицам воссоздать свою персональную историю и вместе с тем обрести единство внутри самого себя.

Основная часть

Жанровая специфика данного текста близка к традиции автобиографической прозы русской эмиграции XX в., а именно к текстам И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, В. В. Набокова и др. Дневниковый жанр дает свободу оформления хронологии, при которой эпизоды настоящего, прошлого и иллюзорного будущего могут перемешиваться между собой. Е. Г. Белоусова также отмечает, что «в свете особой аксиологии памяти, декларируемой Е. Водолазкинским» вслед традиции уже названных классиков «непреодоляющей ценностью обладают впечатления и связанные

с ними ощущения»¹. Перволичная повествовательная форма передает субъективную картину видения мира героем, которая нередко актуализируется посредством перцептивной детали, а именно запаха, звука, цвета, вкуса, тактильных ощущений, а также их совокупности.

Сюжетные и идейные характеристики позволяют рассматривать роман «Авиатор» Е. Г. Водолазкина как феноменологический, основным принципом которого является передача отраженной в сознании героя картины окружающего мира и осмысление его персональной истории. Основа феноменологической теории базируется на философии Э. Гуссерля, Р. Ингардена, Н. Гартмана, где главным предметом размышления выступает человеческое сознание и принципы индивидуального восприятия мира, основанного на феноменах – «субъективных формах, в которых человеку является мир»². Л. А. Колобаева в статье, посвященной феноменологическому роману в русской литературе, отмечает, что «феноменологическая эстетика основывается на рефлексии переживания, видит сущность прекрасного в неповторимости и, соответственно, вершиной литературно-художественного творчества считает не тип, а воплощенную в образе <...> индивидуальность»³. Первым подробно жанр феноменологического романа разрабатывал Ю. М. Мальцев применительно к роману И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», называя его «первым русским феноменологическим романом»⁴. Автор акцентировал внимание на особой роли памяти в подобных текстах, где реконструируются не просто воспоминания о прошлом героев, а происходит «воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия», иными словами, «восприятие восприятия»⁵. В дополнение к этому Л. А. Колобаева отмечает, что в качестве первостепенно важных элементов выступают «некие археологические раскопки души», извлекающие «образы ценностей, не стираемых временем»⁶. Отсюда следует и особая структура произведений, целью которой является передача сложного комплекса внутренней работы сознания.

Одной из главных особенностей феноменологического повествования выступает особая пространственно-временная организация текста. Линейная временная последовательность то и дело нарушается не только в диахронной форме, где читатель интуитивно выделяет время, о котором повествуется, и время, когда повествуется, но и в трихронной, где объединяются сразу три временных отрезка: «Был солнечный июньский день. Легкий ветер нес запахи разогретого дерева и лошадиного навоза, то

¹ Белоусова Е. Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 35. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3> EDN: GLVYLI

² Турьшева О. Н. Теория и методология зарубежного литературоведения. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 63.

³ Колобаева Л. А. От временного к вечному (Феноменологический роман в русской литературе XX века) // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 133.

⁴ Мальцев Ю. В. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. С. 305.

⁵ Там же.

⁶ Колобаева Л. А. От временного к вечному (Феноменологический роман в русской литературе XX века) // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 133.

тут, то там лежавшего на лошадиной мостовой. Шевелил занавески в Катином окне, за которыми (я видел) стояла Катя и смотрела на нас. Лица ее я не удержал в памяти, но запахи и колыханье занавесок в окне – они запомнились. И тусклый блеск булыжника на солнце, и деревянные дома. Позднее я узнал, что в этих домах селились подобные Кате женщины. Мы с Гейгером недавно гуляли по Пушкарской – теперь там этих домов нет, да и женщин тоже»¹.

В приведенном фрагменте память охватывает два момента прошлого: само событие и воспоминание об этом событии внутри повествования. Эпизод июньского дня маркируется глаголами прошедшего времени: «был», «нес», «шевелил», которые относятся к самому происшествию, что для Иннокентия Платонова юноши является моментом настоящего. Воспоминание внутри повествования выделяется через конструкцию: «позднее я узнал...», которая с точки зрения временной организации является уже будущим относительно предыдущего отрывка в данной сцене. Наряду с этим обе ситуации выступают в качестве единого прошлого для Иннокентия Платонова рассказчика. Будучи в неразрывной связи друг с другом, само событие и дальнейшее воспоминание-переживание в тексте сплетаются с настоящим Иннокентия Платонова рассказчика в последнем предложении приведенного фрагмента.

Таким образом, читатель может выделить в сцене несколько временных фрагментов:

1. Настоящее Иннокентия Платонова юноши («был солнечный июньский день»).
2. Будущее Иннокентия Платонова юноши («позднее я узнал»).
3. Прошлое Иннокентия Платонова рассказчика, которое является суммой двух предыдущих временных пластов.
4. Настоящее Иннокентия Платонова рассказчика.

В связи с чем отчетливо просматривается постепенное разворачивание одного временного отрезка внутри другого, постоянное преодоление линейности пространственно-временных границ.

Временная организация в отдельных эпизодах преодолевает рамки свершившегося прошлого и фактического настоящего, которые передаются читателю как реальная действительность, переходят в предполагаемое иллюзорное будущее, которое строится только в сознании персонажей. Подобную организацию хронотопа можно встретить и в других текстах Е. Г. Водолазкина. В романе «Авиатор» будущее художественное время связано с еще не родившейся дочерью Иннокентия и Насти: «Если все это не будет записано, то, боюсь, канет в Лету. В истории человечества это заметная прореха, но самой большой потерей будет для Анны, о которой все время думаю»². Рассуждения о будущем появляются и в речи других персонажей, например уже упоминаемой жены Насти: «Но больше всего он боится, что с Анной останемся без помощи»³. Важно отметить и тот факт, что будущее представляется главному герою как период, который будет проходить без него. Другими словами, персональное будущее Иннокентия Петровича Платонова никогда не наступит, но

¹ Водолазкин Е. Г. Авиатор. Москва: АСТ, 2016. С. 120.

² Там же. С. 369.

³ Там же. С. 386.

предполагаемый нарратив о нем появляется в тексте через призму предположений героев.

Находясь в постоянном «поиске своего времени» в процессе восстановления деталей и событий своего прошлого, не имея возможности ужиться в новом мире, ощущая себя в нем чужим, при этом осознавая отсутствие своего будущего, Иннокентий Платонов характеризует свое положение через термин «хронотоплес», отмечая прямую связь с работами М. М. Бахтина. Т. Л. Чернышова комментирует, что подразумевается под этим термином: «Человек над временем, инородное тело во временном континууме, соединяет в своем сознании разные исторические пласты и начинает, таким образом, существовать вне законов линейного хода времени»¹. В результате герой, раскрывающий идею вечности в своих дневниковых записях, предстает перед читателем во вневременной категории.

Деталь, обретая в памяти героя особое значение, подкрепленное сильной эмоциональной окраской, нередко становится двигателем сюжета. Уже упомянутая перцептивная деталь может стать связующим звеном между двумя далекими друг от друга событиями, но переплетенными посредством процесса восприятия. Подобное явление нашло свое отражение в культуре под термином «феномен Пруста» или «эффект мадленки Пруста». Основой данного феномена стал первый роман М. Пруста из цикла «В поисках утраченного времени» под названием «По направлению к Свану» (1913 г.).

В романах Е. Г. Водолазкина сенсорно-перцептивные процессы нередко выступают в качестве активаторов процесса воспоминания, являются связующими между прошлым и настоящим: «Вместо ответа Валентина легла рядом со мной. Гладила меня по волосам. Так гладила меня когда-то Анастасия. Надо же, всплыло вдруг имя. <...> Вот и от Анастасии осталось только имя. Имя и **запах ее пшеничных волос** – его я тоже не забыл. А может за впечатление, уцелевшее в памяти, я принимаю запах волос Валентины. Или так: запах волос Валентины (тоже – пшеничных) напоминает мне то, что когда-то делало меня счастливым»². В данном тексте можно выделить ключевые, наиболее частые перцептивные образы, отвечающие за рождение памятных событий.

Перцептивная деталь может раскрываться в романе на нескольких пространственно-временных уровнях, являясь воспоминанием внутри воспоминания: «Мы поворачивались направо, налево и кругом, и нас обвевало теплым летним ветром, потому что даже на Соловках лето бывает теплым. В этом ветре **запах сосновой смолы и таежных ягод смешивался со свежестью моря. Белое море пахло** не так, как южные моря, но свежесть его проникала в каждую клетку тела. Незаходящее северное солнце блестело на гребнях волн. Мы стояли спиной к бухте, но, когда поворачивались, этот **блеск был виден** и по-настоящему меня радовал. **Он напоминал мне море в окрестностях Алушты**, где мы с родителями отдыхали в 1911 году»³. В

¹ Чернышова Т. Л. Организация художественного времени в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5, № 4 (17). С. 166.

² Водолазкин Е. Г. Авиатор. Москва: АСТ, 2016. С. 33.

³ Там же. С. 135–136.

приведенном фрагменте отчетливо просматривается многоуровневость процесса работы сознания героя, в результате которого он открывает свои воспоминания из детства на момент восприятия блеска солнца на воде, находясь на Соловках. Другими словами, Иннокентий Платонов рассказчик передает ощущения Иннокентия Платонова заключенного на момент нахождения на Соловках, где сумма перцептивных образов (запах белого моря, блеск солнца на воде) проходит через несколько временных отрезков рассматриваемого эпизода: одновременно через настоящее Иннокентия Платонова рассказчика, а также одновременно через две сцены из прошлого. Они становятся путеводителями в путешествии по памяти героя и связующим элементом в сложной временной организации художественного текста.

Индивидуальность процесса узнавания тех или иных сенсорных образов, а также возникновения отдельных ассоциаций делают саму репрезентацию художественного образа более субъективной, интимной. Это оказывает существенное влияние на передачу отдельных характеристик образа, деталей цвета или запаха, а также настроечные художественной картины в целом, что также соотносится с основными особенностями феноменологического повествования.

В романе «Авиатор» чаще всего отмечаются образы, связанные с запахами и цветом, при этом другая перцептивная образность не сводится к нулю, а просто имеет меньшую степень проявления. Нередко в рамках одной сцены сосуществует несколько образов восприятия, от чего художественное воплощение становится более ярким и многослойным. Подобную сенсорно-перцептивную многослойность Е. Г. Белоусова определяет как одну из функций памяти, призванную «собрать драгоценные мгновения воедино и воссоздать (воскресить) мир во всей его полноте и целостности, а вместе с ним – и утраченное единство человеческого “Я”»¹.

Мнемозина может проявить себя не только в отношении перцептивных деталей, но и на уровне более масштабных образов: предметов, людей или даже целых событий. Эпизоды прошлого и настоящего могут находить зеркальное отражение друг в друге, например соотнесение двух возлюбленных Иннокентия Платонова – Насти из настоящего 1999 г. и Анастасии из 1920-х гг., в особенности с учетом их прямой родственной связи. Также в качестве детали могут выступать некоторые реалии прошлого, которые в сознании героя находят ассоциативное сходство в настоящем времени, например, синематограф – телевизор. Т. Л. Чернышова отмечает, что подобное соотнесение объектов из разных эпох «не только косвенно определяет даты, но и связывает два временных пласта, показывая последовательное развитие техники и общества»².

Важной отличительной чертой данного романа является передача воспоминаний главных героев второстепенным персонажам. В тексте Иннокентий Платонов просит свое близкое окружение – врача Гейгера и жену Настю – описать некоторые эпизоды его прошлого, а именно то, как они себе представляют те или иные события. В таком

¹ Белоусова Е. Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набокковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 35. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3> EDN: GLVYLI

² Чернышова Т. Л. Организация художественного времени в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5, № 4 (17). С. 165.

случае сознание «фиктивного мира» художественной реальности строится через постоянную смену акториального нарратора в лице протагониста романа и аукториальных героев-рассказчиков, которым первые передают свои воспоминания. При этом герой – носитель воспоминаний – не исчезает, а продолжает вносить корректировки в записи других персонажей. Таким образом, взгляд на прошлое перестает быть сугубо индивидуальным, а получает оценку и интерпретацию со стороны.

Подобной повествовательной организации в текстах феноменологического типа нет, что можно рассматривать как модернизацию жанра в рамках новой, отличной от предыдущей, литературной традиции, а также в рамках индивидуально-авторской манеры. Она также не нова для творчества Е. Г. Водолазкина, ее можно встретить, например, в романе «Брисбен», где воспоминания о прошлом переходят в третье-личное повествование. По ходу сюжета читатель может предположить, что всезнающим нарратором выступает персонаж по имени Сергей Нестеров (Нестор), который пишет биографию главного героя. В романе «Авиатор» читатель сталкивается с полным слиянием нескольких персонажей в единое повествовательное полотно, когда отдельные абзацы полностью перестают маркироваться именами. Возможность выделить персонажей возможна лишь по родовому повествовательному принципу, а также через особенность точки зрения того и иного рассказчика на происходящее. Можно предположить также, что описываемые события даны через призму сознания самого Иннокентия Платонова, иными словами, то, как он представляет себе мысли Насти и Гейгера.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить: в текстах Е. Г. Водолазкина прослеживается некий универсальный литературный «код» отечественной художественной традиции, в особенности в русле автобиографической и феноменологической прозы, а именно прозы И. А. Бунина, В. В. Набокова и др. Посредством использования преимущественно ольфакторных, колоративных, тактильных образов автору удается создать многоуровневые картины-перцепции, которые способствуют более детальному анализу созданной художественной реальности, вместе с тем они являются штрихом, придающим многогранность всей повествовательной картине. Автор оказывает влияние не только на общую организацию текста, но и на читательское восприятие, обладающее собственным опытом восприятия тех или иных запахов, цветов, звуков и т. д. В качестве катализатора процесса воспоминания может выступать не только перцептивная деталь, но и более простой для представления элемент быта, предмет, группа людей или даже целое событие, находящее точки соприкосновения с прошлым и настоящим главного героя. При этом важно учитывать тот факт, что в данном романе раскрытие событий прошлого может происходить путем частой смены нарратора, т. е. смены точки зрения, оказывающей влияние на достоверность и индивидуальность передачи событий. Таким образом, автор модернизирует существующий жанр, согласовывая его с собственной творческой стратегией и художественными целями. Подобный синтез традиции и новизны позволяет автору выражать собственные индивидуально-авторские представления о человеке и его месте в мире.

Список литературы / References

Арзямова О. В. Композиционно-стилистические особенности романа Е. Г. Водолазкина «Брисбен». *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей*, 2019, № 10, с. 96–102. EDN: ZTQDNZ

Arzyamova O. V. Compositional and stylistic features of the novel ‘Brisbane’ by E. G. Vodolazkin. *Human and language in communicative space: collection of scientific articles*, 2019, no. 10, pp. 96–102. (In Russ.) EDN: ZTQDNZ

Белюсова Е. Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набокковской традиции. *Вестник Томского государственного университета*, 2022, № 479, с. 33–40. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3> EDN: GLVLI

Belousova E. G. ‘The Aviator’ by E. Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition. *Tomsk State University Journal*, 2022, no. 479, pp. 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3> EDN: GLVLI

Водолазкин Е. Г. *Авиатор*. Москва: АСТ, 2016. 416 с.

Vodolazkin E. G. *The Aviator*. Moscow: AST, 2016. 416 p. (In Russ.)

Водолазкин Е. Г. *Брисбен*. Москва: АСТ, 2021. 416 с.

Vodolazkin E. G. *Brisbane*. Moscow: AST, 2021. 416 p. (In Russ.)

Гримова О. А. Особенности повествовательной структуры в романе Е. Г. Водолазкина «Брисбен». *Новый филологический вестник*, 2020, № 4 (55), с. 239–247.

Grimova O. A. Narrative structure of E. G. Vodolazkin’s Novel ‘Brisbane’. *New Philological Bulletin*, 2020, no. 4 (55), pp. 239–247. (In Russ.)

Колобаева Л. А. От временного к вечному (Феноменологический роман в русской литературе XX века). *Вопросы литературы*, 1998, № 3, с. 132–144.

Kolobaeva L. A. From temporary to eternal (Phenomenological novel in Russian literature of the XX century). *Problems of Literature*, 1998, no. 3, pp. 132–144. (In Russ.)

Мальцев. Ю. В. *Иван Бунин. 1870–1953*. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. 432 с.

Mal'tsev. Yu. V. *Ivan Bunin. 1870–1953*. Frankfurt-na-Maine; Moscow: Posev, 1994. 432 p. (In Russ.)

Петухова Е. Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор». *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2021, № 1 (34), с. 49–55. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).44-50](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).44-50) EDN: JQDUMT

Petukhova E. N. Literature context of the novel ‘Aviator’ by Eugene Vodolazkin. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 1 (34), pp. 49–55. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).44-50](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).44-50) EDN: JQDUMT

Турьшева О. Н. *Теория и методология зарубежного литературоведения*. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 160 с.

Turyшева O. N. *Theory and methodology of foreign literary studies*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 160 p. (In Russ.)

Чернышова Т. Л. Организация художественного времени в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор». *Поволжский педагогический вестник*, 2017, т. 5, № 4 (17), с. 163–167.

Chernyshova T. L. Time continuum in the novel “Aviator” by E. G. Vodolazkin. *Volga Region Pedagogical Bulletin*, 2017, vol. 5, no. 4 (17), pp. 163–167. (In Russ.)

Сведения об авторах

Анастасия Александровна Шанькова – магистр кафедры русской и зарубежной литературы; <https://orcid.org/0009-0006-0354-4849>, schankova.n@yandex.ru, Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 2, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия); **Anastasiia A. Shankova** – Master Student of the Department of Russian and Foreign Literature, <https://orcid.org/0009-0006-0354-4849>, schankova.n@yandex.ru, RUDN University (10, korp, 2, ul. Miklukho-Maklaya, 117198 Moscow, Russia).

Александр Георгиевич Коваленко – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-6747-285X>, ak-taurus@mail.ru, Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 2, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия); **Alexander G. Kovalenko** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-6747-285X>, ak-taurus@mail.ru, RUDN University (10, korp, 2, ul. Miklukho-Maklaya, 117198 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации, что отражено в последовательности персоналий авторского коллектива. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made different contributions to the preparation of the publication, which is reflected in the sequence of personalities of the author's team. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 26.03.2024.

The article was submitted 09.11.2023.2024; Approved after reviewing 12.03.2024; Accepted for publication 26.03.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 174–184.
Cherapovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 174–184.

Научная статья

УДК 373

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-16>

EDN: JPKHDA

Прогнозирование делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы

Наталья Владимировна Гольцова^{1✉}, Елена Викторовна Яковлева²,
Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

^{1✉}nvgoltcova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-7449>

²eviakovleva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9127-5178>

Аннотация. Современные приоритеты российского государства и общества в сохранении физически и нравственно здорового подрастающего поколения актуализируют проблему совершенствования профилактики одного из крайних видов девиантного поведения – делинквентного поведения подростков – в деятельности социального педагога школы как массовой образовательной организации. В исследовании на основе анализа общей логики педагогического прогнозирования, эмпирического исследования запроса социальных педагогов школ на научно обоснованный подход в прогнозировании делинквентного поведения подростков были разработаны, обоснованы и детально описаны логика и содержание прогнозирования.

Ключевые слова: прогнозирование, делинквентное поведение, подросток, логика прогнозирования, содержание прогнозирования, социальный педагог, методы прогнозирования

Для цитирования: Гольцова Н. В., Яковлева Е. В. Прогнозирование делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 174–184. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-16>

Forecasting delinquent behavior of adolescents in the activities of a social pedagogue at school

Natalia V. Goltsova^{1✉}, Elena V. Yakovleva²,
Cherapovets State University,

Cherapovets, Russia,

^{1✉}nvgoltcova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-7449>

²eviakovleva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9127-5178>

Abstract. The modern priorities of the Russian state and society in preserving the physically and morally healthy younger generation actualize the problem of improving the prevention of one of the

extreme types of deviant behavior which is delinquent behavior of adolescents in the activities of a social pedagogue at school as an educational organization. Based on the analysis of the general logic of pedagogical forecasting, an empirical study of the request from schools' social educators for a scientifically based approach in predicting delinquent behavior of adolescents, the forecasting logic and content were developed, justified and described in detail.

Keywords: forecasting, delinquent behavior, teenager, forecasting logic, forecasting content, social pedagogue, forecasting methods

For citation: Goltsova N. V., Yakovleva E. V. Forecasting delinquent behavior of adolescents in the activities of a social pedagogue at school. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 174–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-16>

Введение

Современная политика России в отношении детей всех возрастных групп характеризуется углублением гуманного отношения к детству во всех его проявлениях; определяет приоритеты воспитания, образования и развития детей в социуме; сохранение здорового подрастающего поколения¹.

Школа как массовая образовательная организация концентрирует в себе все усилия государства, общества, профессионального педагогического сообщества в развитии подрастающего поколения. Актуальной задачей школы является поиск способов профилактики девиантного поведения подростков в самых разных его проявлениях, к которым относится и делинквентное поведение. Школа призвана обеспечить оптимальные условия для успешной социализации подростка с делинквентным поведением и использовать различные способы его профилактики в целях нейтрализации негативного социального опыта. Одним из таких способов является прогнозирование делинквентного поведения подростков.

Социальный педагог школы выступает одним из ключевых субъектов профилактики разных видов девиантного поведения детей. Умение научно обоснованного и практически необходимого прогнозирования возможных проявлений делинквентного поведения подростков и на этой основе его предупреждения – одна из актуальных задач социального педагога.

Необходимость решения задачи профилактики делинквентного поведения в подростковой среде обусловлена тем, что в стране прослеживается тенденция к увеличению числа детей и подростков с делинквентным поведением. Крайними проявлениями делинквентного поведения подростков являются не столь давние случаи проникновения в образовательные учреждения несовершеннолетних с огнестрельным оружием.

¹ Указ Президента Российской Федерации № 240 от 29 мая 2017 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 25.05.2023); Распоряжение Правительства Российской Федерации № 122-р от 23 января 2021 г. «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года». URL: <http://government.ru/docs/all/132503/> (дата обращения: 25.05.2023).

Основная часть

В отечественной науке накоплен значительный опыт исследования девиантного поведения подростков в целом и делинквентного в частности.

Основы девиантного поведения подростков анализируют В. Зикратов¹, Е. В. Змановская², А. Е. Личко³ и др.

Делинквентное поведение исследуют И. С. Кон⁴, А. А. Реан⁵, В. В. Щепетов⁶, Л. Б. Шнейдер⁷ и др.

Классификацию подростков, склонных к делинквентному поведению, описывает в своих работах Б. Н. Алмазов⁸.

Причины и факторы, способствующие формированию делинквентного поведения подростков, а также способы нейтрализации их влияния раскрывает Н. Б. Астанина⁹. Психологические факторы делинквентного поведения личности анализирует Е. В. Гартвик¹⁰.

Т. М. Зайко¹¹ анализирует основные показатели преступлений подростков, их детерминанты; представляет психолого-криминологическую характеристику личности несовершеннолетнего преступника.

И. Протасова¹² в своих работах представляет теоретические и прикладные аспекты социально-педагогической деятельности по профилактике делинквентного поведения учащихся в условиях школы.

¹ Зикратов В. Девиантно-делинквентное поведение детей и подростков // Социальная педагогика. 2008. № 1. С. 47–49.

² Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). Москва: Академия, 2004. 288 с.

³ Личко А. Е. Эти трудные подростки: Записки психиатра. Ленинград: Лениздат, 1983. 126 с.

⁴ Кон И. С. Психология ранней юности. Москва: Просвещение, 1989. 254 с.

⁵ Реан А. А. Характерологические особенности подростков-делинквентов // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 139–144.

⁶ Щепетов В. В. Делинквентное поведение подростков: причины и способы преодоления // Классный руководитель. 2008. № 3. С. 43–49.

⁷ Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. Москва: Академический Проект; Трикста, 2005. 334 с.

⁸ Алмазов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Москва: Юрайт, 2023. 180 с. URL: <https://urait.ru/book/psihicheskaya-sredovaya-dezadaptaciya-nesovershennoletnih-517256> (дата обращения: 01.09.2023).

⁹ Астанина Н. Б. Теоретический анализ факторов делинквентного поведения подростков // Коррекционная педагогика. 2009. № 3. С. 70–76.

¹⁰ Гартвик Е. В. Психологические факторы делинквентного поведения личности: дис ... канд психол. наук. Челябинск: [б. и.], 2021. 188 с.

¹¹ Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. 85 с.

¹² Протасова И. Деятельность социального педагога по профилактике делинквентного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения // Социальная педагогика. 2008. № 3. С. 70–79.

Исследования отечественных ученых убедительно актуализируют решение проблемы делинквентного поведения подростков как объективной научно-практической задачи.

В определенной степени данный вывод подтверждают результаты проведенного нами анкетирования социальных педагогов 10 городских школ и 10 школ муниципальных районов. 100 % респондентов (20 педагогов) отметили, что владеют достаточным знанием личностных особенностей развития подростков. Регулярно проводят исследования микросреды жизнедеятельности детей (семьи, классного коллектива, компании сверстников по месту жительства, объединений в системе дополнительного образования детей и юношества) с целью выявления факторов, детерминирующих делинквентное поведение подростков. Вместе с тем, прогнозирование делинквентного поведения подростков в их профессиональной деятельности носит характер интуитивного предвидения и в силу этого является приблизительным и далеко не всегда обоснованным. В итоге возникает эффект упущенного времени.

Однако, как показывает анализ научной литературы, вопрос о прогнозировании делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы остается открытым, что делает разработку логики и содержания прогнозирования актуальной научной задачей.

В исследованиях отечественных ученых доминируют две точки зрения на понятие делинквентного поведения: мелкие правонарушения и проступки, не влекущие за собой уголовную ответственность¹, и уголовно наказуемые деяния².

В настоящем исследовании мы придерживаемся понятия делинквентного поведения подростков как докриминогенного уровня асоциального поведения. Подросток не является субъектом преступления, и его социальные отклонения проявляются в виде мелких антиобщественных действий, нарушений норм морали, правил поведения в общественных местах, уклонений от учебы, побегов из дома и бродяжничества, злоупотребления спиртными напитками и других формах асоциального поведения, не представляющих большой опасности для общества.

Сущность прогнозирования делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы состоит в том, чтобы предвидеть динамику развития делинквентного поведения на основе исследования двух ведущих групп факторов влияния – средовых, в том числе виртуальной среды, и личностных. При этом прогнозирование направлено на выявление потенциальных возможностей развития личности и определение альтернативных вариантов поведения подростков.

Теоретическими основаниями для разработки логики и содержания прогнозирования делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога

¹ Кон И. С. Психология ранней юности. Москва: Просвещение, 1989. 254 с.; Личко А. Е. Эти трудные подростки: Записки психиатра. Ленинград: Лениздат, 1983. 126 с.

² Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). Москва: Академия, 2004. 288 с.; Королев В. В. Психические нарушения у подростков-правонарушителей. Москва: Медицина, 1992. 206 с.

школы послужили теории педагогического проектирования и прогнозирования, представленные в трудах И. В. Бестужева-Лады¹, Е. С. Заир-Бек², Ф. И. Кевля³ и др.

В контексте настоящего исследования мы исходим из того, что прогнозирование есть значимый и необходимый этап нормативного проектирования в деятельности социального педагога. Проектирование – это процесс конструирования педагогом системы действий, отвечающих реальным потребностям, интересам и возможностям подростков, направленной на достижение целей профилактики девиантного поведения личности на основе заранее заданных критериев, целей и норм.

Как этап процесса проектирования, прогнозирование включает совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых этапов⁴: предпрогнозная ориентация; прогнозная ретроспекция. Прогностический диагноз; прогнозная проспекция; верификация прогноза; корректировка прогноза; синтез прогнозов.

Разработка логики и содержания прогнозирования делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы

В исследовании логики и содержания прогнозирования делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы мы опираемся на две группы принципов.

Первую группу составляют общие научные принципы прогнозирования – объективности; истинности; детерминизма; развития; историзма; принцип единства теории и практики.

Вторую группу составляют педагогические принципы. Абсолютными императивами выступают принципы: уважения личности подростка; учет индивидуальной эволюции личности (антропологический принцип), учет прошлого и настоящего субъективного опыта; опора на положительное в личности; вера в способность подростка к конструктивным самоизменениям, перестройке имеющегося девиантного образа поведения и деятельности.

Ниже проанализируем логику и содержание процесса прогнозирования делинквентного поведения подростков.

Первый этап. Предпрогнозная ориентация. Суть этапа – определение методологического аппарата прогнозирования.

Объектом прогнозирования является делинквентное поведение подростков. Предметом выступает склонность и проявления делинквентного поведения. Социальный педагог должен провести системный анализ объекта и предмета исследования, что позволит сформулировать его цель.

Цель – выявить склонность подростков к делинквентному поведению и разработать программу прогнозирования делинквентного поведения. Для достижения данной цели социальному педагогу необходимо собрать необходимую и достаточную информацию о личности подростков, ведущем виде их поведения; микросреде жиз-

¹ Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Москва: Педагогическое общество России, 2002. 392 с; Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. Москва: Мысль, 1986. 267 с.

² Заир-Бек Е. С. Теоретические основы обучения педагогическому проектированию: дис ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 1995. 410 с.

³ Кевля Ф. И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка. Вологда: Легия, 2009. 225 с.

недеятельности; выявить личностные и средовые факторы риска развития делинквентного поведения; продумать «ввер» сценариев работы с подростками.

Принципиально важной на этом этапе является опора на принцип верифицируемости, требующий определения достоверности, точности прогноза. В большинстве случаев прогноз объективно нуждается в уточнении и корректировке.

Затем выдвигается гипотеза. Гипотеза позволяет социальному педагогу предвидеть одновременно вариативность и оптимальность путей решения; определить средства, обеспечивающие успешность деятельности.

При прогнозировании делинквентного поведения подростков социальному педагогу целесообразно использовать совокупность общепедагогических методов (наблюдение, опросные методы, анализ документации, педагогический эксперимент и др.) и собственно методов прогнозирования (экстраполяция тенденций, моделирование, экспертные оценки).

Второй этап. Прогнозная ретроспекция. На данном этапе социальный педагог выявляет подростков с девиантным поведением, среди них – подростков, склонных к делинквентному поведению; изучает особенности личностного и социального развития подростков; выявляет и конкретизирует факторы, детерминирующие данный вид поведения, признаки и проявления делинквентного поведения.

Социальный педагог активно сотрудничает с педагогическим коллективом школы и семьей.

Совместно с педагогом – психологом школы – специалист осуществляет цикл необходимой социально-педагогической и психолого-педагогической диагностики учащихся, склонных к делинквентному поведению. Объектами диагностики выступают индивидуально-личностные характеристики подростка и микросреда его жизнедеятельности. В частности, исследуются условия и факторы микросреды: педагогический потенциал микрорайона проживания и существующие в нем зоны риска; семья, соседство; группа сверстников по месту жительства, которые могут выступать потенциальными или реальными детерминантами делинквентного поведения.

Классный руководитель собирает информацию о статусе подростка как обучающегося, члена первичного классного коллектива.

Учитывая детерминацию делинквентного поведения подростков личностными и средовыми факторами, объективно необходимым становится применение комплекса методов и диагностических методик, который включает три основных блока: блок методов и методик изучения индивидуально-психологических особенностей подростков; блок инструментов для выявления личностных характеристик; блок методов и методик обследования микросреды жизнедеятельности ребенка.

Принципиально важным шагом на этом этапе является проведение корреляционного анализа полученных данных в ходе исследования факторов микросреды и индивидуально-личностных характеристик подростков, которые опосредованно или непосредственно детерминируют делинквентное поведение личности, представляя реальную или потенциальную угрозу развитию подростка. Таким образом, создается картотека обучающихся, склонных к делинквентному поведению.

Третий этап. Прогностический диагноз. На основе знания личностных особенностей подростков, средовых и индивидуальных факторов, детерминирующих де-

линквентное поведение, формулируется диагноз о возможных проявлениях делинквентного поведения, его формах и влиянии на окружающий подростка микросоциум.

Также на данном этапе социальный педагог выявляет оптимальные варианты индивидуальной и групповой работы с подростками; определяет меры по улучшению микроклимата в семье, школе, классе. Подбирает адекватные средства для эффективного разрешения проблемы делинквентного поведения, планирует деятельность по прогнозированию делинквентного поведения подростков на учебный год. В итоге создается программа деятельности социального педагога по прогнозированию делинквентного поведения подростков.

Четвертый этап. Прогнозная перспекция. Суть этапа – уточнение «всеера» сценариев профилактики делинквентного поведения подростков.

Успешное осуществление основных направлений социально-педагогической деятельности с подростками с делинквентным поведением возможно при выполнении определенных условий: целенаправленность работы; наличие педагогически организованной среды; взаимодействие всех заинтересованных специалистов школы; взаимодействие школы с семьей подростка.

В соответствии с уточненными сценариями профилактики делинквентного поведения подростков социальному педагогу необходимо спрогнозировать последствия реализации данных направлений.

Прогноз: а) положительных результатов:

– уменьшение числа подростков с делинквентным поведением в образовательном пространстве школы;

– повышение внимания, заинтересованности, контроля и надзора за подростком со стороны родителей;

– повышение эффективности работы педагогического коллектива в обеспечении условий единства действий семьи и школы в работе с подростками.

б) потерь, возможных негативных последствий.

Типовых, негативных последствий при грамотной реализации плана быть не должно, поскольку деятельность направлена на удовлетворение интересов подростков, педагогов и родителей, хотя исключать влияние субъективных факторов также не стоит.

Пятый этап. Верификация. Содержание этапа представлено определением достоверности, точности прогноза с применением метода экспертных оценок, метода моделирования и метода экстраполяции.

Обязательным условием верификации является применение данных методов в комплексе. Например, делинквентное поведение как объект прогнозирования не всегда поддается формализации, что заложено в сути метода экстраполяции. В этом случае помогает метод экспертных оценок, основанный на компетенции, интуиции, опыте педагогов, администрации школы, о оптимальности спроектированных путей профилактики или преодоления делинквентного поведения подростков.

Шестой этап. Корректировка прогноза. На основании результатов верификации и (или) на основании дополнительных материалов и исследований социальный педагог уточняет программу деятельности, конкретизирует условия прогнозирования

ния делинквентного поведения подростков; детализирует прогноз; вносит необходимые коррективы в реализуемые направления и подходы.

Седьмой этап. Синтез прогнозов.

На данном этапе социальный педагог осуществляет построение модели поведения подростка, которая, в свою очередь, будет выступать основанием последующей индивидуальной программы прогнозирования делинквентного поведения личности.

Выводы

Разработанные нами логика и содержание прогнозирования делинквентного поведения подростков в деятельности социального педагога школы – это содержательная модель. Она описывает ключевые компоненты деятельности социального педагога – анализ исходной ситуации развития подростка; целеполагание; планирование прогностической деятельности и проектирование оптимальных путей разрешения проблемы делинквентного поведения подростков.

Список литературы / References

Алмазов Б. Н. *Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних*. Москва: Юрайт, 2023. 180 с. URL: <https://urait.ru/book/psihicheskaya-sredovaya-dezadaptaciya-nesovershennoletnih-517256> (дата обращения: 01.09.2023).

Almazov B. N. *Mental environmental disadaptation of the under-aged*. Moscow: Iurait, 2023. 180 p. Available at: <https://urait.ru/book/psihicheskaya-sredovaya-dezadaptaciya-nesovershennoletnih-517256> (accessed: 01.09.2023). (In Russ.)

Астанина Н. Б. Теоретический анализ факторов делинквентного поведения подростков. *Коррекционная педагогика*, 2009, № 3, с. 70–76.

Astanina N. B. Theoretical analysis of the factors of adolescents' delinquent behaviour. *Correctional pedagogy*, 2009, no. 3, pp. 70–76. (In Russ.)

Бестужев-Лада И. В. *Мир нашего завтра*. Москва: Мысль, 1986. 267 с.

Bestuzhev-Lada I. V. *The world of our tomorrow*. Moscow: Mysl', 1986. 267 p. (In Russ.)

Бестужев-Лада И. В. *Социальное прогнозирование*. Москва: Педагогическое общество России, 2002. 392 с.

Bestuzhev-Lada I. V. *Social forecasting*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2002. 392 p. (In Russ.)

Волков Б. С. *Психология подросткового возраста*. Москва: КНОРУС, 2016. 266 с.

Volkov B. S. *Psychology of adolescence*. Moscow: KNORUS, 2016. 266 p. (In Russ.)

Воспитание трудного ребенка: Дети с девиантным поведением. Москва: Владос; ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. 238 с.

Educating a difficult child: Children with deviant behaviour. Moscow: Vlados; IMPE imeni A. S. Griboedova, 2001. 238 p. (In Russ.)

Гартвик Е. В. *Психологические факторы делинквентного поведения личности: дис. ... канд психол. наук.* Челябинск: [б. и.], 2021. 188 с.

Gartvik E. V. *Psychological factors of personality delinquent behaviour: Cand. thesis in Psychological Sciences.* Cheliabinsk, 2021. 188 p. (In Russ.)

Заир-Бек Е. С. *Теоретические основы обучения педагогическому проектированию: дис. ... д-ра. пед. наук.* Санкт-Петербург: [б. и.], 1995. 410 с.

Zair-Bek E. S. *Theoretical foundations of pedagogical design training: Dr thesis in Pedagogical Sciences.* St Petersburg, 1995. 410 p. (In Russ.)

Зайко Т. М. *Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминалогический аспекты.* Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. 85 с.

Zaiko T. M. *Measures to control juvenile and youth delinquency: legal and psychological-criminological aspects.* Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, 2017. 85 p. (In Russ.)

Зикратов В. *Девиянтно-делинквентное поведение детей и подростков. Социальная педагогика*, 2008, № 1, с. 47–49.

Zikratov V. *Deviant and delinquent behaviour of children and adolescents. Social Pedagogy*, 2008, no. 1, pp. 47–49. (In Russ.)

Змановская Е. В. *Девиянтология: (Психология отклоняющегося поведения).* Москва: Академия, 2003. 288 с.

Zmanovskaia E. V. *Deviantology: (Psychology of deviant behaviour).* Moscow: Akademiia, 2003. 288 p. (In Russ.)

Кевля Ф. И. *Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка.* Вологда: Легия, 2009. 225 с.

Kevlia F. I. *Pedagogical technologies: diagnosing, predicting and supporting children's personal development.* Vologda: Legiia, 2009. 225 p. (In Russ.)

Кон И. С. *Психология ранней юности.* Москва: Просвещение, 1989. 254 с.

Kon I. S. *Psychology of early youth.* Moscow: Prosveshchenie, 1989. 254 p. (In Russ.)

Королев В. В. *Психические нарушения у подростков-правонарушителей.* Москва: Медицина, 1992. 206 с.

Korolev V. V. *Mental disorders in adolescent offenders.* Moscow: Meditsina, 1992. 206 p. (In Russ.)

Личко А. Е. *Эти трудные подростки: Записки психиатра.* Ленинград: Лениздат, 1983. 126 с.

Lichko A. E. *These difficult teenagers: Notes of a psychiatrist.* Leningrad: Lenizdat, 1983. 126 p. (In Russ.)

Распоряжение Правительства Российской Федерации № 122-р от 23 января 2021 г. «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года». URL: <http://government.ru/docs/all/132503/> (дата обращения: 25.05.2023).

Order of the Government of the Russian Federation No. 122-r of 23 January 2021 'On Approval of the plan of the main activities carried out within the framework of the Childhood Decade for the

period up to 2027'. Available at: <http://government.ru/docs/all/132503/> (accessed: 25.05.2023). (In Russ.)

Поливанова К. Н. Психологическое содержание подросткового возраста. *Вопросы психологии*, 1996, № 1, с. 20–33.

Polivanova K. N. Psychological content of adolescence. *The Issues Relevant to Psychology*, 1996, no. 1, pp. 20–33. (In Russ.)

Протасова И. Деятельность социального педагога по профилактике делинквентного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения. *Социальная педагогика*, 2008, № 3, с. 70–79.

Protasova I. Activity of a social pedagogue on prevention of delinquent behaviour of adolescents in conditions of a general educational institution. *Social Pedagogy*, 2008, no. 3, pp. 70–79. (In Russ.)

Реан А. А. Характерологические особенности подростков-делинквентов. *Вопросы психологии*, 1991, № 4, с. 139–144.

Rean A. A. Characterological features of adolescent delinquents. *The Issues Relevant to Psychology*, 1991, no. 4, pp. 139–144. (In Russ.)

Указ Президента Российской Федерации № 240 от 29 мая 2017 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 25.05.2023).

Decree of the President of the Russian Federation No. 240 of 29 May 2017 'On the Announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation'. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (accessed: 25.05.2023). (In Russ.)

Фельдштейн Д. И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте. *Вопросы психологии*, 1988, № 6, с. 31–41.

Fel'dshtein D. I. Psychological peculiarities of personality development in adolescence. *The Issues Relevant to Psychology*, 1988, no. 6, pp. 31–41. (In Russ.)

Шнейдер Л. Б. *Девиянтное поведение детей и подростков*. Москва: Академический Проект; Трикста, 2005. 334 с.

Shneider L. B. *Deviant behaviour of children and adolescents*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta, 2005. 334 p. (In Russ.)

Щепетов В. В. Делинквентное поведение подростков: причины и способы преодоления. *Классный руководитель*, 2008, № 3, с. 43–49.

Shchetov V. V. Delinquent behaviour of adolescents: causes and ways of overcoming. *Homeform teacher*, 2008, no. 3, pp. 43–49. (In Russ.)

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Гольцова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1565-7449>, nvgoltcova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Вологодская область, Россия); **Natalia V. Goltsova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1565-7449>

0002-1565-7449, nvgoltcova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Викторовна Яковлева – доктор педагогических наук профессор; <https://orcid.org/0000-0002-9127-5178>, eviakovleva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Вологодская область, Россия); **Elena V. Yakovleva** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-9127-5178>, eviakovleva@chsu.ru, Cherepovets State University, (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 26.04.2024.

The article was submitted 29.03.2024; Approved after reviewing 12.04.2024; Accepted for publication 26.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 185–197.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 185–197.

Научная статья

УДК 378.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-17>

EDN: KUGFKZ

Практико-ориентированный подход в обучении и представления курсантов ВИПЭ ФСИН России об исправительном учреждении

Эльвира Викторовна Зауторова

Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Вологда, Россия,

Научно-исследовательский институт ФСИН России,
Москва, Россия,

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Аннотация. В настоящее время возникает потребность в поиске различных форм, средств и методов для совершенствования процесса подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. В статье рассматривается значимость практико-ориентированного подхода в процессе обучения, представлена такая его форма, как выездные практические занятия на базе исправительных учреждений, проанализированы представления курсантов младших курсов юридического факультета об исправительном учреждении и организации воспитательной работы с осужденными.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, вузы ФСИН России, образовательный процесс, курсанты, практико-ориентированное обучение, исправительные учреждения, профессиональное становление личности

Для цитирования: Зауторова Э. В. Практико-ориентированный подход в обучении и представления курсантов ВИПЭ ФСИН России об исправительном учреждении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 185–197. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-17>

Practice-oriented approach in teaching and ideas about the correctional institution among cadets of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation

Elvira V. Zautorova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia,

Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia,

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract. Currently, it becomes necessary to search for various forms, means and methods to improve the training process for the penal enforcement system. The article examines the importance of a practice-oriented approach in the learning process, presents its form as field practical classes at

© Зауторова Э. В., 2024

correctional institutions, analyzes the junior law school cadets' ideas about a correctional institution and the organization of educational work with convicts.

Keywords: penal enforcement system, universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, educational process, cadets, practice-oriented training, correctional institutions, professional development of personality

For citation: Zautorova E. V. Practice-oriented approach in teaching and ideas about the correctional institution among cadets of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 185–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-17>

Введение

В последние годы реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации позволило добиться существенных положительных результатов. Это касается как материально-технического оснащения, организации воспитательной и психокоррекционной работы с осужденными, так и других направлений деятельности исправительных учреждений. В основе успешного решения всех поставленных задач лежит качественная подготовка каждого сотрудника, обладающего высокими профессиональными умениями и навыками, готового к повышенной психологической и физической нагрузкам, ответственного, справедливого, проявляющего морально-волевые и нравственные качества.

Подготовку компетентных кадров для пенитенциарной системы осуществляют ведомственные образовательные организации. При этом отметим, что в настоящее время востребованы специалисты, обладающие практико-ориентированными компетенциями, умеющие самостоятельно и быстро решать различные профессиональные задачи.

Вместе с тем анализ практики подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы показывает, что отмечается недостаточный уровень сформированности профессиональных, профессионально-специализированных компетенций у выпускников вузов, иногда встречается даже боязнь непосредственного несения службы в практических органах, что не позволяет осуществлять профессиональную деятельность на высоком уровне в соответствии с требованиями законодательства. Теоретические знания, полученные на лекционных и семинарских занятиях, обучающиеся не всегда могут применить на практике.

Так, согласно исследованию А. А. Герасимова, около 30 % сотрудников в течение первых месяцев службы оказываются не готовы к тому объему обязанностей, который им предстоит выполнять. Опрос более ста сотрудников исправительных учреждений, проходящих службу в должностях начальников структурных подразделений, свидетельствует о недостаточной их подготовленности не только к действиям в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, но и в условиях применения мер безопасности. Так, по мнению двух третей респондентов (среди них – начальники отделов безопасности, режима, отделов охраны, (отделений) по конвоированию), сотрудники уголовно-исполнительной системы не в полной мере обладают необходимыми знаниями

и умениями, способствующими их эффективной деятельности в экстремальных условиях¹.

Это подтверждают и результаты опроса курсантов. Так, большинство обучающихся (2–4 курсы) разных факультетов ВИПЭ ФСИН России при ответе на вопрос: «Что нужно сделать для совершенствования образовательного процесса?», который задавался после завершения курса «Пенитенциарная педагогика», отмечают недостаточное количество занятий, учебных часов, отведенных на выездные практические занятия на базе исправительных учреждений. Действительно, организация занятий вне учебных аудиторий института имеет большое значение в профессиональном становлении будущих специалистов. Так, организация выездных практических занятий по дисциплине «Пенитенциарная педагогика» – это не только соответствие учебного процесса федеральным государственным образовательным стандартам, но и возможность самим курсантам увидеть, как организуется процесс исправления, осуществляется воспитательная и психокоррекционная работа, реализуются законные права, обязанности и интересы осужденных в местах лишения свободы. Это позволяет наиболее эффективно добиться цели преподавания, а именно – овладения курсантами определенными умениями и навыками.

Отметим противоречие между потенциальными возможностями практико-ориентированного обучения в ведомственном вузе, позволяющего оптимизировать образовательный процесс, и недостаточным количеством учебных часов и уровнем методической разработанности практико-ориентированного обучения в образовательных организациях ФСИН России.

Практико-ориентированный подход в обучении

Практико-ориентированный подход в педагогической науке означает, что в образовательном процессе решается основная задача подготовки будущих специалистов – создание условий для развития профессиональной компетентности личности. При условии включения в образовательный процесс практических действий, заданий возникает образовательное пространство, где теоретическая база получает свое практическое воплощение. Данный подход к обучению создает возможность постепенно наращивать профессиональную квалификацию будущего специалиста².

Практико-ориентированный подход, позволяющий освоить образовательную программу в условиях, приближенных к реальной профессиональной ситуации, сформировать у обучающихся необходимые компетенции с помощью выявления практических задач в учебное время, преодолеть отчуждение между теорией и прак-

¹ Герасимов А. А. Некоторые вопросы организации профессионального обучения вновь принятых сотрудников УИС // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2019. № 1 (1). С. 70–74. EDN: XVTLCSE

² Хуторской А. В. Метапредметный подход в обучении. Москва: «Эйдос», 2012. 73 с.; Хотькина О. К. Использование учебного рабочего места «Инспектор отдела специального учета» в реализации практической направленности обучающихся // Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы: сборник материалов научно-методической конференции (г. Рязань, 30–31 марта 2017 г.). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 275–280.

тикой, нашел отражение в трудах Ю. Б. Луневой, О. И. Вагановой, Ж. В. Смирновой¹, Ю. Ветрова, Н. Клушиной², Н. Б. Крыловой³, И. А. Лыковой⁴, М. М. Олесовой⁵, Л. В. Павловой⁶, С. С. Полисадова⁷, А. В. Савицкой⁸, Ф. Ялалова⁹, И. В. Якусевич¹⁰ и др. Исследователи отмечают, что преобладание теории в обучении способствует неверному усвоению знаний. Содержание программ обучения должно раскрывать связи между знаниями и повседневной деятельностью сотрудника, быть максимально приближено к реальным условиям служебной деятельности¹¹.

¹ Лунева Ю. Б., Ваганова О. И., Смирнова Ж. В. Практико-ориентированный подход в профессиональном образовании // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2018. № 6 (32). С. 122–126.

² Ветров Ю., Клушина Н. Практико-ориентированный подход // *Высшее образование в России*. 2002. № 6. С. 43–46. EDN: IBKJND

³ Крылова Н. Б. *Культурология образования*. Москва: Народное образование, 2000. 269 с.

⁴ Лыкова И. А. Сущность культурных практик и их значение для развития ребенка // *Педагогика искусства*. 2016. № 2. С. 92–97.

⁵ Олесова М. М. Применение практико-ориентированных технологий обучения в вузе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 2*. 2017. № 7-2 (73). С. 201–204.

⁶ Павлова Л. В. Практико-ориентированное обучение (из опыта стажировки в Швейцарии) // *Социосфера*. 2013. № 4-2. С. 91–92.

⁷ Полисадов С. С. Практико-ориентированное обучение в вузе // *Уровневая подготовка специалистов: электронное обучение и открытые образовательные ресурсы: сборник трудов I Всероссийской научно-методической конференции (г. Томск, 20–21 марта 2014 г.)*. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2014. С. 349–352.

⁸ Савицкая А. В. Практико-ориентированный подход в обучении: обзор зарубежной литературы и проблема реализации в вузе // *European Social Science Journal*. 2013. № 4 (32). С. 66–74.

⁹ Ялалов Ф. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // *Высшее образование в России*. 2008. № 1. С. 89–93.

¹⁰ Якусевич И. В. Практико-ориентированный подход в подготовке будущих учителей начальной школы к формированию у обучающихся культурных навыков // *Universum: психология и образование*. 2023. № 11 (113). С. 9–11. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16179> (дата обращения: 15.12.2023).

¹¹ Ватылев Г. М. Актуальные проблемы профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы в современной России // *Современные тенденции развития образования: компетенции, технологии, кадры: сборник материалов научно-методической конференции (г. Рязань, 21–22 марта 2019 г.)*. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 25–28; Рудый А. А. Интервью // *Кто есть кто в образовании и науке*. 2014. № 1 (11). URL: <http://ktovobnauke.ru/2014/1/anatoliy-rudyu-zadacha-sistemy-vedomstvennogo-profobrazovaniya-obespechit-kachestvennyu-podgotovku-kadrov-sposobnyh-k-vypolneniyu-služebnyh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy.html> (дата обращения: 15.12.2023); Пешня И. С. Интерактивные технологии обучения как средство развития профессиональной компетентности курсантов военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Иркутск: [б. и.], 2005. 24 с.; Тарабуев Л. Н. Совершенствование системы подготовки лиц, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему, к действиям при оружии и стрельбе // *VI Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: сборник научных статей (г. Пермь, 2 октября*

Увеличение числа практических занятий с отработкой умений и навыков, особенно на выездных практических занятиях на базе исправительных учреждений, внедрение инновационных методов в учебный процесс способствуют формированию профессионального опыта обучающихся при погружении их в служебную деятельность с целью достижения профессионально и социально значимых компетентностей. Также это обеспечивает вовлечение курсантов в работу, активную деятельность, так как мотивация к изучению теоретического материала идет от потребности в решении практической задачи. В этом случае традиционная дидактическая триада «знания – умения – навыки» дополняется новой дидактической единицей – «опыт деятельности». Некоторые обучающиеся обладают соответствующими знаниями, умениями и навыками, но при этом не умеют их применять на практике, а дальше, вероятно, не смогут их применить и в служебной деятельности. Подход в обучении «знания – умения – навыки – опыт деятельности» позволит будущим сотрудникам уверенно и самостоятельно принимать практические решения в профессиональной деятельности¹.

Несмотря на значимость практико-ориентированного обучения для современного образовательного процесса ведомственного вуза, его содержание и формы еще не получили достаточной теоретической и методической разработки. В образовательных организациях ФСИН России при подготовке будущих сотрудников не уделяется достаточного внимания организации и проведению практических занятий, особенно выездных, на территории исправительных учреждений, не в полной мере используются возможности имитационных обучающих средств и т. д. В связи с этим у курсантов слабо сформированы умения и навыки, позволяющие обеспечить в дальнейшем эффективное противодействие противоправному поведению со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных².

Организация для курсантов выездного практического занятия в исправительном учреждении

При проведении выездных практических занятий в рамках учебной дисциплины «Пенитенциарная педагогика» обучающимися осуществляется выполнение постав-

2020 г.). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. Т. 2. С. 176–180.

¹ Батищева Е. В. Учебные рабочие места и их роль в подготовке специалистов для УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 6. С. 46–48; Вотинов А. А. Профессионально-педагогическая подготовка кадров ФСИН // Казанская наука. 2015. № 7. С. 136–138. EDN: UGTJH; Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2021. № 3 (55). Т. 3. С. 575–564. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584>

² Гайдукова О. М. Особенности профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2019. № 1 (1). С. 113–116. EDN: BRQUNM; Жаркой М. Э. Дополнительное профессиональное образование работников уголовно-исполнительной системы и Болонский процесс: задача сохранения качества подготовки специалистов // Современные тенденции развития системы образования: сборник научных статей (г. Чебоксары, 25–28 апреля 2019 г.). Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019. С. 255–259; Чайковский Д. С., Изотова В. Ф. Влияние технологий AR и VR на образовательный процесс // Информационные технологии в образовании. 2020. № 3. С. 316–319. EDN: QJFEKI

ленных задач не только под руководством преподавателя, но и сотрудников воспитательного отдела исправительного учреждения. Так, на базе исправительной колонии для осужденных женщин № 1 УФСИН России по Вологодской области, расположенной в городской черте, впервые для курсантов второго курса юридического факультета состоялось выездное практическое занятие в рамках изучаемой учебной дисциплины «Пенитенциарная педагогика». Цель практического занятия: познакомиться с деятельностью начальника отряда, изучить особенности воспитательной работы с осужденными женщинами.

В ходе экскурсии по учреждению курсанты посетили основные объекты колонии: карантинное отделение, помещение дежурной части, познакомиться с отрядной системой отбывания наказания, побывали в центре трудовой адаптации, на участках усиленного контроля и дисциплинарного изолятора, посетили столовую, клуб и храм. Интерес у обучающихся вызвал отряд для проведения отпусков, где трудоустроенные осужденные в период ежегодного отпуска могут провести время с повышенным комфортом.

Также в ходе занятия курсанты познакомиться с принципами, целями и задачами воспитательной и психологической работы с осужденными женщинами, получили массу впечатлений от первого посещения исправительного учреждения. В конце занятия была возможность задать вопросы начальнику отряда. В основном вопросы касались организации воспитательной работы, трудоустройства осужденных, начисления им заработной платы, погашения исков и алиментов и др.

Отметим также, что процесс обучения приобретает смысл для курсантов и значимость, а также становится интересным, если для них создаются условия и возможности для выражения своей точки зрения, критического оценивания фактов и явлений, проявления творчества и активности. Учитывая, что курсанты впервые находились в исправительном учреждении, нам было важно сравнить их представления об исправительном учреждении до и после его посещения.

Представления курсантов об исправительном учреждении до и после его посещения

Учитывая, что ответы обучающихся касались различных сторон деятельности исправительного учреждения, мы разделили их на несколько тематических блоков:

– проход в исправительное учреждение: «Удивила долгая процедура прохода (в 3 этапа), строго по времени», «Проход через КПП оказался тяжелым и муторным. Проверяли досконально, включая проверку подошвы обуви и головные уборы»;

– территория и наполнение исправительного учреждения: «Думал, что от силы будет сто осужденных женщин, но сильно удивился, что их было около пятисот», «Меня удивил магазин с достаточно обширным выбором разнообразных продуктов, к тому же есть выдача онлайн-заказов, но цены очень высокие...», «На зданиях присутствуют мотивационные плакаты, есть специально отведенное место для курения», «Думала, что будет грязной территория, а она вся очищена аккуратно от снега, не сугробами, а аккуратными кантиками», «Имеется даже плац»;

– внешний вид осужденных: «Ухоженные и опрятные», «Одежда чистая, по размеру и по сезону», «Как оказалось, женщины находятся в обычной физической форме», «Я думал, есть запрет на макияж, как у курсанток, но у некоторых осужденных

он присутствовал. Может им разрешили в качестве поощрения?», «Я думал, что осужденные будут смотреть на нас с презрением и иметь изможденный вид, но оказалось, что все очень даже приемлемо», «В моем ожидании я должна была увидеть уставших и не выпавшихся осужденных, пренебрегающих гигиеной», «Увидел красивых девушек»;

– особенности поведения осужденных: «Ожидал увидеть много сотрудников, которые сопровождают осужденных, а они свободно сами передвигаются», «Не знала, что осужденным запрещено одиночное передвижение по территории. Они стоят, ждут друг друга. И еще удивило, что при виде сотрудника осужденные здороваются», «Я ловил на себе ускользающие взгляды, это можно скорее назвать страхом», «Казалось, что осужденные между собой находятся в дружеских отношениях, видя нас, они перешептывались, но не показывали своей неприязни», «Осужденные везде одни. Увидел всего двух офицеров на территории, чему был сильно удивлен», «Я ожидал увидеть тяжелые взгляды осужденных, но они оказались обычными людьми»;

– жилая зона для осужденных: «Я думал, что они проживают в серых и мрачных помещениях, а оказалось – в светлых и чистых. У каждого есть прикроватная тумбочка», «Думала, что осужденные живут по 40 человек, но они живут в комнатах до 12 человек», «В спальнях помещениях приятно находиться», «В облегченных условиях можно заправлять кровать своим цветным бельем», «Думал, что осужденные находятся за решетками, а они – в многоспальных комнатах», «Предполагал, что осужденным ничего нельзя хранить, но на тумбочках у них стояли фотографии родственников – я думаю, это способствует их перевоспитанию»;

– общение осужденных с сотрудниками: «Я раньше думал, что сотрудники относятся к осужденным пренебрежительно, как к нелюдям...», «Я думала, что осужденные после разрешения просто заходят в кабинет начальника отряда, а оказывается – на кабинете висит напечатанная форма обращения, где необходимо каждый раз называть свое имя и фамилию, срок отбывания наказания, статью и т. д.», «Осужденные вежливые, но и сотрудники им улыбаются», «Думал, что будет жестко и грубо, а оказалось все довольно тактично в общении сотрудник – осужденный», «Доброжелательно отвечала осужденная на наши вопросы, вообще с радостью проявляла желание общаться, а я думал, что они ненавидят людей в погонах»;

– поручения осужденных женщин: «Я удивился, что осужденные ходят в наряды, как мы. У “тумбочки” стояла осужденная, она отвечала за обстановку в отряде, а также отвечала на телефонные звонки сотрудников со стационарного телефона», «Это важное поручение, помогающее поддерживать безопасность и дисциплину в исправительной колонии»;

– досуг осужденных: «У них есть клуб, который похож на актовый зал в нашем институте, что было интересно и вызывало противоречивые эмоции», «Как оказалось, осужденные рисуют красивые картины, вышивают, делают интересные предметы своими руками, сочиняют сценки и готовят праздничные мероприятия», «Я вообще не знала, что осужденным разрешено заниматься творческой деятельностью», «На стенде в одном из отрядов я увидела план с воспитательными мероприя-

тиями на месяц, среди которых были турнир по шахматам и разнообразные концерты»;

– трудовая деятельность осужденных: «Осужденные шьют форменную одежду, работают в столовой, готовят пищу и получают за это заработную плату. Цех по пошиву формы очень большой, а курирует их гражданский работник, указывает на недостатки в работе и объясняет, как их исправить», «По окончании курсов швеи осужденные сдают квалификационный экзамен», «Я думала, что в местах заключения работают бесплатно, а им платят деньги!», «Не знала, что у осужденных есть выбор трудовой деятельности», «Я узнал, что, работая на кухне, осужденная получает заработную плату в 16 тыс. руб. Да, она небольшая, но они могут оплатить штрафы и накопить на жизнь после освобождения», «Осужденные имеют право на отпуск по истечению шести месяцев непрерывной работы»;

– меры поощрения осужденных: «Думала, что осужденным положено свидание не более двух часов», «Оказывается, осужденным могут предоставить выход на сутки за пределы исправительного учреждения. Я был очень удивлен данному факту» и т. д.

Анализируя представления курсантов, можно отметить, что к середине второго курса они достаточно приблизительно, а порой и искаженно представляют место своей будущей трудовой деятельности и специфику службы в исправительном учреждении («Я заметила значительные расхождения между своими представлениями об исправительном учреждении до его посещения и после»). В связи с этим необходимо усилить практическую составляющую образовательного процесса в ведомственном вузе для эффективной подготовки будущих сотрудников.

Результаты

Организация выездных практических занятий в рамках реализации практико-ориентированного подхода в образовательном процессе ведомственного вуза формирует положительное отношение курсантов к своей будущей профессиональной деятельности, повышает заинтересованность в учебном процессе, а также помогает отрабатывать теоретические навыки в реальных условиях.

Представления курсантов, впервые посещающих исправительное учреждение, значительно расходятся со сформировавшимся у них мнением о местах лишения свободы: исправительное учреждение они представляли устрашающим, с угнетающей обстановкой, непривлекательными жилыми помещениями и т. д. Курсанты-второкурсники мало знают об организации трудовой деятельности осужденных, получении ими заработной платы, о предоставляемых возможностях для повышения профессионального и общеобразовательного уровня осужденных и т. д. При этом обучающиеся отмечают, что осужденные женщины проживают в хороших условиях, а сотрудники доброжелательны в общении.

В связи с этим необходимо отметить эффективность выездных практических занятий на базе исправительных учреждений для процесса обучения будущих сотрудников.

Выводы

Практико-ориентированный подход в учебном процессе высших образовательных организаций ФСИН России с эффектом погружения обучающегося в будущую служебную деятельность помогает построить процесс обучения в неразрывной связи теории и практики, способствует эффективному профессиональному становлению и развитию личности, что в конечном счете будет способствовать стратегическому развитию пенитенциарной системы. В связи с этим возникает потребность в поиске различных форм, средств и методов для совершенствования процесса подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы.

При этом важно, чтобы курсанты уже на младших курсах (1–2 курсы) могли получать практические навыки работы с осужденными. Благодаря регулярным выездным практическим занятиям, организуемым на базе исправительных учреждений различных видов, будущие сотрудники УИС будут лучше понимать практическую реализацию теоретических знаний, научатся анализировать результаты и принимать решения по производственным ситуациям в условиях конкретного исправительного учреждения, работать в команде.

Закрепление полученных на занятиях теоретических знаний на практике позволяет сформировать у обучающихся интерес к профессии, развить чувство ответственности, инициативу, волю и настойчивость, повысить уровень организаторских способностей, «погрузить» обучающихся в реалии служебной деятельности. К тому же включение практико-ориентированного подхода в процесс обучения оптимизирует профессиональную адаптацию молодых сотрудников к службе в УИС.

В конце представляем мнение одного из курсантов: «Данное исправительное учреждение представлялось абсолютно по-другому, вероятно из-за того, что знания были основаны только на информации из кинофильмов и Интернета. Однако, посетив исправительную колонию, появилось представление о местах лишения свободы, об организации воспитательной работы с осужденными и условиях их содержания. Для осужденных женщин созданы все необходимые условия для трудовой деятельности, удобного проживания, развития их личностных качеств. При этом отмечу, что сотрудники и вся система произвели на меня положительное впечатление. Я стал лучше представлять свою будущую профессиональную деятельность».

Список литературы / References

Батищева Е. В. Учебные рабочие места и их роль в подготовке специалистов для УИС. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 2014, № 6, с. 46–48.

Batishcheva E. V. Practice workplaces and their role in the specialists' training for the penal correctional system. *Bulletin of the penal correctional system*, 2014, no. 6, pp. 46–48. (In Russ.)

Ватылев Г. М. Актуальные проблемы профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы в современной России. *Современные тенденции развития образования: компетенции, технологии, кадры: сборник материалов научно-методической конференции (г. Рязань, 21–22 марта 2019 г.)*. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019, с. 25–28.

Vatylev G. M. Current problems of employees' professional training within the penal correctional system in modern Russia. *Modern trends in the development of education: competencies, technologies, personnel: Proceedings of the scientific and methodological conference (Ryazan, 21–22 March 2019)*. Riazan': Akademiia prava i upravleniia Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii, 2019, pp. 25–28. (In Russ.)

Ветров Ю., Клущина Н. Практико-ориентированный подход. *Высшее образование в России*, 2002, № 6, с. 43–46. EDN: IBKJND

Vetrov Iu., Klushina N. Practice-oriented approach. *Higher education in Russia*, 2002, no. 6, pp. 43–46. (In Russ.) EDN: IBKJND

Вотинов А. А. Профессионально-педагогическая подготовка кадров ФСИН. *Казанская наука*, 2015, № 7, с. 136–138. EDN: UGTJIN

Votinov A. A. Professional educational training for Federal Penitentiary Service of Russia. *Kazan Science*, 2015, no. 7, pp. 136–138. (In Russ.) EDN: UGTJIN

Гайдуква О. М. Особенности профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*, 2019, № 1 (1), с. 113–116. EDN: BRQUNM

Gaidukova O. M. Features of professional training of employees within the penitentiary system. *Bulletin of the Tomsk Institute of advanced training of employees the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2019, no. 1 (1), pp. 113–116. (In Russ.) EDN: BRQUNM

Герасимов А. А. Некоторые вопросы организации профессионального обучения вновь принятых сотрудников УИС. *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*, 2019, № 1 (1), с. 70–74. EDN: XBTLCE

Gerasimov A. A. Some questions of organising professional training of the newly recruited employees of the penal correction system. *Bulletin of the Tomsk Institute of advanced training of employees the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2019, no. 1 (1), pp. 70–74. (In Russ.) EDN: XBTLCE

Жаркой М. Э. Дополнительное профессиональное образование работников уголовно-исполнительной системы и Болонский процесс: задача сохранения качества подготовки специалистов. *Современные тенденции развития системы образования: сборник научных статей (г. Чебоксары, 25–28 апреля 2019 г.)*. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019, с. 255–259.

Zharkoi M. E. Additional professional education of employees of the penal and correctional system and the Bologna Process: the task of preserving the quality of specialist training. *Modern trends in the development of the education system: Collection of scientific articles (Cheboksary, 25–28 April 2019)*. Cheboksary: Izdatel'skii dom "Sreda", 2019, pp. 255–259. (In Russ.)

Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России. *Пенитенциарная наука*, 2021, № 3 (55), т. 3, с. 575–564. <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584>

Zautorova E. V., Bodrova E. V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentiary System*, 2021, no. 3 (55), vol. 3, pp. 575–564. (In Russ.) <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2021-15-3-575-584>

Крылова Н. Б. *Культурология образования*. Москва, 2000. 272 с.

Krylova N. B. *Cultural studies of education*. Moscow, 2000. 272 p. (In Russ.)

Лунева Ю. Б., Ваганова О. И., Смирнова Ж. В. Практико-ориентированный подход в профессиональном образовании. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 2018, № 6 (32), с. 122–126.

Luneva Yu. B., Vaganova O. I., Smirnova Zh. V. Practice-oriented approach in professional education. *Innovative economy: prospects for development and improvement*, 2018, no. 6 (32), pp. 122–126. (In Russ.)

Лыкова И. А. Сущность культурных практик и их значение для развития ребенка. *Педагогика искусства*, 2016, № 2, с. 92–97.

Lykova I. A. The essence of the cultural practices and their meanings for child development. *Art education*, 2016, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.)

Олесова М. М. Применение практико-ориентированных технологий обучения в вузе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: в 3-х ч, ч. 2, 2017, № 7-2 (73), с. 201–204.

Olesova M. M. Application of practically oriented technologies of training in higher education establishment. *Philology. Theory & Practice*: in 3 parts, part 2, 2017, no. 7-2 (73), pp. 201–204. (In Russ.)

Павлова Л. В. Практико-ориентированное обучение (из опыта стажировки в Швейцарии). *Социосфера*, 2013, № 4-2, с. 91–92.

Pavlova L. V. Practice-oriented learning (from the experience of an internship in Switzerland). *Sociosphere*, 2013, no. 4-2, pp. 91–92. (In Russ.)

Пешня И. С. *Интерактивные технологии обучения как средство развития профессиональной компетентности курсантов военизированного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук*. Иркутск: [б. и.], 2005. 24 с.

Peshnia I. S. *Interactive technologies of training as a means of developing cadets' professional competence in paramilitary higher education institution: Abstract Cand. thesis in Pedagogical Sciences*. Irkutsk, 2005. 24 p. (In Russ.)

Полисадов С. С. Практико-ориентированное обучение в вузе. *Уровневая подготовка специалистов: электронное обучение и открытые образовательные ресурсы: сборник трудов I Всероссийской научно-методической конференции (г. Томск, 20–21 марта 2014 г.)*. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2014, с. 349–352.

Polisadov S. S. Practice-oriented learning in higher education. *Degree training of specialists: e-learning and open educational resources: Proceedings of the I All-Russian Scientific and Methodological Conference (Tomsk, 20–21 March 2014)*. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii politekhnicheskii universitet, 2014, pp. 349–352. (In Russ.)

Рудый А. А. *Интервью // Кто есть кто в образовании и науке*, 2014, № 1 (11). URL: <http://ktovobrnauke.ru/2014/1/anatoliy-rudyu-zadacha-sistemy-vedomstvennogo-profobrazovaniya-obespechit-kachestvennyu-podgotovku-kadrov-sposobnyh-k-vypolneniyu-služebnyh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy.html> (дата обращения: 15.12.2023).

Rudyi A. A. *Interview // Who is who in education and science*, 2014, no. 1 (11). Available at: <http://ktovobrnauke.ru/2014/1/anatoliy-rudyu-zadacha-sistemy-vedomstvennogo-profobrazovaniya-obespechit-kachestvennyu-podgotovku-kadrov-sposobnyh-k-vypolneniyu-služebnyh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy.html>

obespechit-kachestvennuyu-podgotovku-kadrov-sposobnyh-k-vypolneniyu-sluzhebnyh-zadach-na-sovremennom-etape-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy.html (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Савицкая А. В. Практико-ориентированный подход в обучении: обзор зарубежной литературы и проблема реализации в вузе. *European Social Science Journal*, 2013, № 4 (32), с. 66–74.

Savitskaia A. V. Practice-oriented approach in teaching: review of foreign literature and the problem of implementation in higher education. *European Social Science Journal*, 2013, no. 4 (32), pp. 66–74. (In Russ.)

Тарабуев Л. Н. Совершенствование системы подготовки лиц, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему, к действиям при оружии и стрельбе. *VI Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: сборник научных статей (г. Пермь, 2 октября 2020 г.)*. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020, т. 2, с. 176–180.

Tarabuev L. N. Improvement of the training system for people first recruited to the penal system to act with weapons and shooting. *VI Pedagogical Readings in Memory of Professor S. I. Zlobin: Collection of scientific articles (Perm, 2 October 2020)*. Perm: Permskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii, 2020, vol. 2, pp. 176–180. (In Russ.)

Хотькина О. К. Использование учебного рабочего места «Инспектор отдела специального учета» в реализации практической направленности обучающихся». *Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы: сборник материалов научно-методической конференции (г. Рязань, 30–31 марта 2017 г.)*. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017, с. 275–280.

Khot'kina O. K. Using the training workplace 'Inspector of the special accounting department' in the implementation of students' practical orientation'. *Organisation of the educational process in higher education institutions: current state, problems and prospects: Proceedings of the scientific and methodological conference (Ryazan, 30–31 March 2017)*. Riazan': Akademiia prava i upravleniia Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii, 2017, pp. 275–280. (In Russ.)

Хуторской А. В. *Метапредметный подход в обучении*. Москва: Эйдос, 2012. 73 с.

Khutorskoi A. V. *Metadisciplinary approach in teaching*. Moscow: Eidos, 2012. 73 p. (In Russ.)

Чайковский Д. С., Изотова В. Ф. Влияние технологий AR и VR на образовательный процесс. *Информационные технологии в образовании*, 2020, № 3, с. 316–319. EDN: QJFEKI

Chaikovskii D. S., Izotova V. F. Impact of AR and VR technologies on the educational process. *Information technologies in education*, 2020, no. 3, pp. 316–319. (In Russ.) EDN: QJFEKI

Ялалов Ф. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию. *Высшее образование в России*, 2008, № 1, с. 89–93.

Ialalov F. Activity-competence approach to practice-oriented education. *Higher education in Russia*, 2008, no. 1, pp. 89–93. (In Russ.)

Якусевич И. В. Практико-ориентированный подход в подготовке будущих учителей начальной школы к формированию у обучающихся культурных навыков. *Universum: психология и образование*, 2023, № 11 (113), с. 9–11. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16179> (дата обращения: 15.12.2023).

Iakusevich I. V. Practice-oriented approach in the training of future primary school teachers to develop students' cultural skills. *Universum: psychology and education*, 2023, no. 11 (113), pp. 9–11. Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16179> (accessed: 15.12.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе

Эльвира Викторовна Зауторова – доктор педагогических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, elvira-song@mail.ru, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России (2, ул. Щетинина, 160026 Вологда, Россия), ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (15а, стр. 1, ул. Нарвская, 125130 Москва, Россия), член-корреспондент Международной академии наук и педагогического образования; **Elvira V. Zautorova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, elvira-song@mail.ru, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, ul. Shchetinina, 160026 Vologda, Russia), Leading researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (15a, str. 1, ul. Narvskaja, 125130 Moscow, Russia), Corresponding member, International Academy of Sciences and Higher Education.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 22.04.2024.

The article was submitted 20.03.2024; Approved after reviewing 08.04.2024; Accepted for publication 22.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 198–208.
Cherovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 198–208.

Научная статья
УДК 37.013.42
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-18>
EDN: LUBGWS

Диагностика проявления буллинга у младших школьников

Галина Николаевна Лашкова¹, Наталия Николаевна Чистякова^{2✉}
^{1,2} Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
¹gnlashkova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9952-8902>
^{2✉}nnchistiakova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-7452>

Аннотация. Авторы рассматривают значение профилактики буллинга в начальной школе как одно из требований ФГОС НОО. В статье представлен анализ понятия «буллинг» с разных точек зрения, определено понятие «школьный буллинг», его характеристики и факторы проявления. Раскрыты критерии и показатели проявления буллинга у младших школьников. Подробно описаны диагностические методики, позволяющие определить уровни проявления буллинга у обучающихся. Количественный и качественный анализ результатов диагностических методик позволил выявить проблему проявления буллинга в практике школьного обучения и наметить пути его профилактики.

Ключевые слова: буллинг, школьный буллинг, характеристики буллинга, факторы буллингового поведения, компетентность, профилактика буллинга

Для цитирования: Лашкова Г. Н., Чистякова Н. Н. Диагностика проявления буллинга у младших школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 198–208. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-18>

Diagnosis of bullying in junior schoolchildren

Galina N. Lashova¹, Natalia N. Chistiakova^{2✉},
^{1,2}Cherovets State University,
Cherovets, Russia,
gnlashkova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9952-8902>
^{2✉}nnchistiakova@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-7452>

Abstract. The authors consider the importance of preventing bullying in elementary school as one of the requirements of the Federal State Educational Standard for Primary General Education. The article analyses the concept of “bullying” from different points of view, defines the concept of “school bullying”, and highlights its characteristics and manifestation factors. The authors reveal criteria and indicators for the manifestation of bullying in younger schoolchildren. Diagnostic methods are described in detail to determine the levels of bullying among pupils. Quantitative and qualitative analysis of the diagnostic techniques allowed us to identify the problem of bullying in school practice and to identify ways to prevent it.

Keywords: bullying, school bullying, characteristics of bullying, factors of bullying behavior, competence, prevention of bullying

For citation: Lashova G. N., Chistiakova N. N. Diagnosis of bullying in junior schoolchildren. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 198–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-18>

Введение

Проблема буллинга в настоящее время приобретает особое значение в школьном образовании, в том числе и в начальной школе. На успешность обучения ребенка в школе и формирование его личностных качеств влияют взаимоотношения в классном коллективе, которые требуют пристального внимания со стороны учителя.

В процессе обучения младшие школьники сталкиваются с физическим и моральным давлением со стороны других участников образовательных отношений.

Данное явление получило название «школьный буллинг». Школьный буллинг отрицательно влияет на психическое и физическое здоровье учащихся, что приводит к появлению в будущем различного рода проблем.

Основная часть

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (далее – ФГОС НОО)¹ определяет требования к личностным результатам освоения основной образовательной программы, одним из составляющих которой является духовно-нравственное воспитание. Спектр задач, которые решаются в рамках духовно-нравственного воспитания, достаточно широк: от умения признавать индивидуальность человека, выражать уважение и доброжелательность к людям до неприятия таких форм поведения, которые могут причинить окружающим физический и моральный вред.

В этой связи профилактика буллинга среди младших школьников приобретает особую значимость. Психолого-педагогические аспекты буллинга у младших школьников, его содержательную характеристику, причины распространения и социально-психологические факторы буллинга в школьной среде рассматривали в своих исследованиях П. П. Блонский, Е. Ю. Волчегорская, Н. А. Гришаева, М. В. Жукова, Н. В. Котова, В. В. Лупу, К. И. Шишкина и др.

Особенности профилактики буллинга в начальной школе, направления психолого-педагогического сопровождения младших школьников как жертв школьного буллинга в образовательной организации были освещены А. Э. Богатыревой, О. Е. Бочковой, К. В. Гиталовой, Н. А. Горячевой, Е. В. Гребенкиной, Е. А. Рогожиной, М. И. Тюриной, В. А. Фроловой и др.

Понятие «буллинг» многогранно и рассматривается с разных точек зрения:

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 года № 286. URL: https://sh-sazonovskaya-r19.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_NOO_ot_18.07.2022.pdf (дата обращения: 16.09.2023).

– как насилие физического или психического характера (Дэвид Лейн)¹;
– как вариант деструктивного конфликтного взаимодействия (Д. Н. Соловьев)²;
– как тип поведения, при котором намеренно наносится физический или психический вред (Дэн Олвеус)³.

В частности, по нашему мнению, определение буллинга только как насилия некорректно, поскольку на его проявление влияют и другие внешние факторы.

Анализируя изученную литературу, можно отметить, что буллинг понимается как социальное явление, которое оказывает негативное воздействие на пострадавшего, на его оценку себя в обществе и затрагивает его положение в группе сверстников.

Можно считать, что буллинг может повторяться с одними и теми же участниками и включает непосредственное давление на жертву. Н. М. Платонова отмечает, что школьный буллинг проявляется через физические или психические унижения (насмешки, порчу личных вещей, вымогательство, издевательства, унижающие достоинство личности)⁴.

С точки зрения С. Д. Арзуманян⁵, буллинг в школе характеризуется агрессивностью и негативной направленностью поступков; систематичностью; проявлением между сторонами конфликта, обладающими разными правами; преднамеренностью насильственных действий.

Факторы, влияющие на проявление буллинга разнообразны. А. М. Прихожан⁶ выделяет персональные, поведенческие, социальные факторы; внутрисемейные конфликты и личные проблемы.

В целом анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил заключить, что под буллингом понимается преднамеренное, систематически повторяющееся агрессивное поведение, которое проявляется через физические, вербальные или психические унижения. При этом буллинг – форма деструктивного межличностного взаимодействия, составляющими которой являются обидчик (один человек или группа) и жертва. Жертва психологически или физически слабее обидчика, длительно и систематично подвергается насилию и агрессии с его стороны.

Младший школьный возраст обусловлен проблемами социальной адаптации к школе, что оказывает влияние на поведение детей в данный возрастной период, а

¹ Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг). Детская и подростковая психотерапия. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 274 с.

² Соловьев Д. Н. Обзор зарубежных программ профилактики и преодоления буллинга в школе: материалы I Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия» (29 ноября 2014 г.). Москва: Перо, 2014. С. 91–96.

³ Olweus D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington: Hemisphere (Wiley), 1978. P. 160–183.

⁴ Платонова Н. М. Агрессия у детей и подростков. Санкт-Петербург: Речь, 2014. 334 с.

⁵ Арзуманян С. Д. Микросреда и отклонения социального поведения детей и подростков. Ереван: Луйс, 2018. 254 с.

⁶ Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. Санкт-Петербург: Питер. 2017. 192 с.

также на проявления буллинга по отношению друг к другу. Психологические особенности участников буллинга характеризуются агрессивностью, тревожностью, замкнутостью, тенденциями к самоутверждению, скрытностью, что обуславливает необходимость профилактики буллинга у младших школьников.

В исследовании под профилактикой буллинга понимается система мероприятий, которые направлены на предупреждение отклонений в поведении, что является одной из основных задач общеобразовательной школы.

Направленность мероприятий на профилактику буллинга позволяет формировать нравственное поведение и нравственные качества личности. Данную точку зрения отражает в своих исследованиях Е. П. Федотова¹.

С целью выявления уровня проявления буллинга у младших школьников проведено диагностическое исследование, в котором принимали участие ученики 3-го класса в количестве 30 чел. Были выделены критерии и показатели уровня проявления буллинга у младших школьников, предложенные А. Э. Богатыревой² (см. таблицу).

Таблица

Критерии, показатели и диагностические методики проявления буллинга у младших школьников

Критерии	Показатели	Диагностические методики
Отношения с окружающими	– степени развитости черты личности «агрессивность»; – враждебная реакция на большинство высказываний, действий и поступков окружающих людей	Методика 1. Тест «Агрессивность» (автор Саул Розенцвейг). Цель: оценка уровня агрессивного поведения у младших школьников по отношению к окружающим
Агрессивные реакции	– стиль поведения в стрессовых ситуациях; – особенности приспособления к социальной среде	Методика 2. Тест «Агрессивность» (автор Л. Г. Почебут). Цель: выявление уровня агрессивных реакций у младших школьников
Тревожность	– эмоциональные реакции на привычные жизненные ситуации; – внутреннее отношение ребенка к определенным социальным ситуациям	Методика 3. Тест «Тревожность» (авторы Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен). Цель: определение уровня развития тревожности у младших школьников

¹ Федотова Е. П. Противодействие школьному буллингу: опыт образовательных организаций // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5 (107). С. 154–157. <https://doi.org/10.23670/IRS.2021.107.5.064>

² Богатырева А. Э. Психолого-педагогическая профилактика буллинга в начальной школе // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов (г. Витебск, 9–10 февраля 2017 г.): в 2 т. Т. 2. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. С. 132–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29136595> (дата обращения: 12.09.2023). EDN: YNPMSR

Тест «Агрессивность» (автор Саул Розенцвейг) позволил оценить уровень агрессивного поведения у младших школьников по отношению к окружающим¹.

Тест проводится отдельно с каждым испытуемым. Учащимся выдаются рисунки, на которых изображены люди в разных стрессовых ситуациях, один из которых по отношению к другому проявляет определенные действия. Эти действия вторым человеком могут трактоваться по-разному: как намеренно агрессивные и как случайные без желания навредить человеку или унижить его.

Анализ исследования уровня агрессивного поведения по отношению к окружающим младших школьников показал, что у большинства детей экспериментальной группы преобладает средний уровень, о чем свидетельствуют результаты 45 % испытуемых.

У 38 % младших школьников выявлен низкий уровень агрессивного поведения по отношению к окружающим как критерий проявления буллинга. Высокий уровень агрессивного поведения по отношению к окружающим показали 17 % младших школьников.

В частности, учащиеся, у которых был выявлен средний уровень агрессивности, иногда проявляют агрессию по отношению к окружающим, к их действиям и поступкам. В ряде случаев у них возникают реакции, в которых они хотят обидеть или унижить своего товарища. Черта агрессивности недостаточно развита, но находит свое отражение в проявлениях буллинга.

Младшие школьники, показавшие низкий уровень агрессивного поведения по отношению к окружающим как критерий проявления буллинга, реагируют на ситуации дружелюбно, стараясь разрядить возникшую напряженность, успокоить, не придавать значения случившемуся.

Черта агрессивности в поведении и отношении с окружающими не выявлена, отсюда и отсутствует проявление буллинга. Вместе с тем, высокий уровень агрессивного поведения по отношению к окружающим у младших школьников характеризуется повышенной агрессией. Подобное поведение проявляется даже тогда, когда действие другого человека не вызвано стремлением причинить ему неприятности, следовательно, можно говорить о явных проявлениях буллинга в классе.

Тест «Агрессивности» (автор Л. Г. Почебут) направлен на выявление уровня агрессивных реакций у младших школьников². Исследование проводится отдельно с каждым испытуемым. Учащимся необходимо ответить однозначно на различные утверждения.

Анализ результатов показал, что у большинства третьеклассников (35 %) отмечается средний уровень агрессивных реакций как критерий проявления буллинга. У 34 % младших школьников – низкий уровень агрессивных реакций как критерий проявления буллинга, 31 % обучающихся показали высокий уровень агрессивных реакций.

¹ Методика «Агрессивность» (модификация теста Розенцвейга) // Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/index.php (дата обращения: 12.11.2023).

² Михайлина М. Ю. Профилактика детской агрессивности: теоретические основы, диагностические методы, коррекционная работа. Волгоград: Учитель, 2020. 116 с.

Средний уровень агрессивных реакций как критерий проявления буллинга демонстрирует адаптированность к обстоятельствам и окружающим. У детей находит отражение выраженная предметная агрессия, когда они срывают свою злость на окружающих их предметах.

Например, на вопрос «Если мне не удастся починить сломавшийся или порвавшийся предмет, то я в гневе ломаю или рву его окончательно» мы получили утвердительный ответ. В то же время у отдельных школьников наблюдается самоагрессия, т. е. они не находятся в мире и согласии с собой и у них отсутствуют или ослаблены механизмы психологической защиты.

Об этом свидетельствуют положительные ответы на утверждение «Иногда мне кажется, что судьба сыграла со мной злую шутку». В этой связи у таких детей существует опасность закрепления агрессивных реакций как патохарактерологических. Следовательно, им требуется помощь в овладении собственным поведением, что может служить отправной точкой проявления буллинга у детей. Младшие школьники экспериментальной группы, показавшие низкий уровень агрессивных реакций, обладают низкой степенью агрессивности и высокой степенью адаптированного поведения. Такие ученики на утверждения «Я избегаю драки» и «В разговоре с человеком я стараюсь его внимательно выслушать, не перебивая» отвечают утвердительно. У детей данного уровня нет опасности закрепления ситуационно-личностных реакций агрессии, они самостоятельно овладевают собственной агрессивностью, отсюда отсутствует проявление буллинга.

Наконец, у младших школьников, находящихся на высоком уровне агрессивных реакций, ярко выражена предметная агрессия, направленная на окружающие их предметы.

Среди положительных утверждений выбраны следующие: «Я бываю настолько взбешен, что швыряю разные предметы», «Когда я взбешен, то могу хлопнуть дверью». Таким детям свойственна эмоциональная агрессия, которая выражается в эмоциональном отчуждении при общении с другими людьми, сопровождаемым подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к нему. Учащиеся положительно отвечают на вопрос «Когда я думаю об очень неприятном мне человеке, я могу прийти в возбуждение от желания причинить ему зло».

Следовательно, эти дети обладают низкими адаптационными возможностями, им требуется значительная психолого-педагогическая помощь в предупреждении агрессивности как расстройства поведения и эмоций. Исходя из этого, можно сделать вывод, что у таких учащихся имеются проявления буллинга в классе.

Тест «Тревожность» (авторы Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен)¹ позволил определить уровень развития тревожности у младших школьников.

Ребенку показывают по очереди 14 рисунков. Девочкам предлагаются рисунки, на которых изображены девочки, мальчикам – рисунки, на которых изображены мальчики. Лица детей не прорисованы. Каждая картинка снабжена двумя дополни-

¹ Тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен). URL: https://mgppu.ru/resources/files/fkc_metod/1.1.2%20Детский%20тест%20тревожности%20Р.Темл%2С%20М.Дорки%2С%20В.Амен..pdf (дата обращения: 16.09.2023).

тельными рисунками детской головы, соответствующими контуру лица: улыбающееся лицо и печальное лицо. Определен порядок представления рисунков испытуемым. Предъявив ребенку рисунок, учитель задает вопросы, для ответов на которые дети выбирают лицо с соответствующей эмоцией. Анализ результатов позволяет определить индекс тревожности каждого ребенка.

Данные показали, что 20 % детей имеют высокий уровень развития тревожности, 68 % – средний, 12 % – низкий. Средний уровень тревожности характеризует негативное состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей. У школьников основное проявление тревожности находит свое отражение в фрустрационных ситуациях. Следовательно, эти третьеклассники могут быть подвержены буллингу со стороны своих товарищей по классу.

У учащихся с высоким уровнем тревожности были отмечены беспокойства, различные виды страха. Дети с тревогой относятся к любым заданиям, жалуются на страшные сны и смущаются чаще других. Вместе с тем, высокий уровень тревожности может быть обусловлен тем, что такие младшие школьники выступают в роли жертвы буллинга.

Младшие школьники с низким уровнем тревожности уверены в себе, не боятся столкнуться с трудностями, практически не расстраиваются, в незнакомых компаниях не смущаются. Следовательно, не могут подвергнуться буллингу со стороны одноклассников.

В результате суммирования трех проведенных диагностических методик определены уровни проявления буллинга у третьеклассников.

Большинство младших школьников экспериментальной группы (45 %) имеют средний уровень проявления буллинга. У таких детей не часто, но находит свое отражение агрессия по отношению к окружающим, к их действиям и поступкам. В ряде случаев возникают реакции, при которых ребенок хочет обидеть или унижить другого человека. Такие дети адаптированы к обстоятельствам и людям, которые их окружают. Младшему школьнику требуется помощь в овладении собственным поведением, поскольку возникает возможность проявления агрессивных реакций. Индекс тревожности (далее – ИТ) младших школьников составляет от 20 % до 50 %. У детей обнаруживается беспокоящий фактор, которому они противостоят. Действие его ограничено и не определяет общего самочувствия обучающегося. Детям приходится испытывать эмоциональное напряжение в тех ситуациях, в которых раньше они чувствовали себя уверенно. В стрессовых ситуациях не всегда могут принять ситуацию и справиться с волнующими переживаниями.

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что у большинства младших школьников экспериментальной группы отмечаются частичные проявления буллинга.

У 38 % третьеклассников наблюдается низкий уровень проявления буллинга. Данный результат обусловлен тем, что такие дети реагируют на различные ситуации адекватно, стараются разрядить возникшую напряженность, успокоить окружающих, не придавать значения случившемуся. Агрессивности в поведении и отношении с окружающими нет, поведение адаптировано. Также отсутствует опасность закрепления реакций агрессии; учащиеся спокойно относятся к любым трудностям,

возникающим в их обыденной жизни. ИТ детей составляет от 0 % до 20 %. У третьеклассников с низким уровнем проявления буллинга в стрессовых ситуациях не проявляется эмоционально дестабилизирующий фактор, отсюда у чуть более трети младших школьников экспериментальной группы не наблюдается проявлений буллинга.

Высокий уровень буллинга наблюдается у 17 % третьеклассников. В частности, у них в чертах личности присутствует агрессивность, которая проявляется враждебной реакцией на большинство высказываний, действий и поступков окружающих. Такие дети пытаются проявить свои агрессивные и эмоциональные реакции, даже если действие одноклассника не вызвано стремлением причинить ему неприятности. Кроме того, в стрессовых ситуациях они находятся в состоянии эмоциональной дестабилизации. Следовательно, это говорит о характерных проявлениях буллинга. При этом младший школьник с высоким уровнем может выступать как в роли агрессора, так и в роли жертвы.

Таким образом, на основании качественного и количественного анализа результатов можно утверждать, что преимущественным у третьеклассников является средний уровень проявления буллинга, что свидетельствует о необходимости проведения обширной комплексной коррекционной работы.

Выводы

В целом можно предположить, что младший школьный возраст обусловлен проблемами социальной адаптации к школе, что оказывает влияние на поведение детей в данный возрастной период, а также на проявления буллинга по отношению друг к другу.

Психологические особенности участников буллинга характеризуются агрессивностью, тревожностью, замкнутостью, тенденциями к самоутверждению, скрытностью, что обуславливает необходимость профилактики буллинга среди младших школьников.

Полученные в ходе исследования результаты показали, что большинство младших школьников экспериментальной группы имеют средний уровень проявления буллинга.

В рамках дальнейшего исследования с целью профилактики буллинга предполагаются:

- мониторинг проявления буллинга среди учащихся разных возрастных групп, включающий выявление индивидуально-личностных особенностей детей, проявляющих буллинг, с последующей коррекцией их поведения;
- определение педагогических условий, позволяющих эффективно организовать профилактику буллинга в начальной школе, включающих использование различных технологий (игровой, проектной, групповой, развития критического мышления);
- осуществление взаимосвязи с участниками образовательных отношений (учитель, родители, психолог, социальный педагог) для определения совместных путей разрешения конфликтных ситуаций и снижения риска проявления буллинга.

Список литературы / References

Арзуманян С. Д. *Микросреда и отклонения социального поведения детей и подростков*. Ереван: Луйс, 2018. 254 с.

Arzumanian S. D. *Microenvironment and deviations in the social behaviour of children and adolescents*. Erevan: Luis, 2018. 254 p. (In Russ.)

Богатырева А. Э. Психолого-педагогическая профилактика буллинга в начальной школе. *Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов (г. Витебск, 9–10 февраля 2017 г.): в 2-х т., т. 2*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017, с. 132–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29136595> (дата обращения: 12.09.2023). EDN: YNPMSR

Bogatyрева A. E. Psychological and pedagogical prevention of bullying in primary school. *Science – education, production, economy: Proceedings of the XXII (69) Regional research and practice conference of teachers, staff and graduate students (Vitebsk, 9–10 February 2017): in 2 vols., vol. 2*. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P. M. Masherova, 2017, pp. 132–133. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29136595> (accessed: 12.09.2023). (In Russ.) EDN: YNPMSR

Галагузова М. А. *Социальная педагогика*. Москва: ВЛАДОС, 2020. 416 с.

Galaguzova M. A. *Social pedagogy*. Moscow: VLADOS, 2020. 416 p. (In Russ.)

Лейн Д. А. *Школьная травля (буллинг). Детская и подростковая психотерапия*. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 274 с.

Lein D. A. *School bullying. Child and adolescent psychotherapy*. St Petersburg: Piter, 2011. 274 p. (In Russ.)

Методика «Агрессивность» (модификация теста Розенцвейга). Мещеряков Б., Зинченко В. *Большой психологический словарь*. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/index.php (дата обращения: 12.11.2023).

Methodology 'Aggressiveness' (modification of S. Rosenzweig test). Meshcheriakov B., Zinchenko V. *Big Psychological Dictionary*. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/index.php (accessed: 12.11.2023). (In Russ.)

Михайлина М. Ю. *Профилактика детской агрессивности: теоретические основы, диагностические методы, коррекционная работа*. Волгоград: Учитель, 2020. 116 с.

Mikhailina M. Yu. *Prevention of child aggressiveness: theoretical foundations, diagnostic methods, correctional work*. Volgograd: Uchitel', 2020. 116 p. (In Russ.)

Мудрик А. В. *Социальная педагогика*. Москва: Академия, 2019. 200 с.

Mudrik A. V. *Social pedagogy*. Moscow: Akademiia, 2019. 200 p. (In Russ.)

Платонова Н. М. *Агрессия у детей и подростков*. Санкт-Петербург: Речь, 2014. 336 с.

Platonova N. M. *Aggression among children and adolescents*. St Petersburg: Rech', 2014. 336 p. (In Russ.)

Прихожан А. М. *Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст*. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 192 с.

Prikhozhan A. M. *Psychology of anxiety: preschool and school age*. St Petersburg: Piter. 2017. 192 p. (In Russ.)

Соловьев Д. Н. Обзор зарубежных программ профилактики и преодоления буллинга в школе: материалы I Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия» (29 ноября 2014 г.). Москва: Перо, 2014, с. 91–96.

Solov'ev D. N. *Review of foreign programmes of prevention and overcoming bullying at school: Proceedings of the I International research and practice conference 'Psychological and pedagogical problems of personality and social interaction' (29 November 2014)*. Moscow: Pero, 2014, pp. 91–96. (In Russ.)

Тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен). URL: https://mgppu.ru/resources/files/fkc_metod/1.1.2%20Детский%20тест%20тревожности%20Р.Темл%2С%20М.Дорки%2С%20В.Амен..pdf (дата обращения: 16.09.2023).

Anxiety test (R. Temple, M. Dorky, V. Amen). Available at: https://mgppu.ru/resources/files/fkc_metod/1.1.2%20Detskii%20test%20trevozhnosti%20R.Teml%2С%20M.Dorki%2С%20V.Amen..pdf (accessed: 16.09.2023). (In Russ.)

Федотова Е. П. Противодействие школьному буллингу: опыт образовательных организаций. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 5 (107), с. 154–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-shkolnomu-bullingu-opyt-obrazovatelnyh-organizatsiy> (дата обращения: 16.09.2023). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.107/5/064>

Fedotova E. P. Counteracting school bullying: the experience of educational organisations. *Social and Human Sciences*, 2021, no. 5 (107), pp. 154–157. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-shkolnomu-bullingu-opyt-obrazovatelnyh-organizatsiy> (accessed: 16.09.2023). (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.107/5/064>

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 года № 286. URL: https://sh-sazonovskaya-r19.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_NOO_ot_18.07.2022.pdf (дата обращения: 16.09.2023).

Federal State Educational Standard for Primary General Education, approved by Order No. 286 of the Ministry of Education of the Russian Federation of 31 May 2021. Available at: https://sh-sazonovskaya-r19.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_NOO_ot_18.07.2022.pdf (accessed: 16.09.2023). (In Russ.)

Olweus D. *Aggression in the schools: Bullies and whipping boys*. Washington: Hemisphere (Wiley), 1978. 218 p.

Сведения об авторах

Галина Николаевна Лашкова – старший преподаватель; <https://orcid.org/0000-0001-9952-8902>, gnlashova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Galina N. Lashkova** – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0001-9952-8902>, gnlashova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Наталья Николаевна Чистякова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-1756-7452>, nchistiakova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Natalia N. Chistiakova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1756-7452>, nchistiakova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 29.03.2024; Approved after reviewing 27.04.2024; Accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 209–217.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 209–217.

Научная статья

УДК 377.8

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-19>

EDN: NGLPJJ

Сформированность статуса профессиональной идентичности у абитуриентов среднего профессионального образования: мотивы, ожидания, страхи

Марина Алексеевна Скворцова^{1✉}, Ирина Александровна Смирнова²

^{1,2}Костромской государственной университет,
Кострома, Россия,

¹dobrutmarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>

²ia_smirnova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования профессионального статуса выпускника общеобразовательной школы. Авторами раскрываются подходы к пониманию таких феноменов, как «профессиональная идентичность» и «профессиональный статус» абитуриента среднего профессионального образования в вузе с психолого-педагогической точки зрения. В статье раскрыты результаты исследования, целью которого являлось выявление групп абитуриентов с различными статусами профессиональной идентичности. В работе приведены качественный анализ и корреляционно-значимые характеристики профессионального статуса абитуриента с мотивами, ожиданиями и страхами.

Ключевые слова: абитуриент среднего профессионального образования, профессиональная идентичность, статус профессиональной идентичности

Для цитирования: Скворцова М. А., Смирнова И. А. Сформированность статуса профессиональной идентичности у абитуриентов среднего профессионального образования: мотивы, ожидания, страхи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 209–217. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-19>

Development of the professional identity status among applicants of secondary vocational education: motives, expectations, fears

Marina A. Skvortsova^{1✉}, Irina A. Smirnova²

Kostroma State University,
Kostroma, Russia,

¹dobrutmarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>

²ia_smirnova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>

Abstract. The article examines the process of forming the graduate's professional status of a comprehensive school. The authors reveal approaches to understanding such phenomena as applicant's "professional identity" and "professional status" of secondary vocational education at university from a psychological and pedagogical point of view. The article reveals the results of a

study aimed at identifying groups of applicants with different professional identity statuses. The paper presents a qualitative analysis and correlationally significant characteristics of the applicant's professional status with motives, expectations and fears.

Keywords: the applicant of secondary vocational training, professional identity, the status of professional identity

For citation: Skvortsova M. A., Smirnova I. A. Development of the professional identity status among applicants of secondary vocational education: motives, expectations, fears. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 209–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-19>

Введение

Профессиональный выбор и профессиональное самоопределение выпускника основного общего образования является одной из важнейших задач становления подростка. Данный период определяется установкой социумом и ближайшим окружением задачи выбора профессии, с которой будет связана их дальнейшая жизнь. Именно в связи с этим все жизненные установки, маршруты, цели и задачи строятся обучающимися с оглядкой на профессиональный выбор¹.

С другой стороны, каждый выпускник находится в непрерывном процессе формирования и развития, изменения условий действительности, корректировке профессиональных планов и представлений о жизни². Несомненно, это так же оказывает существенное влияние на выбор подростками своего профессионального пути. Вместе с тем, опросы старшеклассников показывают, что более 85 % учащихся 9-х классов не знают, кем они хотят стать, какую профессию выбрать; не определились с выбором учебного заведения, не уверены в правильности собственного выбора, а значит, не определились с тем, на изучение каких предметов следует обратить пристальное внимание³.

Сложность ситуации формирования профессиональной идентичности обусловлена неопределенностью подлежащих рассмотрению альтернатив и следствий принятого решения, результаты которого будут определять социальную позицию в структуре общества в отдаленной перспективе. Кроме того, в современном обществе происходит некоторая подмена профессионального выбора образовательным, когда выпускник выбирает не столько саму профессию, сколько уровень профессионального образования (среднее или высшее) и конкретное учебное заведение, в котором представлены программы профессиональной подготовки в интересующей его сфере деятельности⁴.

¹ Пряжников Н. С. Активные методы профессионального самоопределения. Москва: Центр «Развивающее образование», 2001. 86 с.

² Волков Б. С. Выбираем профессию. Основы профориентации. Москва: Говорящая книга, 2015. 171 с.

³ Чернякова М. М. Модернизация образования через создание системы раннего профессионального самоопределения учащихся в образовательных организациях // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 264–275.

⁴ Шарова Е. Н. Рискологический подход к пониманию проблем профессионального самоопределения молодежи: соотношение определенности и неопределенности // Всероссийская

В отечественной психолого-педагогической литературе существуют два подхода к пониманию профессиональной идентичности. В рамках первого подхода рассматриваемое понятие понимается как естественный процесс, возникающий в старшем подростковом и младшем юношеском возрастах и представляющий собой личностное новообразование данного возраста (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Божович, И. С. Кон, В. Ф. Сафин, П. А. Шавир)¹.

При втором подходе данный процесс рассматривается как процесс искусственный и внешне организованный (Л. М. Митина, М. Р. Гинзбург). В данном случае центральное место профессиональной идентичности занимает самодетерминация, собственная активность личности, осознанная тяга подростка занять определенную нишу².

К числу психолого-педагогических теорий, оказавших непосредственное и продуктивное влияние на развитие представлений о процессе формирования профессиональной идентичности человека, можно отнести теорию потребностей А. Маслоу, теорию профессионального развития личности Д. Сьюпера, положения о смыслоориентирующем значении выбора профессии и трудовой деятельности В. Франкла³.

В нашем понимании профессиональная идентичность – это сложный интегративный феномен, который представляет собой индивидуальную характеристику профессионального формирования личности, а также уровень принятия выбранной профессиональной педагогической деятельности в качестве инструмента самореализации и саморазвития.

Основная часть

Тема профессионального выбора и формирования профессиональной идентичности выпускников 9-х классов актуальна и в настоящее время. С 2022 г. Институт педагогики и психологии Костромского государственного университета открыл программы среднего профессионального образования 44.02.02 Преподавание в начальных классах, а с 2023 г. – 44.02.02 Преподавание в начальных классах и английский язык и 44.02.01 Дошкольное образование и английский язык.

В рамках работы с абитуриентами вуз особое внимание обращает не только на средний балл выпускника школы, но и на социально-педагогический портрет будущего первокурсника (мотивацию, уровень профессиональной идентичности, страхи,

научно-практическая конференция с международным участием «Социально-гуманитарное знание: история и современность» (г. Мурманск, 28 февраля–4 марта 2011 г.). Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2011. С. 256–260.

¹ Волков Б. С. Выбираем профессию. Основы профориентации. Москва: Говорящая книга, 2015. 171 с.

² Пряжников Н. С. Активные методы профессионального самоопределения. Москва: Центр «Развивающее образование», 2001. 86 с.

³ Шарова Е. Н. Рискологический подход к пониманию проблем профессионального самоопределения молодежи: соотношение определенности и неопределенности // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социально-гуманитарное знание: история и современность» (г. Мурманск, 28 февраля–4 марта 2011 г.). Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2011. С. 256–260.

опасения, личностные перспективы саморазвития и ожидания). В связи с этим нами было организовано и проведено исследование, направленное на выявление статусов и уровня сформированности профессиональной идентичности выпускников общеобразовательных организаций. В исследовании приняли участие 51 чел., планирующих поступать в Институт педагогики и психологии на педагогические специальности в 2023 г. Среди них 32 % – выпускники школ Костромской области, 49 % – обучающиеся из города Костромы, 19 % – абитуриенты из других регионов Российской Федерации; 79 % респондентов – обучающиеся 9-х классов, 21 % – обучающиеся 10–11-х классов.

Основным инструментарием нашего исследования стала методика изучения сформированности статусов профессиональной идентичности (А. А. Азбель, А. Г. Грецов), целью которой являлось определение степени выраженности у школьников статусов профессиональной идентичности. Для более качественного исследования групп с выявленными профессиональными идентичностями нами было использовано глубинное интервью, основными компонентами которого стали следующие блоки вопросов: «Мотив», «Страхи» и «Ожидания». Интервью в нашем исследовании выполняет задачу установить корреляционные связи между статусом профессиональной идентичности обучающихся и мотивами, страхами и ожиданиями. Перейдем к анализу полученных результатов.

Рассмотрим статус «Неопределенная профессиональная идентичность» (далее – НеПИ) абитуриентов. В ходе анализа полученных результатов нами было выявлено, что у 73 % респондентов данный статус выражен слабо, у 27 % зафиксирован уровень ниже среднего. Выраженного выше среднего и сильно выраженного уровня «неопределенной профессиональной идентичности» выявлено не было. НеПИ – это состояние, которое характерно для обучающихся, не имеющих прочных профессиональных целей, перспектив и планов, стратегических планов по выстраиванию карьеры; они не видят и не определяют себя в карьере как значимую фигуру. Отличительной чертой данного статуса является тот факт, что на обучающегося влияет ближайшее окружение, чаще всего родители, которые либо выражают второстепенное внимание или даже демонстрируют полное безразличие к профессиональному становлению своего ребенка.

Качественный анализ ответов интервью показал, что обучающиеся чаще всего отмечают одним из мотивов выбора высшего учебного заведения следующие мотивы: «посоветовали друзья», «друг учился», «нет других вариантов», «попробую сюда поступить, вдруг получится», – что во многом свидетельствует об отсутствии личной заинтересованности обучающегося и мотивации поступить именно на педагогические направления подготовки. Основными мотивами, которые подтолкнули их к завершению обучения в 9-м классе, являются: «низкие оценки по учебным предметам», «не могу больше обучаться в школе», «отсутствие экзаменов при поступлении после 9-го класса». Обучающиеся данной группы отмечают наиболее частые страхи и опасения связанные с процессом обучения и социальным окружением: «я боюсь не поступить на бюджетное место», «я не буду участвовать в мероприятиях, боюсь скопления людей и выхода на сцену», «думаю, что мне трудно будет найти друзей и дело по душе». Достаточно негативные высказывания можно встретить и в блоке

«Ожидания», так, например, наиболее частыми стали ответы: «уверена, что не оправдаю надежды родителей», «думаю, что родители будут часто недовольны моей учебкой». Из ответов интервью видно, что для данной группы респондентов мнение взрослого остается важным.

Исходя из анализа результатов по оценке сформированности статуса «Навязанная профессиональная идентичность» (далее – НаПИ), у 25 % респондентов – уровень ниже среднего, у 40 % – средний уровень выраженности, у 35 % – уровень выше среднего. НаПИ – это состояние, при котором обучающийся сделал выбор и определил свой профессиональный путь под влиянием авторитетных взрослых либо ближайшего окружения. Данная позиция, с одной стороны, уменьшает риски беспокойства обучающегося за сделанный выбор и обеспечивает комфортное состояние личности, но, с другой стороны, не дает гарантии удовлетворенности от процесса обучения и, впоследствии, от профессиональной роли выпускника.

Качественный анализ ответов интервью показал, что обучающиеся данной группы чаще всего отмечают одним из мотивов выбора высшего учебного заведения следующие: «много слышал хорошего об институте, поэтому и поступаю», «посоветовали родители», «сестра закончила и мама училась, поэтому и я поступаю», «родители сказали, что институт престижный». В блоке вопросов, связанных с мотивом завершения обучения в 9-м классе, обучающиеся отмечают такие аспекты, как «отсутствие финансовой возможности оплачивать репетиторов», «эмоциональная напряженность в классе», «учиться в 10–11-х классах – только время терять», «хочу побыстрее уехать от родителей». На вопросы о страхах о предстоящем обучении респонденты чаще всего указывали: «думаю, что после окончания вуза я не найду достойную работу», «думаю, что у меня будут проблемы со сдачей зачетов и экзаменов», «боюсь, что не оправдаю ожидания родителей, они будут мной недовольны», «придется потом учиться дальше, так как это не высокооплачиваемая профессия».

Рассмотрим статус «Мораторий профессиональной идентичности» (далее – МПИ). В ходе анализа полученных результатов нами было выявлено, что у 3 % респондентов – слабо выраженный уровень сформированности, у 23 % – уровень выраженности ниже среднего, у 29 % – выше среднего уровня, у 45 % – уровень сильно выраженный. МПИ – это состояние, которое характерно для индивида, познающего альтернативные пути и направления профессионального самостановления и развития. Респонденты в разной степени активности пытаются выйти из этого состояния через принятие осмысленного решения о своем будущем профессиональном становлении. Обучающиеся данной группы активно размышляют о возможных существующих вариантах профессионального становления, рассматривают свою судьбу относительно той или иной профессиональной позиции. Они постоянно находятся в информационном потоке и стремятся к расширению своих границ в области разных направлений образования и путей их получения. Данный статус является пограничной стадией («кризис выбора») к переходу к «Сформированной профессиональной идентичности».

Качественный анализ ответов интервью показал, что обучающиеся чаще всего отмечают такие мотивы выбора образовательной организации, как «наличие бюд-

жетных мест», «в институте другая среда и педагоги, не такие как в колледже», «любовь к детям», «думаю свою жизнь связать с педагогикой и психологией». Самыми популярными ответами в группе вопросов о причинах поступления после 9-го класса респонденты называли следующие: «хочу побыстрее получить профессию и начать работать», «отсутствие экзаменов при поступлении после 9-го класса», «не могу больше обучаться в школе из-за напряженных отношений в классном коллективе». Обучающиеся данной группы в качестве предполагаемых страхов высказывали следующие утверждения: «я боюсь не поступить на бюджетное место», «я думаю, что буду очень скучать по родителям», «я переживаю, что будет сложно учиться». Обучающиеся отмечали среди ожиданий от предстоящей учебы следующие: «думаю, что учеба в институте откроет новые грани моей личности», «после окончания института я смогу найти работу по душе», «уверен, что найду новых друзей», «думаю, что студенческая жизнь будет насыщенной и интересной».

Анализ результатов по оценке сформированности статуса «Сформированная профессиональная идентичность» (далее – СПИ) показывает, что у 20 % респондентов – слабо выраженный уровень сформированности, у 29 % – средняя степень выраженности, у 33 % – уровень выше среднего, у 18 % обучающихся – сильно выраженный статус. СПИ – это состояние, которое характеризуется наличием и осознанием самостоятельного выбора профессионального пути и его стратегии. Данной группе с разной степенью выраженности статуса, но понятны будущие профессиональные шаги и процесс профессионального осознанного получения образования. Полученные результаты представим графически (см. рисунок).

Качественный анализ ответов интервью показал, что обучающиеся чаще всего отмечают такие мотивы выбора образовательной организации, как: «учиться в вузе престижно», «возможность получить качественные знания для моей будущей профессии», «педагоги-профессионалы», «дружная атмосфера среди педагогов и студентов». В группе вопросов, связанных с причинами не продолжать обучение в 10-м классе, респонденты указывали среди наиболее популярных следующие утверждения: «хочу побыстрее получить профессию и начать работать», «обучение высококвалифицированным педагогическим составом», «не хочется 2 года тратить на подготовку к ЕГЭ», «отсутствие финансовой возможности оплачивать репетиторов». Среди ответов, связанных с переживаниями и страхами участников интервью, наиболее популярными стали следующие: «я боюсь не поступить на бюджетное место», «боюсь не сдать какой-нибудь экзамен или зачет», «переживаю, что не найду друзей среди одноклассников». В группе ожиданий от предстоящей учебы обучающиеся указывали следующие утверждения: «после окончания института я смогу найти работу по душе», «очень жду начала обучения в новом коллективе», «уверен, что найду новых друзей», «думаю, что смогу проявить свои творческие способности в полной мере».

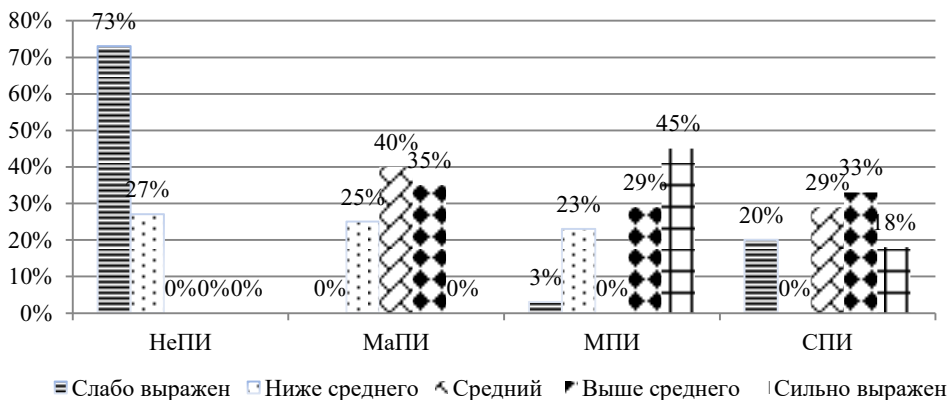

Рисунок. Сводная диаграмма сформированности статусов профессиональной идентичности

Выводы

Приведенный выше качественный и количественный анализ полученных результатов позволяет нам сделать ряд выводов о корреляционной зависимости между сформированным статусом профессиональной идентичности обучающегося и его мотивами, страхами и ожиданиями:

– Статус «неопределенной профессиональной идентичности» коррелируется с достаточно туманными представлениями обучающихся о будущем профессиональном обучении; стратегией избегания неудач; погруженностью в жизненные текущие проблемы и задачи; отсутствием стратегического планирования и перспективных взглядов; ожидания от учебы связаны лишь с социальным окружением.

– Статус «навязанной профессиональной идентичности» коррелируется с отсутствием самостоятельности в принятии решений; зависимостью от мнения окружающих; решением большого числа задач в разных областях и в разных режимах; авторитарной и навязанной позицией взрослого; страхами перед неизвестностью / неопределенностью; тревожным состоянием и повышенным напряжением в отношениях «родитель – ребенок».

– Статус «мораторий профессиональной идентичности» коррелируется с ощущением недостаточности информации о профессии; состоянием выбора / метания; напряженного состояния / недопонимания взрослого окружения обучающегося; страхом сделать неправильный выбор; страхом не оправдать надежд собственных / родительских.

– Статус «сформированной профессиональной идентичности» коррелируется с сомнениями / опасениями о сделанном выборе; недопониманием отстраненности взрослого в профессиональном выборе; опасением ответственности за сделанный выбор; более глубокими представлениями о предстоящем пути профессионального становления.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что достаточно большой процент абитуриентов обладает статусом «навязанная профессиональная идентичность», что может привести к быстрой потере мотивации к обучению или формальному получению образования («для корочек»). С другой стороны, результаты исследования показывают сильный (45 %) и выше среднего (29 %) уровень «Мотория профессиональной идентичности», что позволяет говорить об активном поиске, сомнениях, изучении и сопоставлении информации в области профессионального становления. Данный статус является кризисным для абитуриента, что говорит о достаточно прочном и качественном подходе к формированию профессиональной идентичности личности. Процент сформированной профессиональной идентичности составляет 18 % на высшем уровне и 33 % на уровне выше среднего. Данные показатели свидетельствуют о том, что у группы сформирована стойкая профессиональная позиция относительно своего будущего профессионального становления.

Список литературы / References

Волков Б. С. *Выбираем профессию. Основы профориентации*. Москва: Говорящая книга, 2015. 171 с.

Volkov B. S. *Choosing a profession. Fundamentals of career guidance*. Moscow: Govoriashchaia kniga, 2015. 171 p. (In Russ.)

Пряжников Н. С. *Активные методы профессионального самоопределения*. Москва: Центр «Развивающее образование», 2001. 86 с.

Priazhnikov N. S. *Active methods of professional self-determination*. Moscow: Tsentr "Razvivaiushchee obrazovanie", 2001. 86 p. (In Russ.)

Чернякова М. М. Модернизация образования через создание системы раннего профессионального самоопределения учащихся в образовательных организациях. *Гуманитарные и социальные науки*, 2015, № 1, с. 264–275.

Cherniakova M. M. Modernisation of education through the development of a system for early professional self-determination of students in educational organisations. *The Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 1, pp. 264–275. (In Russ.)

Шарова Е. Н. Рискологический подход к пониманию проблем профессионального самоопределения молодежи: соотношение определенности и неопределенности. *Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социально-гуманитарное знание: история и современность» (г. Мурманск, 28 февраля–4 марта 2011 г.)*. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2011, с. 256–260.

Sharova E. N. Riskological approach to understanding the problems of young people's professional self-determination: the ratio of certainty and uncertainty. *All-Russian Research and Practice Conference with International Participation 'Social and Humanitarian Knowledge: History and Modernity' (Murmansk, 28 February–4 March 2011)*. Murmansk: Murmanskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2011, pp. 256–260. (In Russ.)

Сведения об авторах

Марина Алексеевна Скворцова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>, dobrutmarina@mail.ru, Костромской государственный университет (17/11, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Marina A. Skvortsova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>, dobrutmarina@mail.ru, Kostroma State University (17/11, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Ирина Александровна Смирнова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-4309-5981>, dobrutmarina@mail.ru, Костромской государственной университет (17/11, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Irina A. Smirnova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6693-6130>, dobrutmarina@mail.ru, Kostroma State University (17/11, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Claimed contribution of the authors: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 13.03.2024.

The article was submitted 22.01.2024; Approved after reviewing 28.02.2024; Accepted for publication 13.03.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 218–228.
Cherovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 218–228.

Научная статья

УДК 378.016

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-20>

EDN: NTNLFА

**Обучение на языке-посреднике в медицинских вузах России:
комплексный подход к формированию коммуникативной компетенции
иностраннх студентов (из опыта работы СПбГПМУ)**

Евгения Евгеньевна Шлейникова¹, Антонина Александровна Дементьева^{2✉},
Татьяна Григорьевна Макарова³, Ирина Ивановна Могилёва⁴

^{1,2,3,4}Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Санкт-Петербург, Россия,

¹jevgenija@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>

^{2✉}antoninadementyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>

³tat.mak1954@gmail.com

⁴flan43@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9559-4734>

Аннотация. Авторы рассматривают проблемы организации обучения русскому языку студентов, получающих образование в медицинских вузах России на языке-посреднике. В статье описывается опыт работы кафедры русского языка СПбГПМУ по реализации комплексного подхода в формировании коммуникативной компетенции иностраннх обучающихся. Одним из путей решения заявленных проблем, по мысли авторов, является актуализация междисциплинарных связей в процессе преподавания дисциплин собственно лингвистического и общегуманитарного циклов, а также вовлечение студентов-иностранцев во внеучебную деятельность университета.

Ключевые слова: экспорт образовательных услуг, медицинское образование в РФ, язык-посредник, русский язык как иностранный, комплексный подход, междисциплинарные связи

Для цитирования: Шлейникова Е. Е., Дементьева А. А., Макарова Т. Г., Могилёва И. И. Обучение на языке-посреднике в медицинских вузах России: комплексный подход к формированию коммуникативной компетенции иностраннх студентов (из опыта работы СПбГПМУ) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 218–228. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-20>

**Teaching in an intermediary language at medical universities of Russia:
complex approach to foreign students' communicative competence formation
(from the practical experience of SPbSPMU)**

Evgeniia E. Shleinikova¹, Antonina A. Dement'eva^{2✉},
Tat'iana G. Makarova³, Irina I. Mogileva⁴

^{1,2,3,4} St Petersburg State Pediatric Medical University,
Saint Petersburg, Russia,

¹jevgenija@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>

^{2✉}antoninademytyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>

³tat.mak1954@gmail.com,

⁴flan43@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9559-4734>

Abstract. The authors consider the problems of organizing the Russian language teaching to students receiving education at medical universities of Russia in an intermediary language. The article describes the practical experience of the Russian Language Department of St Petersburg State Pediatric Medical University in implementing a complex approach to the foreign students' communicative competence formation. In the authors' opinion, one of the ways to solve the stated problems is the actualization of interdisciplinary connections while teaching the linguistic and general humanitarian sciences, as well as the foreign students' involvement in extracurricular activities at university.

Keywords: export of educational services, medical education in the Russian Federation, intermediary language, Russian as a foreign language, complex approach, interdisciplinary relations

For citation: Shleinikova E. E., Dement'eva A. A., Makarova T. G., Mogileva I. I. Teaching in an intermediary language at medical universities of Russia: complex approach to foreign students' communicative competence formation (from the practical experience of SPbSPMU). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 218–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-6-123-20>

Введение

Спектр программ обучения, предоставляемых вузами РФ в рамках экспорта образовательных услуг, постоянно расширяется. Медицинское образование в этом ряду традиционно весьма востребовано иностранными гражданами. Исходя из стремления к повышению конкурентоспособности отечественной высшей школы, в последние десятилетия одним из факторов, способствующих привлечению иностранных студентов-медиков в Россию, было избрано включение в образовательные программы медицинских университетов обучения на языке-посреднике.

Следует отметить, что понятие «язык-посредник» применительно к разным наукам трактуется неоднозначно. В методике преподавания иностранных языков таким образом обозначается язык, используемый в процессе обучения другому языку для объяснения лингвистических явлений¹. В практике преподавания дисциплин не лингвистического цикла язык-посредник выступает в качестве основного инстру-

¹ Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.

мента общения, что требует от преподавателя должного уровня владения им либо наличия переводчика.

Основная часть

Наиболее распространенным языком-посредником при обучении иностранцев в российских вузах в настоящее время является английский. Программы на данном языке по медицинскому профилю предлагает большое количество отечественных университетов, от ведущих вузов страны до небольших – в областных и республиканских центрах. Так, обучение на английском языке по профилям «Лечебное дело» и «Стоматология» предлагают Первый Московский государственный университет имени И. М. Сеченова, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, Российский университет дружбы народов (Москва); Первый медицинский университет имени И. П. Павлова, Северо-западный медицинский университет имени И. И. Мечникова, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); Новосибирский государственный университет; Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ) (Нижний Новгород); Астраханский государственный медицинский университет, Тамбовский медицинский университет; Дальневосточный федеральный университет (Владивосток); Казанский федеральный университет; Волгоградский государственный медицинский университет и др. Основной контингент обучающихся на английском языке в медицинских вузах составляют студенты из англофонной части Африки (Нигерия, Зимбабве, Танзания), представители арабских стран (Египет, Марокко, Сирия, Ливан, Ирак), а также обучающиеся из Ирана, Индии и Пакистана.

В некоторых вузах существуют программы обучения на французском языке, в частности, в Рязанском государственном медицинском университете, что актуально, в первую очередь, для студентов из франкофонных государств Африки (Камеруна, Руанды, Бурунди, отчасти Экваториальной Гвинеи, Марокко, Алжира и Туниса). Наиболее редко предлагается обучение на испанском языке (по профилям «Фармацевтика» и «Ортодонтия»), хотя оно может быть довольно востребованным для контингента из стран Латинской Америки и испаноязычной Африки.

Внедрение языка-посредника в практику преподавания высшей школы, безусловно, выводит экспорт образовательных услуг страны на более высокий уровень. Однако специфика обучения иностранцев в рамках подобных программ порождает проблемы, на которые неоднократно обращало внимание преподавательское сообщество русистов.

Большинство обучающихся указанного направления поступают в российские вузы без предварительной языковой и предметной довузовской подготовки, поскольку сокращение сроков обучения является одной из определяющих причин в выборе образовательного формата. Отсутствие довузовского этапа во многом определяет специфику вхождения зарубежных студентов в среду обучения и проживания. Иностранцы, воспитанные в разных традициях образовательной культуры, зачастую не знакомы с принятыми в России нормами преподавания учебных дисциплин. Сложный период приспособления к особенностям университетской жизни

первокурсника оказывается сопряжен с интенсификацией социально-культурной адаптации, которую слушатели подготовительного отделения последовательно проходят в течение года. Минуя указанный этап, студенты не только не овладевают языком страны обучения, но также лишаются возможности соотнести уровень своей общеобразовательной подготовки с требуемым для успешного обучения в медицинском вузе РФ. Все это становится причиной существенных проблем с посещаемостью и успеваемостью большого числа обучающихся на языке-посреднике, и тем самым значительно снижает результативность учебного процесса.

Таким образом, организация пребывания и обучения данного контингента в отечественных вузах требует особого подхода как к вопросам социально-культурной адаптации, так и реализации образовательного процесса в целом и преподавания русского языка в частности.

Как правило, обучающиеся на языке-посреднике воспринимают русский язык как сложный для овладения, не видят необходимости в его углубленном изучении, а также считают маловероятным его дальнейшее использование по окончании вуза. При достаточно интенсивной нагрузке по основным образовательным программам медицинского профиля данные студенты уделяют изучению русского языка довольно мало внимания, считая более приоритетными другие учебные дисциплины. Кроме того, на младших курсах обучающиеся еще недостаточно ясно представляют все аспекты практической подготовки будущих медиков и недооценивают важность владения русским языком как необходимым инструментом в общении врача и пациента при прохождении практики. Более того, и в социально-бытовой коммуникации зарубежные обучающиеся не стремятся использовать русский язык, ограничивая круг общения преимущественно сокурсниками и знакомыми-иностранцами, владеющими английским либо родным языком студента. В процессе социально-бытовой адаптации такие студенты зачастую полагаются на помощь своих друзей и знакомых, что нередко приводит к непредвиденным проблемам, успешное решение которых во многом зависит от уровня речевой компетенции иностранца. Однако недостаточно осознанное отношение к перечисленным выше аспектам неизбежно негативно сказывается на мотивации к изучению русского языка, что становится одной из основных проблем в организации его преподавания в данной группе учащихся.

Основной трудностью в реализации языковых программ этой формы обучения является недостаточное количество учебной нагрузки, регламентированной Федеральным государственным образовательным стандартом (далее – ФГОС), согласно которому учебный план подготовки по разным направлениям медицинского вуза предусматривает изучение русского языка в объеме часов, выделяемом на преподавание иностранного языка российским студентам. Так, учебные программы разных вузов варьируют объем нагрузки, отведенной на изучение иностранного (в нашем случае, русского языка) от 48 до 108–120 ч в течение первого года обучения (Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Тамбовский государственный медицинский университет, Астраханский государственный медицинский университет, Первый медицинский университет имени И. П. Павлова), до 420 ч в течение трех лет обучения (Приволжский научно-

исследовательский институт). При таком распределении абсолютно не учитывается различие в целях освоения иностранного языка российскими студентами и русского – зарубежными обучающимися. Последним требуется существенно интенсифицировать овладение языком для успешного вхождения в среду обучения и проживания, а также осваивать язык как инструмент будущей профессии в практической ее части.

Таким образом, можно обозначить круг проблем, возникающих перед вузами в процессе реализации образовательных программ для обучающихся на языке-посреднике. Во-первых, низкий уровень мотивации к изучению русского языка, а также вхождению в иносреду обучения и проживания. Во-вторых, разный уровень довузовской подготовки и неосведомленность о нормах поведения в российском вузе и, как следствие, несоблюдение учебной дисциплины. В-третьих, недоработанность учебного плана в вопросе выделения часов на изучение русского языка как иностранного.

Анализ исследований и научных трудов о специфике работы с обучающимися на языке-посреднике¹ показывает, что указанные проблемы носят общий характер и требуют поиска адекватных решений, поскольку тенденции набора последних лет демонстрируют увеличение потока указанного контингента студентов. Совершенствование условий реализации программ обучения на языке-посреднике позволит увеличить потенциал экспорта образовательных услуг, заявленных в качестве приоритетного направления в развитии отечественного образования.

В рамках данной статьи хотелось бы обозначить возможные пути решения основных проблем, связанных с организацией обучения на языке-посреднике в медицинском вузе, исходя из опыта работы с иностранными обучающимися в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете (СПбГПМУ).

Основополагающим принципом успешной организации обучения данного контингента, на наш взгляд, выступает комплексный подход, предполагающий взаимосвязь как аудиторной, так и внеаудиторной работы с иностранными студентами, а также наличие междисциплинарной взаимосвязи при изучении предметов специального и общегуманитарного циклов, что позволяет ориентировать иностранных обучающихся на необходимость применения русского языка в профессиональной, бы-

¹ Ангел А. В., Волкова Е. А. Роль языка-посредника на уроках русского как иностранного в условиях современного вуза // Преподаватель XXI век. 2020. № 1. С. 159–167. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-1-159-167>; Гончаренко Н. В., Алтухова О. Н., Игнатенко О. П. Обучение иностранных студентов-медиков на языке-посреднике как инновационный метод в преподавании русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. 1. 2016. № 8 (62). С. 181–183; Корнева Г. В., Герасимова Е. Е., Карякина Е. С. Пути оптимизации учебного процесса при обучении основам профессионального общения иностранных студентов-медиков, обучающихся на языке-посреднике // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Ч. 1. С. 140–149. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-4-140-149>; Сафронова Н. В. Преподавание русского языка как иностранного студентам-медикам, обучающимся на языке-посреднике: проблемы и пути решения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (69). С. 521–523. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10222>

товой и социокультурной практике. Сторонники данного подхода говорят о том, что «в медицинском вузе междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин является насущной потребностью, позволяющей сформировать и реализовать не только общекультурные, но и профессиональные компетенции будущего врача»¹. Однако данное положение, несомненно, актуальное для студентов, обучающихся на русском языке, в практике обучения иностранцев на языке-посреднике становится верным лишь отчасти. Обусловлено это тем фактом, что большинство обучающихся не чувствует связи между разными дисциплинами гуманитарного и специального профилей. Так, например, лексическое наполнение медицинских терминов, изучаемых как на языке-посреднике, так и на латинском языке, нередко коррелирует с произношением, значением и использованием их в русской научной практике². В свою очередь, неоспорима связь в изучении русского языка и таких дисциплин, как «История России», «История медицины», «Философия», «Медицинская этика»: междисциплинарное влияние обусловлено здесь единой задачей преподавания – формирование целостного культурно-гносеологического поля, определяющего нравственный облик врача.

Формирование личности будущих специалистов-медиков во многом определяется спецификой их приобщения к академической среде вуза. Основы успешного вхождения в данное сообщество иностранцев, в свою очередь, преимущественно закладываются на подготовительном отделении. При отсутствии этого этапа особую роль в социально-культурной адаптации студентов начальных курсов играет языковая подготовка, а именно правильно выстроенное взаимодействие с преподавателями РКИ, которые помимо обучающих функций зачастую выполняют обязанности куратора и тьютора, реализуя в своей практике не только прагматическую, но и воспитательную составляющую применительно к зарубежным гражданам.

В связи с этим недостаточный объем часов, определенный ФГОС на изучение русского языка как иностранного, становится особенно значимым и определяет существенную необходимость увеличения данной учебной нагрузки. В практике СПбГПМУ для решения указанной проблемы вне учебного плана были выделены дополнительные часы на изучение русского языка с 1 по 4 курс. Так, согласно учебному плану, на факультетах «Лечебное дело» и «Стоматология» нагрузка на изучение русского языка составляет 72 ч. В течение последующих 3 курсов «Русский язык

¹ Ковынева И. А., Петрова Н. Э. Междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин в медицинском вузе при обучении иностранных студентов языку специальности (из опыта преподавания) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18541> (дата обращения: 22.01.2024). EDN: VIERRH; см. также: Галеева Ф. Т. О реализации междисциплинарных связей на занятиях по иностранному языку с дисциплинами профессионального цикла // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2 (75). С. 114–116. EDN: IMHPJA

² Подробнее об этом см.: Закирьянова А. Х. Междисциплинарные связи как фактор оптимизации процесса преподавания медицинской терминологии на занятиях РКИ // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. Vol. 8-1 (71). P. 90–94. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10222>

как иностранный» преподается в рамках дополнительной нагрузки и распределяется в таком порядке: 2 курс – 300 ч, 3 курс – 200 ч и 4 курс – 145 ч вне зависимости от факультета. Общий объем дополнительных часов на изучение русского суммарно соответствует объему на подготовительном факультете и позволяет подготовить студентов к успешному прохождению практической части обучения, которая особенно интенсифицируется на 4 курсе медицинского вуза. Дополнительные занятия включаются в сетку общего расписания и являются обязательными для студентов, обучающихся на языке-посреднике.

Помимо этого, в СПбГПМУ был расширен ряд дисциплин, выделенных на работу преподавателей русского языка с обучающимися на языке-посреднике, за счет таких предметов вариативной части учебного плана, как «Культура профессиональной речи» и «История и культура Санкт-Петербурга». Кроме того, дисциплина «История России», относящаяся к обязательной части общегуманитарного цикла, также преподается специалистами, владеющими методикой преподавания РКИ.

Программы для обучающихся на языке-посреднике по дисциплинам «История России» и «История и культура Санкт-Петербурга» реализуются в смешанном формате. В зависимости от уровня владения языком учебный материал представляется в виде текстов либо презентаций, сопровождающихся комментарием на языке-посреднике. Введение и закрепление каждой из тем обеспечивается системой предтекстовых и послетекстовых заданий, рассчитанных не только на усвоение теории, но также и на отработку лексико-грамматического материала, направленного на повышение уровня владения языком. Тематические блоки включают разнообразную систему упражнений от отработки словообразовательных моделей до создания диалогических и монологических высказываний, а также участия в проблемной дискуссии на заданную тему. Кроме этого, преподавателями кафедры русского языка ежемесячно проводятся натурные уроки и экскурсии, тесно связанные с тематикой изучаемого материала. Включение в учебную нагрузку кафедры русского языка дисциплин по истории России и Санкт-Петербурга позволяет комплексно и взаимодополняяще реализовать преподавание лингвострановедческого и культуроведческого материала. Более того, частое взаимодействие преподавателей языка с обучающимися на языке-посреднике в течение 1 курса существенно облегчает возможности кураторской работы, что позитивно отражается как на коммуникативной компетенции иностранных студентов, так и на степени их адаптации в среде обучения и проживания.

Важную составляющую комплексного подхода к организации взаимодействия с обучающимися на языке-посреднике составляет система мероприятий по вовлечению их во внеаудиторную жизнь университета. В ряду привычных форм данной работы русистов с иностранцами – экскурсий, конкурсов чтецов, дней национальных культур, фольклорных фестивалей и концертов – особый образовательный потенциал имеет формат «Русского клуба», вызывающий особую заинтересованность обучающихся на языке-посреднике возможностью непосредственной коммуникации с российскими студентами. Регулярность проведения (2 раза в месяц), вариативность содержания и реализации позволяет органично встроить данный формат в обуча-

ющую лингвистическую парадигму. Наиболее продуктивным в данном отношении является взаимодействие иностранных и российских студентов в рамках клуба по подготовке лингвокультурологических презентаций сравнительно-сопоставительного толка с последующим обсуждением, а также разработка возможных проектов волонтерской деятельности, занятие которой в последнее время видится важной составляющей формирования профессионального облика будущих специалистов-медиков.

В качестве примеров можно привести некоторые результаты взаимодействия иностранных и российских студентов по разработке концепций следующих проектов:

- «Нет опозданиям» – структурирование распорядка дня студентов с целью улучшения самоконтроля и дисциплины при адаптации к системе обучения в вузе;
- «Полная тарелка» – организация питания студентов, предполагающая популяризацию традиций русской кухни, а также расширяющая возможности межнационального общения российского и зарубежного студенчества;
- «Сердце волонтера» – международная организация для помощи людям с тяжелыми аутоиммунными заболеваниями.

Обращение к специфике проектной работы не ограничивается игровым и дискуссионным форматом «Русского клуба», а предваряет последовательный переход к теоретической и практической реализации волонтерских начинаний в рамках факультативных занятий по дисциплине «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО» – еще одной составляющей в комплексном подходе к организации обучения иностранцев на языке-посреднике в СПбГПМУ. Преподавание данного предмета иностранцам также относится к учебной нагрузке кафедры русского языка, что позволяет эффективно совмещать теоретическую подготовку с практическим участием в различных волонтерских проектах, связь с которыми в качестве куратора помогают осуществлять преподаватели русского языка.

Выводы

Таким образом, принципы работы в СПбГПМУ позволили создать эффективную схему реализации комплексного подхода к организации обучения иностранцев в медицинском вузе РФ. Языковая подготовка в рамках преподавания «Русского языка как иностранного», углубленная за счет дополнительной учебной нагрузки, сочетается с курсами лингвострановедческого плана «История России», «История и культура Санкт-Петербурга», а также профессионально ориентированным курсом «Культура профессиональной речи». Аудиторная работа согласуется с регулярной внеаудиторной деятельностью, выводящей обучающихся на живое общение в рамках «Русского клуба», проектная работа которого подготавливает студентов к освоению и практической имплементации коммуникативных и социальных навыков будущего специалиста-медика на факультативных занятиях по «Организации добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействию с социально ориентированными НКО» с последующим участием в работе конкретных волонтерских организаций

СПбГПМУ. Координация не только всех аспектов указанного подхода преподавателями русского языка позволяет добиться качественных междисциплинарных связей, способствующих повышению уровня коммуникативной, лингвокультурологической компетенций, но и закладывает навыки социального взаимодействия с обществом будущих врачей.

Список литературы / References

Азимов Э. Г. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР, 2009. 448 с.

Azimov E. G. *New dictionary of methodological terms and concepts (Theory and practice of language teaching)*. Moscow: IKAR, 2009. 448 p. (In Russ.)

Ангел А. В., Волкова Е. А. Роль языка-посредника на уроках русского как иностранного в условиях современного вуза. *Преподаватель XXI век*, 2020, № 1, с. 159–167. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-1-159-167>

Angel A. V., Volkova E. A. The role of intermediary language at the lessons of Russian as a foreign language in the context of a present-day university. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2020, no. 1, pp. 159–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-1-159-167>

Галеева Ф. Т. О реализации междисциплинарных связей на занятиях по иностранному языку с дисциплинами профессионального цикла. *Мир науки, культуры, образования*, 2019, № 2 (75), с. 114–116. EDN: IMHPJA

Galeeva F. T. On realisation of interdisciplinary relations in foreign language classes with professional course disciplines. *The world of science, culture and education*, 2019, no. 2 (75), pp. 114–116. (In Russ.) EDN: IMHPJA

Гончаренко Н. В., Алтухова О. Н., Игнатенко О. П. Обучение иностранных студентов-медиков на языке-посреднике как инновационный метод в преподавании русского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: в 2-х ч, ч. 1, 2016, № 8 (62), с. 181–183.

Goncharenko N. V., Altukhova O. N., Ignatenko O. P. Teaching foreign medical students in an intermediary language as an innovative method in teaching the Russian language. *Philology. Theory & Practice*: in 2 parts, part 1, 2016, no. 8 (62), pp. 181–183. (In Russ.)

Закирьянова А. Х. Междисциплинарные связи как фактор оптимизации процесса преподавания медицинской терминологии на занятиях РКИ. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, vol. 8-1 (71), pp. 90–94. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-8-1-90-94>

Zakir'ianova A. Kh. Interdisciplinary approach to teaching medical terminology in classes of Russian as a foreign language. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, vol. 8-1 (71), pp. 90–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-8-1-90-94>

Ковынева И. А., Петрова Н. Э. Междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин в медицинском вузе при обучении иностранных студентов языку специальности (из опыта преподавания). *Современные проблемы науки и образования*, 2015,

№ 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18541> (дата обращения: 22.01.2024). EDN: VIERRH

Kovynova I. A., Petrova N. E. Interdisciplinary integration of the Russian language and major disciplines in the medical university while teaching the specialty language to the foreign students (from teaching experience). *Modern problems of science and education*, 2015, no. 1-1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18541> (accessed: 22.01.2024). (In Russ.) EDN: VIERRH

Корнева Г. В., Герасимова Е. Е., Карякина Е. С. Пути оптимизации учебного процесса при обучении основам профессионального общения иностранных студентов-медиков, обучающихся на языке-посреднике. *Преподаватель XXI век*, 2022, № 4, ч. 1, с. 140–149. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-4-140-149>

Korneva G. V., Gerasimova E. E., Kariakina E. S. Ways to optimize the learning process in teaching the basics of professional communication for foreign medical students studying in an intermediary language. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, no. 4, part 1, pp. 140–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-4-140-149>

Сафронова Н. В. Преподавание русского языка как иностранного студентам-медикам, обучающимся на языке-посреднике: проблемы и пути решения. *Мир науки, культуры, образования*, 2019, № 6 (69), с. 521–523. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10222>

Safronova N. V. Teaching the Russian language as a foreign language to medical students who study in the intermediary language: problems and ways of solution. *The world of science, culture and education*, 2019, no. 6 (69), pp. 521–523. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10222>

Сведения об авторах

Евгения Евгеньевна Шлейникова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>, jevgenija@bk.ru, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (д. 2, ул. Литовская, 194100 Санкт-Петербург, Россия); **Evgeniia E. Shleinikova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>, jevgenija@bk.ru, St Petersburg State Pediatric Medical University (2, ul. Litovskaia, 194100 Saint Petersburg, Russia).

Антонина Александровна Дементьева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>, antoninademyeva@yandex.ru, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (д. 2, ул. Литовская, 194100 Санкт-Петербург, Россия); **Antonina A. Dement'eva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>, antoninademyeva@yandex.ru, St Petersburg State Pediatric Medical University (2, ul. Litovskaia, 194100 Saint Petersburg, Russia).

Татьяна Григорьевна Макарова – старший преподаватель; tat.mak1954@gmail.com, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (д. 2, ул. Литовская, 194100 Санкт-Петербург, Россия); **Tat'iana G. Makarova** – Senior Lecturer, tat.mak1954@gmail.com, St Petersburg State Pediatric Medical University (2, ul. Litovskaia, 194100 Saint Petersburg, Russia).

Ирина Ивановна Могилёва – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9559-4734>, flan43@mail.ru, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (д. 2, ул. Литовская, 194100 Санкт-Петербург, Россия); **Irina I. Mogileva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

<https://orcid.org/0000-0001-9559-4734>, flan43@mail.ru; St Petersburg State Pediatric Medical University (2, ul. Litovskaia, 194100 Saint Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: вклад авторов в подготовку публикации выражается в следующем процентном соотношении: Шлейникова Е. Е. – 50 %, Дементьева А. А. – 30 %, Макарова Т. Г. – 10 %, Могилева И. И. – 10 %. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors' contribution to the preparation of the publication is expressed in the following percentage: Shleinikova E. E. – 50 %, Dement'eva A. A. – 30 %, Makarova T. G. – 10 %, Mogileva I. I. – 10 %. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 03.05.2024.

The article was submitted 05.03.2024; Approved after reviewing 19.04.2024; Accepted for publication 03.05.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 229–237.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 229–237.

Научный отчет
УДК 37.047
EDN: OHPQNB

«Историческая гостиная» как просветительская практика для обучающихся в общеобразовательной организации

Анна Николаевна Королева

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 9»,

Вологда, Россия,

annikkor@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3176-106X>

Аннотация. В статье описывается накопленный опыт работы «Исторической гостиной», созданной в условиях муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 9» города Вологды. Раскрываются ее преимущества и значение в целях осуществления активного просвещения (в том числе исторического) обучающихся общеобразовательной организации.

Ключевые слова: общеобразовательная организация, история, историческое просвещение, «Историческая гостиная»

Для цитирования: Королева А. Н. «Историческая гостиная» как просветительская практика для обучающихся в общеобразовательной организации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 229–237.

“Historical Lounge” as a tool for educating students in a general educational institution

Anna N. Koroleva

Municipal educational institution
“Secondary school No. 9”,

Vologda, Russia,

annikkor@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3176-106X>

Abstract. The author describes the actual experience of the “Historical Lounge”, designed in the conditions of the municipal educational institution “Secondary School No. 9” in Vologda. It reveals its advantages and significance in order to implement active education (including historical education) of students in a general educational institution.

Keywords: educational institution, history, historical education, “Historical Lounge”

For citation: Koroleva A. N. “Historical Lounge” as a tool for educating students in a general educational institution. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 6 (123), pp. 229–237. (In Russ.)

Введение

История как предмет и наука всегда выступала в школе критерием патриотизма, гражданственности, нравственности, одновременно являясь показателем сформированности у обучающихся гражданской позиции, гражданской идентичности, толерантности и культурных ценностей. В этой связи формируемые качества личности гражданина ставят перед учителем первостепенные задачи – мотивировать обучающихся и повысить их познавательный интерес к проблемам истории, к изучению малой родины, своего родного края. Вместе с тем формат урока, привычный для всех обучающихся, не всегда решает поставленную задачу – вызвать у них неподдельный интерес к изучению истории. Программа курса по истории зачастую не позволяет включить в содержание ряд важных тем в полном объеме.

Причем в настоящее время становится все более актуальным вопрос создания «эффективных технологий духовно-нравственного развития молодежи средствами медиапросветительской деятельности в образовательной среде»¹.

В связи с этим возникла идея о том, что интересные или спорные исторические темы можно рассматривать в ином формате – таком, как «Историческая гостиная». В 2021–2022 уч. г. этот формат был опробован на базе МОУ «СОШ № 9» г. Вологды. Результаты апробации показали, что такая форма взаимодействия интересна обучающимся, поэтому по согласованию с Управлением образования Администрации города Вологды и под его непосредственным кураторством было принято решение – расширить целевую аудиторию и приглашать на исторические гостиные обучающихся уже со всех школ города.

Основная часть

В чем же преимущества просветительской практики в формате «Исторической гостиной»? Опыт ее проведения на протяжении последних двух лет показывает, что неформальная обстановка, расположение в большой удобной рекреации на мягких диванах, беседа с приглашенным лектором «глаза в глаза» психологически настраивают слушателей на благоприятный лад, мотивируют на дальнейшее, дополнительное изучение обучающимися той или иной исторической темы. На каждую «Историческую гостиную» приглашается специалист в конкретной области истории или вспомогательной исторической науки – профессионал в своей области знания, что делает беседы еще увлекательнее, интереснее, познавательнее, а значит, решает главную задачу – мотивировать детей изучать понравившиеся исторические темы.

С 9 декабря 2023 г. городская «Историческая гостиная» успешно функционирует в МОУ «СОШ № 9» на постоянной основе. Для выступлений приглашаются исследователи и специалисты из самых разнообразных сфер научного знания: историки, археологи, палеонтологи, дендрохронологи и др., а также обучающиеся из разных школ города.

Обучающимся нашей школы и других школ города предоставляется уникальная возможность в неформальной обстановке пообщаться с приглашенными гостями и

¹ Голобородько А. Ю., Кичигина С. В. Особенности современного культурно-исторического просветительства в образовательной среде // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 334. EDN: QTJFFF

задать им все интересующие вопросы. При этом в ходе проводимых встреч в «Исторической гостиной» особое внимание уделяется именно истории Вологодской области.

Первая гостиная называлась «Откуда есть пошла земля Вологодская», в рамках которой у обучающихся появилась возможность поучаствовать в дискуссии о времени основания города Вологды, в неформальной обстановке ребята задавали вопросы археологу А. С. Федорову (см. рис. 1).

Рис. 1. Заседание «Исторической гостиной»: «Откуда есть пошла земля Вологодская», 9 декабря 2022 г.

По итогам проведения первой гостиной, школьники заинтересовались темой археологии, был создан волонтерский отряд, подписано сетевое соглашение с АНО «Вологодский археологический центр», который обучающиеся нашей школы ежене-

дельно посещали, помогая в очистке и шифровке артефактов, найденных при раскопках дома Засецких в городе Вологде в 2022 году.

В рамках проведения второй «Исторической гостиной» на тему: «Дендрохронология – помощница истории», состоявшейся 26 января 2023 г., обучающиеся узнали о возможностях данной науки для изучения истории, а приглашенный специалист – дендрохронолог Ю. М. Жаворонков (см. рис. 2) представил вниманию собравшихся материалы об изучении истории края на основе годичных колец деревьев.

Рис. 2. Заседание «Исторической гостиной»: «Дендрохронология – помощница истории», изучение липы Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря 26 января 2023 г., 18 мая 2023 г.

Обучающиеся также смогли посмотреть на древесный материал, изучить, какая древесина применялась в Вологде для строительства домов и построек в разные века. Присутствовавшие на встрече заинтересовались данной темой, а знакомство с дендрохронологом впоследствии перешло в тесное сотрудничество – отряд «Эколя-

та» (5–6 класс) под руководством Ю. М. Жаворонкова занимается изучением деревьев вокруг нашей школы, участвует в проекте по исследованию старовозрастной липы в Спасо-Прилуцком Дмитриевом монастыре.

8 февраля текущего года, в День российской науки, состоялось очередное, третье, собрание «Исторической гостиной», посвященное вологодскому купцу и меценату Х. С. Леденцову (см. рис. 3). Специальным приглашенным гостем стал режиссер В. Ю. Калашников, непосредственно принимавший участие в съемках фильма о Леденцове к его 180-летию юбилею. К собеседнику было много вопросов: о съемках фильма, о профессии режиссера, о перспективах вологодского кинематографа и т. д.

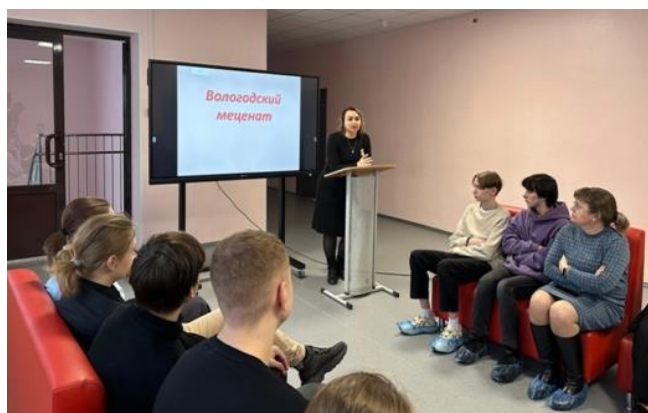

Рис. 3. Заседание «Исторической гостиной», посвященной Х. С. Леденцову, 8 февраля 2023 г.

9 марта 2023 г. состоялась четвертая по счету «Историческая гостиная» на тему: «Палеонтология – помощница истории». На нее пригласили специалиста палеонтолога Ольгу Яшину (см. рис. 4).

Рис. 4. Заседание «Исторической гостиной»: «Палеонтология – помощница истории», 9 марта 2023 г.

На местном материале обучающиеся школ города Вологды могли познакомиться с особенностями хозяйственной жизни и внешнего облика древних обитателей Вологодчины. Данная «Историческая гостиная» была особенно полезной для обучающихся естественно-научного профиля, поскольку основное внимание уделялось находкам (костям животных). Любителям истории было интересно побеседовать со специалистом на тему быта вологжан в разные века.

Темой заключительной «Исторической гостиной», состоявшейся 20 апреля 2023 г., стала: «Онежская лодка XVI–XVII века – уникальный артефакт Русского Севера».

Об интереснейшей находке XVII в. – деревянном судне, найденном на берегу Онежского озера в 2018 г., рассказали Ю. М. Жаворонков и его дочь Д. Ю. Жаворонкова, студентка исторического факультета ВоГУ (см. рис. 5).

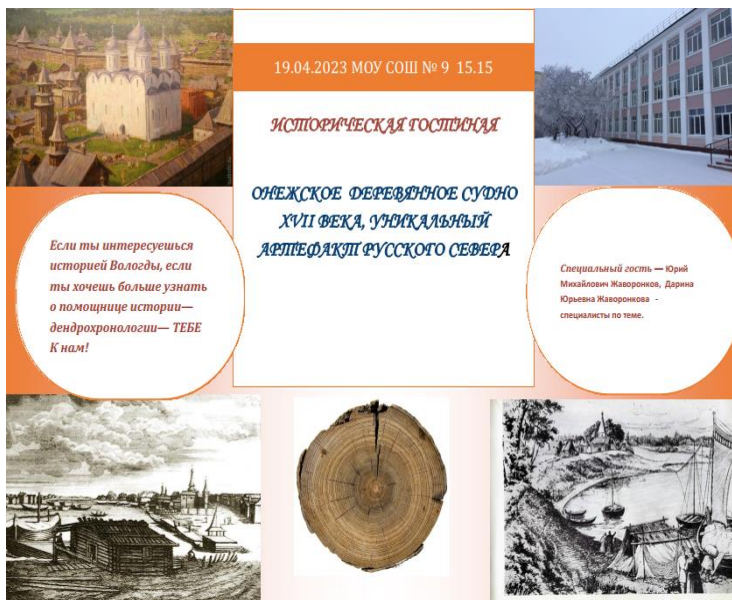

Рис. 5. Заседание «Исторической гостиной», посвященной Онежской лодке, 20 апреля 2023 г.

В настоящее время этот ценный артефакт находится в Вытегре (Вологодская область). Судно еще исследуют, но в ближайшее время его смогут увидеть все желающие.

Участники «Исторической гостиной» также узнали, что по дереву, из которого судно было изготовлено, можно определить, когда был заготовлен материал, время строительства и ремонта, а также в каких водах оно побывало. Им также представилась уникальная возможность прикоснуться к фрагментам находки.

Значимым для нашей школы является тот факт, что активная деятельность в области исторического просвещения руководителя «Исторической гостиной» А. Н. Королевой была отмечена 28 марта 2023 г. Благодарностью «Российского исторического общества» (см. рис. 6).

Рис. 6. Награждение руководителя «Исторической гостиной» А. Н. Королевой Благодарностью «Российского исторического общества», 28–29 марта 2023 г.

Выводы

«Историческая гостиная» как мероприятие, популяризирующее историю, получило высокую оценку со стороны не только самих обучающихся и их родителей, но также со стороны Управления образования Администрации города Вологды, а также гостей, приглашенных в качестве лекторов и слушателей, например И. А. Позднякова, старшего референта Мэра города Вологды по вопросам культуры. Самыми активными участниками «Исторической гостиной», кроме МОУ «СОШ № 9», стали: МОУ «Гимназия № 2», МАОУ «Центр образования № 42», школы № 11, № 12, № 13, № 14, № 17, № 30, № 37. Всего за текущий учебный год в заседаниях приняли участие 210 обучающихся.

Работа по проведению «Исторических гостиных» будет продолжена, разрабатываются новые темы, для выступлений подбираются специалисты в области исторических наук.

Великий русский историк В. О. Ключевский сказал: «История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого». Так и «Историческая гостиная» нацелена на будущее, формируя у подростков нравственные качества, ценности и мировоззрение. Разговоры с детьми на важные исторические темы позволяют сформировать правильное видение событий, и, возможно, даже способствуют тому, что кто-то из обучающихся в будущем выберет профессию, связанную с исторической наукой. Такие просветительские практики востребованы у обучающихся, поскольку они помогают сформировать как духовно-нравственные ценности, так и отражают ценность научного познания.

Список литературы / References

Голобородько А. Ю., Кичигина С. В. Особенности современного культурно-исторического просветительства в образовательной среде. *Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова*, 2021, № 1, с. 332–337. EDN: QTJJFF

Goloborod'ko A. Yu., Kichigina S. V. Features of modern cultural and historical enlightenment in the educational environment. *Bulletin of Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, 2021, no. 1, pp. 332–337. (In Russ.) EDN: QTJJFF

Сведения об авторе

Анна Николаевна Королева – директор; <https://orcid.org/0000-0002-3176-106X>, annikkor@rambler.ru, Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 9» (д. 114, ул. Чернышевского, 160019 Вологда, Россия); **Anna N. Koroleva** – Director, <https://orcid.org/0000-0002-3176-106X>, annikkor@rambler.ru, Municipal educational institution “Secondary school No. 9” (114, ul. Chernyshevskogo, 160019 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; принята к публикации 01.10.2024.

The article was submitted 07.06.2024; Accepted for publication 01.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 238–241.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 238–241.

Научный отчет
УДК 81
EDN: AUNCME

***Грамматика нынче не в моде?:
отчёт о работе XV Всероссийской школы-семинара
молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов
(2–3 ноября 2024 года)***

Елена Николаевна Ильина^{1✉}, Ольга Николаевна Крылова²

¹Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия

²Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург

^{1✉}filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

²krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

Для цитирования: *Ильина Е. Н., Крылова О. Н. Грамматика нынче не в моде?: отчёт о работе XV всероссийской школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (2–3 ноября 2024 года) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 238–241.*

***Is grammar out of fashion now?:
report on the work of the XV All-Russian school-seminar
of young lexicologists, lexicographers and linguogeographers
(November 2–3, 2024)***

Elena N. Ilyina^{1✉}, Olga N. Krylova²

¹Vologda State University,
Vologda, Russia

²Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russia

^{1✉}filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

²krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

For citation: *Ilyina E. N. Is grammar out of fashion now?: report on the work of the XV All-Russian school-seminar of young lexicologists, lexicographers and linguogeographers (November 2–3, 2024). Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 6 (123), pp. 238–241. (In Russ.).*

Юбилейное пятнадцатое заседание Всероссийской Школы-семинара молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов 2024 года было посвящено пробле-

мам грамматического анализа слова, решение которых служит основой лексикографической и лингвогеографической работы. Школу-семинар с самого начала ее существования совместно проводят Словарный сектор Института лингвистических исследований РАН и кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

Общее знание как эвиденциальное значение

Эвиденциальность (засвидетельствованность)

Для носителя английского языка определенность, число и время являются обязательными; в то же время в другом языке мы можем найти иные обязательные аспекты, например локализацию события (вблизи от говорящего или в другом месте), **источник информации о событии** (наблюдал ли говорящий событие лично, слышал ли о нем от кого-либо или вывел сведения о нем путем умозаключений) и т.д.

Ф. Боас
(1858 – 1942)

Традиционно в структуре семинара состоялись публичные лекции известных учёных: ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук Е. Л. Вилинбахова представила разновидности общего знания и охарактеризовала специфику их языковых репрезентаций, а профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, доктор филологических наук Е.Н. Ильина прокомментировала особенности составления «Диалектного словаря строения слов».

*болтать*₂ 'говорить →
(много, быстро, о том, о
чём не следует')

болтня 'болтовня'
*болт-овн-я*₂ 'бездельник'
болт-ух-а 'пустомеля'

болт-ану-ть → | *с-болтануть* 'сказать'

* *болта-(к)ос-ить* → | *по-болтакосить*
'поговорить, поболтать'

В рамках секционных заседаний были представлены доклады, освещающие лексические и грамматические особенности слов в славянских языках (М. Ю. Килина), в русских говорах (С. И. Хорошева, Я. В. Рошупкин, Э. Ф. Хайретдинова, Н. Д. Мирзоев, А. Б. Рогатнева), в памятниках средневековой письменности (М. Б. Адамович, Е. А. Гореликова), в текстах русского фольклора (М. А. Коновалова, Ду Сянь). Предметом осмысления стали также структурно-семантические особенности слов отдельных частей речи (И. В. Заманова), русских фразеологизмов (М. А. Филиппова) и сложносокращённых слов (А. И. Бровец,

А. А. Ларина, И. Р. Смирнова, А. А. Алтухова, В. А. Рязанова), а также грамматические аспекты анализа художественного текста (Е. А. Обороина, К. В. Буйлова) и поэтической лексикографии (А. А. Голубева).

В ряде докладов вопросы грамматики были рассмотрены применительно к лексикографической практике. Так, доклад М. А. Филипповой был посвящен проблеме отражения в словарной статье лингвистических особенностей группы фразеологических единиц (ФЕ) с семантикой положительной и отрицательной оценки. Я. В. Рошупкин в своем докладе поднял вопрос о разграничении фонетических и словообразовательных вариантов и его решении при лексикографировании лексики одежды в воронежских говорах. А. А. Голубева обратила внимание на языковые явления, которые необходимо учитывать при составлении словаря окказионализмов О. Э. Мандельштама. М. Б. Адамович, рассматривая деепричастный оборот в формулах статейных списков XVI–XVII вв., делает вывод о том, что дипломатические формулы с компонентом деепричастием как важный факт старорусского языка (дипломатического подъязыка) должны быть включены в исторические словари. В докладах А. А. Алтуховой, А. И. Бровца, А. А. Лариной, И. Р. Смирновой, В. А. Рязановой были рассмотрены вопросы, возникающие при лексикографическом описании сложносокращенных слов в «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка», работа над которым ведется в Донецком государственном университете.

Несмотря на то, что состав участников Школы-семинара был заметно меньше, чем в предыдущие годы, география участников по-прежнему оказалась достаточно широкой: кроме Санкт-петербургских и вологодских участников, в ней приняли участие молодые исследователи из Волгограда, Воронежа, Москвы, Петрозаводска, Самары, Смоленска, Донецкой и Китайской Народных Республик. Размышляя о причинах отсутствия массового интереса молодых учёных к грамматической проблематике филологических исследований, мы, с одной стороны, принимаем во внимание фактор «научной моды», неодинаковой востребованности разных аспектов филологического знания и методов лингвистических исследований в разные периоды развития науки. Однако, с другой стороны, не можем не замечать изменений в вузовской подготовке студентов и аспирантов в пользу прикладных аспектов филологии, междисциплинарных исследований, предметная область которых далека от изучения явлений морфемно-словообразовательных и морфолого-синтаксических особенностей языка. На этом фоне отрядную стабильность научной проблематики и положительную динамику результатов сохраняют многие научно-исследовательские центры: так, в рамках Школы состоялось обсуждение целого спектра проблем лексикографического описания сложносокращённых слов (Донецкий государственный университет) и однокоренных слов в севернорусских говорах (Вологодский государственный университет), а также структурно-семантического анализа лексики в рамках подготовки лингвистических карт «Лексического атласа русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН и др.). Хочется надеяться, что устойчивость интереса к изучению грамматической семантики и накопленный несколькими поколениями исследователей-филологов опыт исследования грамматиче-

ской формы слова продолжится в новых начинаниях и послужит основанием для новых открытий.

Сведения об авторах

Елена Николаевна Ильина – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Elena N. Pyina** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Ольга Николаевна Крылова – кандидат филологических наук, заместитель директора, krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>, Институт лингвистических исследований РАН (9, Тучков пер., 199004 Санкт-Петербург, Россия); **Olga N. Krylova** – Candidate of Philological Sciences, Deputy Director, krylova_olga2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov Lane, 199004 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.
The article was submitted 04.11.2024; Accepted for publication 08.11.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О. _научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: Vestnik@chsu.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<p><i>Форматирование основного текста</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт., интервал – 1,5. 5. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 6. Номер страницы располагается внизу справа
<p>Объем статьи</p>	<p>10–12 страниц</p>
<p><i>Требования к составу публикуемой статьи</i></p>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Тип статьи (согласно п. 4.4 ГОСТ Р 7.0.7–2021): научная, обзорная, редакционная, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия. 3. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 4. Название статьи располагается по центру, полужирным шрифтом как в предложениях на русском языке. 5. Информация об авторе статьи справа: ФИО автора(ов) – полностью с указанием значком ☐ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID. <p>Авторы располагаются согласно вкладу в подготовку статьи. Если вклад авторов равноценен, то в этом случае фамилии авторов указываются в алфавитном порядке.</p> <ol style="list-style-type: none"> 6. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать ее содержание. 7. Ключевые слова (3–10 слов) обычным шрифтом на русском языке через запятую, точка после ключевых слов НЕ ставится. 8. Благодарность (если имеется) должна содержать номер проекта и его полное название (если работа выполнена по гранту), в данном разделе могут содержаться сведения о спонсорах или партнерах по интеллектуальному праву, аспирантам необходимо указать сведения о научном руководителе. <p>Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 123... «Название»).</p> <p>Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора С. Ю. Лавровой.</p> <ol style="list-style-type: none"> 9. Название статьи – по центру полужирным шрифтом как в предложениях на английском языке
<p><i>Требования</i></p>	<p>10. Информация об авторе статьи справа на английском языке: ФИО</p>

<p><i>к составу публикуемой статьи</i></p>	<p>автора – полностью (отчество сокращается до первой буквы), указание значком ☒ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID</p>
<p><i>Требования к составу публикуемой статьи</i></p>	<p>11. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может не совпадать с русскоязычным вариантом.</p> <p>12. Ключевые слова через запятую обычным шрифтом на английском языке, в конце точка НЕ ставится.</p> <p>13. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык.</p> <p>14. Информация о благодарности в переводе на английский язык.</p> <p>Acknowledgments. The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123... “...”.</p> <p>The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor S. Yu. Lavrova.</p> <p>15. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Введение; – Основная часть; – Выводы. <p>Рекомендуется структурировать текст статьи выделением следующих разделов: материалы и методы, результаты, обсуждение. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики.</p> <p>16. Список источников / References – по ширине страницы, обычным шрифтом, в алфавитном порядке русского языка. Не имеет нумерации источников. См. примеры оформления ниже.</p> <p>Далее предоставляется контактная информация на русском и английском языках по каждому из авторов, а также сведения об отсутствии / наличии конфликта интересов (в случае, если статья была подготовлена несколькими авторами):</p> <p>ФИО полностью, научное звание и должность, ORCID, действующий электронный адрес, наименование организации, почтовый адрес с индексом организации</p>
<p><i>Сведения об авторе (авторах)</i></p>	<p>Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Вологодская область, Россия); Elena Yu. Kapustina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia).</p> <p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный</p>

	<p>вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p> <p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.</p> <p>Контактный телефон: +7921XXXXX; фактический адрес проживания (для пересылки номера журнала почтой): 162600 Вологодская обл., г. Сокол, ул. Лесная, д. 5, кв. 3.</p> <p>Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту</p>
<p><i>Библиографический список и оформление сносок</i></p>	<p>1. Список цитируемых источников в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р7.0.7–2021. Источники в списке располагаются в алфавитном порядке русского языка. Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы.</p> <p>Каждый источник, если он издан на кириллице, должен иметь перевод на английский язык. Все остальные источники приводятся в оригинале.</p> <p>2. Для связи списка источников с текстом статьи используют автоматические подстрочные сноски. Нумерация сносок постраничная. Сноска в статье оформляется следующим образом:</p> <p>В настоящее время технология «Окно Овертона» активно изучается в разных науках: политологии¹, философии², социологии³, лингвистике⁴.</p> <hr style="width: 20%; margin-left: 0;"/> <p>¹ Арутюнян В. А. «Окно Овертона» как инструмент ведения информационной войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 38–44; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 4 (303). С. 83–93.</p> <p>² Овсянникова В. А., Быльева Д. С. Применение технологии окна Овертона (на примере проблемы эвтаназии в России) // Коммуникативные стратегии информационного общества: сборник трудов X Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 330–335.</p> <p>³ Ильин А. Н. Окно Овертона как средство дегуманизации запада в условиях информационного общества // Информационное общество. 2018. № 6. С. 19–29.</p> <p>⁴ Колмогорова А. В. Информационно-психологическая война через окно... Окно Овертона (на примере дискурса легитимации в России однополых браков) // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 313–326.</p>
	<p>Образец оформления списка источников:</p> <p style="text-align: center;">Список литературы / References</p> <p>Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии. <i>Черные металлы</i>, 1988, № 13, с. 3–12.</p> <p>Kavakami K. Modernization of production processes in the steel industry</p>

try of Japan. *Ferrous metals*, 1988, no. 13, pp. 3–12. (In Russ.)

Масловский М. В. *Современная западная теоретическая социология*. Нижний Новгород, 2005. URL: <http://forsociologists.narod.ru/csth/lectu-re7.html> (дата обращения: 01.01.2011).

Maslovskii M. V. *Modern Western theoretical sociology*. Nizhny Novgorod, 2005. Available at: <http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html> (accessed: 01.01.2011). (In Russ.)

Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты. *Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования*. Москва: Просвещение, 2003, с. 39–53.

Platova E. The phenomenon of teenage fanaticism – football fans. *Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program*. Moscow: Prosveshhenie, 2003, pp. 39–53. (In Russ.)

Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с.

Propp V. Ya. *The historical roots of the fairy tale*. Leningrad: Labirint, 1986. 256 p. (In Russ.)

Салахетдинов Э. Р. *Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва: [б. и.], 2008. 25 с.

Salakhettidinov E. R. *Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports: abstract PhD thesis in psychology*. Moscow, 2008. 25 p. (In Russ.)

Третьяков А. В., Гарбер Э. А., Давлетбаев Г. Г. *Расчет и исследование прокатных валков*. Москва: Metallurgia, 1976. 376 с.

Tret'iakov A. V., Garber E. A., Davletbaev G. G. *Calculation and study of the rolls*. Moscow: Metallurgii, 1976. 376 p. (In Russ.)

Чиршева Г. Н., Скородумова Е. В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2014, № 4 (57), с. 116–120.

Chirsheva G. N., Skorodumova E. V. Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2014, no. 4 (57), pp. 116–120. (In Russ.)

Weber M. The Rationalization of Education and Training. Gerth H., Mills C.W.R. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1946. 421 p.

Cross A. G. An Anglo-Russian Medley. *The Slavonic and East European Review*, 1992, vol. 70, pp. 708–721.

Если приводимой статье присвоен индекс DOI или EDN, его указание обязательно.

Рисунки,

1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графич-

<p><i>схемы, диаграммы, фотографии</i></p>	<p>ческом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы.</p> <p>2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются.</p> <p>3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (см. рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений.</p> <p>4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком</p>
<p><i>Таблицы</i></p>	<p>1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2010 с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку.</p> <p>2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок.</p> <p>3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4.</p> <p>4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12-2011.</p> <p>5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается</p>
<p><i>Единицы физических величин</i></p>	<p>Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ</p>
<p><i>Формулы</i></p>	<p>1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Math Type 7.0 Equation.</p> <p>2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках.</p> <p>3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте.</p> <p>4. Номер выставляется посредине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста.</p> <p>5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6.</p> <p>6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста.</p> $\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_r E(\tau)}{1-\nu} [T(x,\tau) - T(x,0)] \end{cases} \quad (11)$

Педагогические науки
Научная статья
УДК 37.013.42

Особенности социально-педагогической деятельности по формированию гендерных ролей у младших школьников

Лидия Ильинична Бурова^{1✉}, Елена Юрьевна Капустина²

^{1,2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

¹pimno@chsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

²m_ey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>

Аннотация. Авторы рассматривают основные подходы к сущности понятия «гендерная роль» и проблему формирования гендерных ролей у детей младшего школьного возраста в процессе социализации личности. В статье описывается опытно-экспериментальная работа по формированию гендерных ролей учащихся начальной школы при реализации авторской программы социально-педагогической деятельности.

Ключевые слова: гендерная роль, младший школьный возраст, диагностика формирования гендерных ролей, программа формирования гендерных ролей учащихся начальной школы

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 123... «НАЗВАНИЕ».

Features of social and Pedagogical activities for formation of gender roles at younger school students

Lidiya I. Burova^{1✉}, Elena Yu. Kapustina²

^{1,2}Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

¹pimno@chsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

²m_ey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>

Abstract. The author considers the main approaches to essence of the concept “gender role” and problem of formation of gender roles at children of younger school age in the course of socialization of the personality. The article describes the experimental work on formation of gender roles of pupils of elementary school during implementation of the author's program of social pedagogical activity.

Keywords: gender role, younger school age, diagnostics of formation of gender roles, program of formation of gender roles for pupils of elementary school

Acknowledgments. The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123... “ ”.

Введение

В отечественной психолого-педагогической литературе раскрыты различные аспекты воспитания мальчиков и девочек такими учеными, как Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, Д. В. Колесов, Л. Г. Хрипкова, Т. А. Репина, В. В. Абраменкова, И. С. Кон, А. В. Мудрик, Л. И. Столярчук и др. Проблемы формирования гендерных

идентичности и социализации младших школьников затронуты в работах О. А. Асадуллиной, Е. А. Гаффаровой, А. В. Дресвяниной, Е. Н. Каменской и др.

...

Основная часть

Понятием «гендерная роль» в последнее время все чаще оперируют в разных научных областях, но четкого определения данному феномену еще не дано. Гендерная роль предполагает дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей в зависимости от половой принадлежности.

...

Выводы

...

Список литературы / References

Асадулина О. А. Проблема гендерной социализации современных младших школьников. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 2011, № 12, с. 101–109.

Assadulina O. A. The problem of gender socialization of modern younger schoolchildren. *Scientific problems of Humanitarian Studies*, 2011, no. 12, pp. 101–109. (In Russ.)

Дресвянина А. В. Гендерный уклад начальной школы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета: гуманитарные и социальные науки*, 2009, № 2, с. 96–99.

Dresvianina A. V. Gender way primary school. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University: humanities and social sciences*, 2009, no. 2, pp. 96–99. (In Russ.)

Капустина Е. Ю. *Гендерный стереотип. Настольная книга специалиста по социальной работе*. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2014, с. 43–45.

Kapustina E. Yu. *Gender stereotypes. Handbook expert in social work*. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2014, pp. 43–45. (In Russ.)

Сведения об авторах

Лидия Ильинична Бурова – доктор педагогических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>, pimno@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Lidiya I. Burova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>, pimno@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Бурова Лидия Ильинична

Моб. Тел.: +7-911-xxx-xx-xx

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Лесная, д. 5, кв. 3.

Капустина Елена Юрьевна

Моб. Тел.: +7-921-xxx-xx-xx

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Весенняя, д. 1, кв. 2.

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Яский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.12.2024 г. Зак.
Выход в свет: 15.12.2024 г.
Тир. 300 (1 з-д – 30). Уч.-изд. л. 25. Усл. п. л. 22.
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс.

Журнал региональной истории

HISTORIA
Provinciae

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»
 – сетевое электронное издание; ISSN № 2587-8344.
 – рецензируемый научный журнал, выходящий 4 раза в год.
 Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «*Череовецкий государственный университет*».

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» со 2 декабря 2019 г. входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»
 – публикует все тексты параллельно на русском и английском языках
 – принимает статьи, рецензии, обзоры, заметки по специальностям:

- 07.00.02 Отечественная история
- 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
- 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Публикация в журнале (включая перевод статьи на английский язык) для авторов бесплатная. Научным публикациям присваивается идентификатор DOI.

Цель журнала – публикация результатов научных исследований в области отечественной, всеобщей и политической истории, отличающихся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. К печати принимаются оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся материалы. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы.

Размещение и индексирование журнала в базах данных:

Сайт журнала: www.hpchsu.ru en.hpchsu.ru

Главный редактор – **Ольга Юрьевна Солодянкина**, e-mail: olga_solodiankin@mail.ru
 Заместитель главного редактора – **Егоров Андрей Николаевич**, e-mail: anegorov65@mail.ru
 Ответственный секретарь редакции – **Наталья Анатольевна Тихомирова**, e-mail: historiaprovinciae@bk.ru

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

9 771994 063357 >